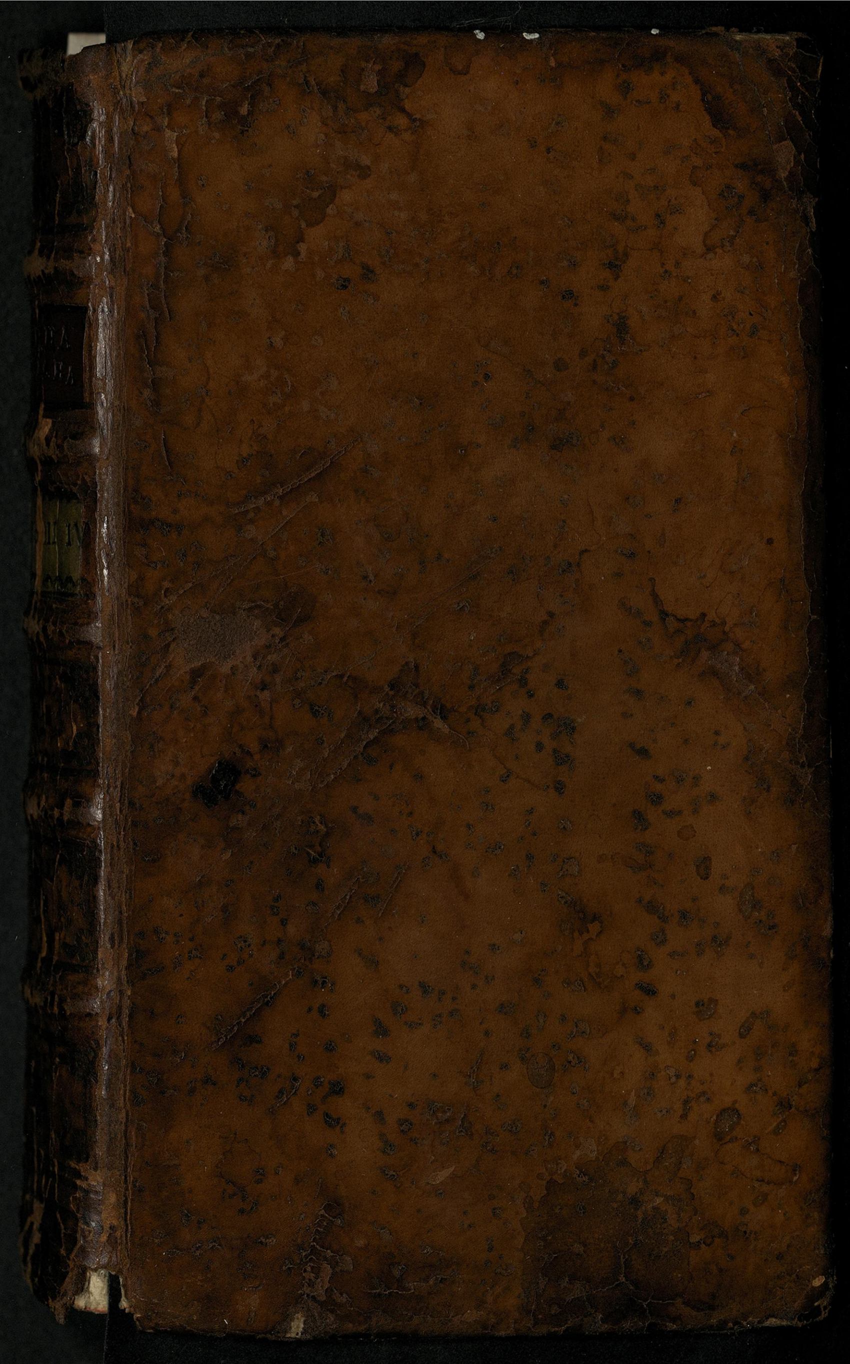
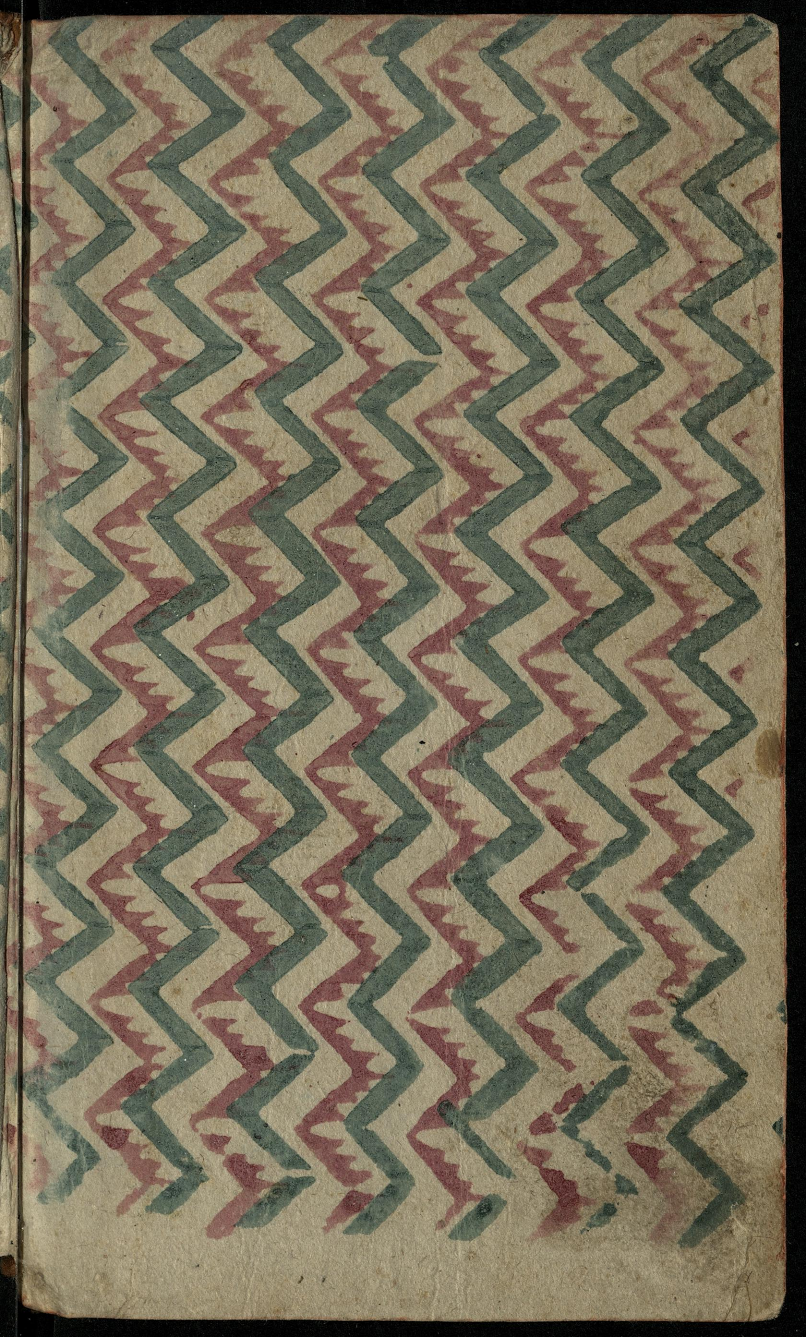






СОЧИНЕНІЯ

ІОАННА БЮНІАНА.

Часть III.

содержитъ

ЖИЗНЬ И СМЕРТЬ

Г. КВАТА,

ИЛИ

Путешествіе развратнаго и злочестиваго человѣка къ вѣчной погибели.

Переводъ съ Нѣмецкаго языка.

Иждивеніемъ Компаніи Типографической.

МОСКВА.

Въ Типографіи Компаніи Типографической,

1786.

Предисловіе Нѣмецкаго Переводчика.

Благосклонный Читатель!

Почтенный АвторЪ сочиненія сего, весьма изящно и живо изобразивши все состояніе Христіанина и путешествіе его чрезЪ мірЪ сей кЪ вѣчной славѣ (сіе же сочиненіе было столь пріятно соотечественникамЪ его, что во всѣхЪ мѣстахЪ весьма желали читать оное, и читали сЪ великимЪ удовольствіемЪ), былЪ побужденЪ еще взять перо вЪ руку, и представивши прежде ложнаго и истиннаго Христіанина, представить и невозрожденнаго человѣка, нехотѣвшаго Благодатію озаритися, и составить изЪ того вторую Часть прежняго своего сочиненія, или прибавленіе кЪ оному. Тамо видѣлЪ ты душу, Бога ищущую, устремляющую безпрестанно очи свои на единаго всеблагаго Господа, сЪ неугасимымЪ желаніемЪ наслаждаться ИмЪ, прошедшую сквозь всѣ препоны, и продолжавшую кЪ Нему путешествіе свое. Здѣсь же видишь нещастнаго міролюбца, идущаго совсѣмЪ по иномЪ пути, и поспѣшно стремящагося кЪ аду, которой

на такихъ людей налагаетъ тяжелыя свои цѣпи, дабы удержать ихъ во власти своей. Тамъ являлся Христіанинъ въ шествіи своемъ (какъ по внутренности, такъ и по внѣшности) совершеннымъ Христіаниномъ, и являлся таковымъ, каковымъ бываетъ онъ при первомъ побужденіи оставить міръ, при продолженіи шествія во спасеніи, и при своемъ блаженномъ входѣ въ небесной Іерусалимъ. Здѣсь же узришь безумнаго грѣшника, шествующаго въ піянствѣ и продолжающаго такое шествіе чрезъ всѣ званія и состоянія свои отъ дѣтства своего до лѣтъ мужескихъ, и отъ оныхъ до самой своей смерти. Здѣсь видишь ты сердце его обнаженнымъ, и сокровеннѣйшія его мысли, рѣчи, поступки въ разсужденіи Бога, своего ближняго и самаго себя открытыми. Все сіе представлено тебѣ подъ титуломъ жизни и смерти Г. Квата, человѣка, которому весьма кстати дано было такое имя.

Угодно было Господу въ неисповѣдимой Его премудрости положить, чтобъ мужа онаго, т. е. Автора творенія сего, прежде нежели былъ онъ тронутъ въ духѣ своемъ и отлученъ отъ міра; прежде нежели камень сей сдѣланъ былъ не только истиннымъ чадомъ Авраамовымъ, но и мудрымъ строителемъ духовнаго Божіяго дома; угодно было Ему, говорю, допустить мужа сего

весьма

весьма далеко отъ себя уклониться и довольное время ходить по путямъ сердца своего. Сіе признаетъ онъ самъ въ одной книжицѣ, подъ названіемъ *Изобильная благодать Божія, доказанная на одномъ изъ величайшихъ грѣшниковъ*, въ честь Бога предъ всемъ міромъ. Когда же онъ обращеннымъ сдѣлался, то отъ всего сердца восхотѣлъ и другихъ, оставшихся еще на семъ широкомъ пути, вырвать изъ челюстей заблужденія, помрачающаго зрѣніе ихъ; ибо онъ, когда уже очи ума его просвѣтились, вѣдалъ, что конецъ пути сего есть смерть. Сей цѣли своей достигаетъ онъ изображеніемъ грѣховнаго житія чадъ міра, коихъ онъ столь много видѣлъ, и столь твердо зналъ по опыту, что наисильнѣйшимъ и чувствительнѣйшимъ образомъ предъ всемъ міромъ о томъ говорить могъ, дабы каждой собственными глазами своими, яко въ зеркалѣ, увидѣлъ въ повѣствованіи семъ тѣ ходы, которые твердо соединены съ адомъ, и могъ бы, читая кончину *Квастопу*, узнать и то, что и самъ онъ не находится ли какимъ нибудь образомъ на пути его.

Въ книгѣ сей по большей части находятся такія вещи, кои извѣстны ему по собственному его опыту, и кои собственными глазами своими видѣлъ онъ на позо-

рищѣ міра. Разныя повѣсти, вмѣщенныя имъ въ книгѣ сей, и касающіяся до различныхъ злодѣяній и судовъ, низпосланныхъ правосудною рукою Божіею на оныхъ злодѣевъ въ наказаніе злобы ихъ, суть всѣ такія, въ истиннѣ которыхъ онъ не сомнѣвается; ибо нѣкоторыхъ изъ нихъ былъ онъ самъ очевиднымъ свидѣтелемъ, и самъ оныя слышалъ; а прочія дошли до него изъ такихъ вѣрныхъ рукъ, что не должно сомнѣваться ни въ одной изъ оныхъ, сколь бы чудными онѣ ни казались. Печатію глубокаго молчанія запечатлѣлъ онъ имена всѣхъ тѣхъ, коихъ грѣхи и послѣдовавшія за оными наказанія имъ представлены не для того, чтобъ онъ не могъ объявить ихъ, но для того, что злодѣянія нѣкоторыхъ и постигшее ихъ за оныя наказаніе не всѣмъ извѣстны; ибо совершены и ощущены были онѣ нѣкоторымъ образомъ не явно. Другая же причина была тому та, чтобъ не оскорбить ихъ потомковъ, по нихъ оставшихся; что бы было неизбѣжно, естьли бы объявилъ онъ грѣхи умершихъ друзей ихъ и слѣдовавшее за сими наказаніе, и естьли бы открылъ онъ публично всему міру имена ихъ. Также хотѣлъ онъ освободить ихъ отъ срама и презрѣнія, которымъ бы конечно были они подвержены, естьли бы имена ихъ сдѣлались явными. О нѣкоторыхъ упоминаетъ онъ ясно; ибо злоба ихъ и наказаніе

казаніе за оную всѣмъ были извѣстны. Иногда Богу бываетъ угодно низпосылать суды свои на грѣшниковъ такъ явно и ощутительно, что оными поражаемы бываютъ они въ такомъ мѣстѣ, въ которомъ пораженіе сіе всѣми бываетъ видимо, Іов. гл. 34. ст. 26; дабы затворить всѣмъ уста, и дабы возгласить: молчите! „Они жили не къ возвѣщенію имени Господня, и вина со срамомъ есть часть ихъ.„

Онъ видѣлъ, что грѣхи и злоба умножились, подобно потопу по землѣ разлилися, и даже самыя горы по видимому ими покрылися; онъ видѣлъ, что отечество его ими упивалося, и что чаятельно оными и совсѣмъ низвергнуто быть могло. Размысливши же, на какую степень онъ Господомъ Іисусомъ Христомъ возведенъ былъ, захотѣлъ онъ вѣрно исполнить должности сана своего, громогласно возвѣстить дому Іаковлю преступленіе его, и увѣщать его, дабы возмогъ онъ избѣгнуть отъ предстоящей ему погибели. Господь умилосердился надъ нимъ и извлекъ его изъ погибели; почему и онъ восхотѣлъ оказать сожалѣніе свое къ нещастнымъ, ходящимъ еще во тмѣ, въ коей онъ оставилъ, и обратившись самъ, пожелалъ обратить и своихъ братій по плоти. Сіе трогало сердце его, и онъ захотѣлъ очиститься отъ кро-

ви тѣхъ, кои дерзско и противно всѣмъ увѣщаніямъ хотѣли упорно во грѣхахъ пребывать. Что въ такомъ случаѣ может учитель сдѣлать болѣе, какъ грѣхи и злочестіе представить въ точной ихъ мерзости, и увѣщать грѣшника, да отведетъ отъ себя тѣ непремѣнные суды и наказанія, которыя его нѣкогда угнѣтать будутъ?

Мы не будемъ болѣе говорить о семъ, думая, что благоразумной Читатель изъ сказаннаго уже довольно видѣть можетъ, для чего мы сочиненіе сіе перевели на нашъ языкъ послѣ переведеннаго уже сочиненія Автора сего, подъ титуломъ: *Путешествіе къ блаженной вѣчности.* (*) И такъ Авторъ предшествовалъ Переводчику, и читавшіе первое сочиненіе его весьма желали перевода и сего послѣдняго. Естьли же *будетъ* оно принято съ такою *же* благосклонностію (какъ то мы, сверьхъ чаянія нашего, узнали по первому), то ни типографщикъ, ни переводчикъ не будетъ въ дѣлѣ своемъ раскаяваться.

(*) Трудившійся въ переводѣ сея книги на Нѣмецкой языкъ, не упоминаетъ во всемъ предисловіи о Путешествіи Христіанки для того, что на Нѣмецкомъ языкѣ напечатано оно въ одной книгѣ, съ Путешествіемъ Христіанки.

ваться. А естьли кто нибудь изъ родственниковъ Кватовыхъ (ибо, къ сожалѣнію, родъ его весьма великъ и находится во всѣхъ мѣстахъ, не исключая и нашей Германіи) найдетъ въ разныхъ мѣстахъ свои портреты, и захочетъ порицаніемъ и злословіемъ мстить Автору книжицы сей, и укорять его простотою: тотъ чрезъ сіе откроетъ, что онъ точно изъ числа тѣхъ, о которыхъ говорилъ Авторъ, и откроетъ сіе яснѣе, нежели бы сей всѣми своими сочиненіями произвесть былъ въ состояніи. Что касается до него, то онъ являетъ себя агнцемъ среди всѣхъ сихъ волковъ, и во всемъ надѣется на совѣсть свою, и святую свою цѣль, которую онъ въ семъ случаѣ предпоставилъ себѣ. Мы надѣемся, что знающій и богобоязливый Читатель будетъ симъ трудомъ его доволенъ, и естьли многіе изъ таковыхъ, подобно ему, страшатся злаго конца: то ихъ, какъ мы уповаемъ, твореніе сіе отстрашитъ и отъ злыхъ путей, ведущихъ къ оному. Сколь бы ни старались прикрываться внѣшнимъ признаніемъ грѣховъ (что нынѣ весьма въ обыкновеніи), но естьли сердце исполнено еще стремленіемъ ко злу, то сіе, по видимому, столь же неспособно закрыть насъ отъ Божіяго все испытующаго Ока, какъ листвія фиговаго дерева.

Еще осталось мнѣ сказать тебѣ нѣчто, благосклонной Читатель. Авторъ въ разныхъ мѣстахъ говорилъ весьма пространно о нѣкоторыхъ грѣхахъ, ихъ естествѣ, дѣйствіяхъ и злыхъ слѣдствіяхъ, равно какъ и о средствахъ къ освобожденію себя отъ оныхъ. И такъ разсудили мы, что не худо сдѣлаемъ, естьли все сіе нѣсколько сократимъ; что и исполнили мы въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, дабы твореніе сіе тѣмъ съ большимъ удовольствіемъ читано было. Впрочемъ вмѣстѣ съ Авторомъ желаемъ мы, чтобъ Всемогущій Богъ низпослалъ благодать народу своему, и дабы оной хотя и не ненавидѣлъ грѣшниковъ, однако бы не избиралъ путей ихъ, но былъ бы чистымъ отъ крови тѣхъ, кои умираютъ во грѣхахъ своихъ, какъ словами, такъ и дѣлами, во имя и по закону Того, Коего признавать и любить оной обязывается.



ЖИЗНЬ И СМЕРТЬ
Г. КВАТА,
ИЛИ
Путешествіе злочестиваго и развратнаго человѣка къ вѣчной погибели.

Стефанъ.

Доброе утро, любезной сосѣдъ! куда ты идешь такъ рано? Мнѣ кажется, что ты заботишься о чемъ-то необыкновенномъ. Не пропала ли у тебя часть скота твоего? или что такое сдѣлалось съ тобою?

Гаій.

Также и тебѣ желаю я добраго утра, другъ мой; я ничего своего не потерялъ, но и ты не ошибся: ибо я, какъ говоришь ты, очень забочусь; причиною же сему суть только худыя времена. Ты, государь мой, какъ то всѣмъ сосѣдямъ нашимъ извѣстно, человѣкъ очень набожной; и такъ прошу тебя сказать мнѣ, что ты о томъ думаешь?

Стефанъ. Мнѣ кажется, что времена, какъ ты говоришь, подлинно *худы*, и пребудутъ навсегда таковыми, естьли *люди* не сдѣлаются благочестивѣе, ибо *худые люди дѣлаютъ худыми времена.* Когда же они исправятся, тогда исправятся и времена. Безумно думать о добрыхъ дняхъ тогда, когда грѣхи еще такъ высоко восходятъ, и такое великое количество находится питающихъ и поддерживающихъ ихъ. Когда захочетъ Богъ грѣхи истребить, а питающихъ и хранящихъ ихъ привесть къ обращенію: тогда, любезной сосѣдъ, не будешь ты такъ безпокоиться, какъ теперь. Теперь ты печаленъ, ибо времена худы; но тогда будешь радоваться добротѣ ихъ. Теперь сіе такъ сильно на тебя дѣйствуетъ, что ты весьма печалишься; но тогда будешь ты такъ восхищенъ, что съ восклицаніемъ возвысишь гласъ свой. Ибо я безъ сомнѣнія могу сказать о тебѣ, что естьли увидишь ты еще нѣкогда дни такіе, то возбудятъ они тебя къ радостнымъ восклицаніямъ.

Гай. Ахъ! конечно бы это такъ было: я просилъ и желалъ такихъ временъ; но страшусь, чтобъ скорѣе не настали худшія вмѣсто лучшихъ.

Сте-

Стефанъ. Не думай такъ: ибо имѣющій въ рукѣ своей сердца человѣческія, скоро можетъ злыя превратить въ лучшія, слѣдственно и изъ худыхъ временъ сдѣлать добрыя. Да дастъ Богъ благочестивымъ жизнь долгую, тѣмъ особливо, которые способны къ служенію Ему въ мірѣ семъ! Красотою изящности сего видимаго міра суть по Богѣ и чудесамъ Его тѣ изъ человѣковъ, которые блестятъ и сіяютъ богочестіемъ.

Гайй. Аминь! Аминь! Но для чего вздыхаешь ты, государь мой? Не другая ли печаль, отличная отъ примѣченной тобою во мнѣ, была причиною вздоха сего?

Стефанъ. Я вмѣстѣ съ тобою болѣзную о худыхъ временахъ; но не сіе произвело вздохъ мой, какъ кажется мнѣ, тобою примѣченный. Я вздыхаю о смерти человѣка, для котораго вчера въ городѣ звонили въ колокола.

Гайй. Какъ! не умеръ ли уже сосѣдъ твой, Г. *Благочестивой*? Я точно слышалъ, что онъ боленъ.

Стефанъ. Нѣтъ; естьли бы умеръ онъ, то бы я не могъ удержаться отъ скорби, но не такъ бы меня это сразило. Естьли бы умеръ онъ, то бы только

сталъ я печалиться о томъ, что міръ лишился такого свѣтильника; но человѣкъ, о которомъ я печалюсь, никогда не бывалъ благочестивымъ, и слѣдственно не только онъ умеръ, но и осужденъ; онъ умеръ для того, чтобы умереть; онъ пошелъ отъ жизни въ смерть, и отъ смерти въ жизнь, отъ смерти естественной въ смерть вѣчную.

Гаій. Глаза твои исполнились слезъ; путешествіе съ смертнаго одра къ аду есть конечно ужасно, естьли только о томъ и подумаешь. Но кто же, любезный Стефанъ! человѣкъ сей, и изъ чего заключаешь ты, что онъ такъ былъ нещастливъ въ смерти своей?

Стефанъ. Естьли ты подождешь немного, то я скажу тебѣ, кто былъ онъ, и для чего я такъ заключаю о немъ.

Гаій. Обстоятельства мои не препятствуютъ мнѣ подождать нѣсколько, и я охотно буду слушать тебя, *моля Бога, да рѣчи твои такъ впечатлѣетъ Онъ въ сердцѣ моемъ, чтобы я чрезъ то поправился.* Сядемъ здѣсь на нѣсколько времени подъ тѣнію деревъ.

Стефанъ. Человѣкъ, о которомъ говорю я, былъ Г. *Кватъ*; онъ долго жилъ въ городѣ нашемъ, а нынѣ, какъ упомя-

нулъ

нулЪ я, умерЪ. Но причиною огорченія моего, причиняемаго мнѣ его смертію, есть не то, чтобЪ былЪ онЪ сродственникомЪ моимЪ, или чтобЪ благія свойства умерли сЪ нимЪ, ибо онЪ совсѣмЪ не имѣлЪ ихЪ; но причиною сему есть страхЪ, чтобЪ онЪ вдругЪ не умерЪ двумя смертями.

Гайй. Я понимаю, что разумѣешь ты подЪ сими двумя смертями, и правду сказать, ужасЪ обЪемлетЪ, естьли о комЪ сЪ вѣроятностію такЪ подумать можно; ибо хотя смерть злочестивыхЪ и грѣшниковЪ только не многихЪ сердечно трогаетЪ, однако вЪ такомЪ состояніи умереть мучительнѣе и ужаснѣе, нежели кто либо себѣ вообразить можетЪ. Правда, что естьли бы человѣкЪ не имѣлЪ души, то сіе не такЪ бы было важно; но какЪ ТворецЪ создалЪ его кЪ тому, чтобЪ быть вѣчно существомЪ чувствительнымЪ, и отдаться вЪ руки правосудія мстящаго, которое его всегда наиужаснѣйшимЪ образомЪ по мѣрѣ грѣховЪ его вЪ страшной безднѣ адской наказывать будетЪ: то необходимо должно быть сіе неизреченно прискорбно и жалостно.

Стефанъ. Я думаю, что никто, размысливши только о высокомъ достоинствѣ душъ, не можетъ не быть пораженнымъ печалiю и скорбiю, услышавши о смерти необратившагося человѣка; ибо, какъ говорю я, состоянiе его *вѣчно мучительно*, поколику *ощущенiе* дѣлаетъ наказанiе тягостнымъ. Но *чувствованiе*, или ощущенiе, есть не все, постигающее *осужденныхъ*; они чувствуютъ и говорятъ. И какъ чувствованiе дѣлаетъ наказанiе болѣзненнымъ, ибо чувствованiе наказанiе чувствуетъ и имъ мучится: то и чрезъ способность говорить, и чрезъ упражненiе оной среди мученiя осужденныхъ, страданiя ихъ еще увеличатся; чему суть причины троякiя:

1.) Способность говорить со стенанiемъ сама себѣ скажетъ: *для чего меня такъ наказываютъ*? И легко найдетъ, что ничто, кромѣ смраднаго грѣха, тому не причиною. Чрезъ сiе грызѣнiе смѣшается съ наказанiемъ, и скорбь весьма умножится.

2.) Способность говорить вопроситъ сама себя: *сколь долго пребуду я въ семъ состоянiи*? И тотчасъ сама себѣ будетъ отвѣтствовать: сiе состоянiе должно вѣчно пребыть таковымъ! а сiе вторично умножитъ мученiе.

3.)

3.) Способность говорить будетъ стенать, и такъ сама себѣ скажетъ: *чего же чрезъ грѣхи лишилася я, кромѣ моего увеселенія и спокойствія?* И тотчасъ на сіе сама себѣ будетъ такъ отвѣтствовать: я лишилася общенія съ Богомъ, Христомъ, Святыми и Ангелами, и наслѣдіе въ небѣ и вѣчной жизни для меня чуждо. Сіе необходимо должно увеличить болѣзнь осужденныхъ душъ. — И сія-то участь есть участь Г. *Квата*!

Гайй. Я нахожу, что сердце мое трепещетъ, когда только помышляю, что и я могу притти въ такое состояніе. Адъ! - - Ахъ! кто же изъ живущихъ еще вѣдаетъ, что такое есть мученіе адское? Слово *адъ* издаетъ ужасной звукъ.

Стефанъ. Ахъ! конечно въ ушахъ того, которой имѣетъ совѣсть нѣжную. Но естьли и названіе ада, какъ говоришь ты, производитъ такой ужасной звукъ: то каково *самое мѣсто* и мученіе, ощущаемое тамъ душами осужденныхъ, ощущаемое безъ малѣйшаго облегченія, ощущаемое вѣчно?

Гайй. Какъ теперь есть у меня досугъ на нѣсколько времени чѣмъ нибудь заняться, то оставя сіе, прошу тебя

открыть мнѣ, что заставляетъ тебя думать, что Г. *Кватъ* въ адъ пошелъ?

Стефанъ. Хорошо; но знаешь ли ты, о какомъ *Кватѣ* говорю я?

Гай. Развѣ ихъ нѣсколько?

Стефанъ. О! безъ сомнѣнія; у него есть братья и сестры; а что еще сожалительнѣе, иногда бываютъ таковыми и дѣти родителей богочестивыхъ.

Гай. О комъ же говоришь ты?

Стефанъ. О *старшемъ*, которой старъ былъ по лѣтамъ, старъ былъ и по грѣхамъ; *столѣтній же грѣшникъ долженъ быть проклятъ*.

Гай. Но по чему думаешь ты, что онъ въ адѣ?

Стефанъ. По злочестивой его жизни и ужасной смерти, согласной съ его жизнію.

Гай. Увѣдомь же меня о родѣ смерти его, потому что тебѣ обстоятельно сіе извѣстно.

Стефанъ. Я былъ при смерти его, и во всю свою жизнь не желаю видѣть такою смертію умирающаго человѣка.

Гай. Пожалуй, любезный другъ, разскажи мнѣ сіе какъ нибудь.

Стефанъ. Ты сказалъ, что тебѣ здѣсь нѣсколько времени пробыть можно;

по-

почему, естьли тебѣ угодно, и буду я разсказывать тебѣ о немъ нѣкоторымъ образомъ по порядку. Сперва должно намъ начать съ жизни его, а послѣ притти и къ его смерти, дабы повѣствованіе о жизни его болѣе тебя тронуло, когда будешь слушать повѣствованіе о его смерти.

Гаій. Развѣ жизнь его такъ тебѣ извѣстна?

Стефанъ. Я зналъ его, когда онъ былъ еще ребенкомъ. Я былъ уже почти мужемъ, когда былъ онъ еще юношею, и я особливое имѣлъ къ нему вниманіе отъ начала до конца его.

Гаій. Пожалуй, разскажи мнѣ всю жизнь его, но только какъ можно короче; ибо мнѣ уже хочется узнать родъ и образъ его смерти.

Стефанъ. Я постараюсь удовлетворить твоему желанію, и сначала скажу тебѣ, что онъ и во время дѣтства своего очень былъ золъ. Начало его уже прежде показывало, что добраго конца чаять не можно. Онъ предавался разнымъ грѣхамъ, когда еще былъ *мальчикомъ*, кои ясно показывали, что онъ примѣтно оскверненъ грѣхомъ наслѣдственнымъ. Ибо я могу сказать, что оному

не научился онъ ни отъ отца, ниже отъ матери. Также не позволено ему было и часто выходить изъ дома къ дѣтямъ злочестивымъ, у которыхъ бы онъ грѣхъ перенять могъ; но напротивъ того когда онъ выходилъ иногда къ другимъ, то бывалъ самъ изобрѣтателемъ злыхъ словъ и образцемъ злыхъ коварствъ. Онъ былъ предводителемъ всѣхъ ребятъ, и всѣми ими командовалъ.

Гай. Конечно было сіе начало злое, и показывало, что онъ, какъ сказалъ ты, весьма былъ оскверненъ и замаранъ проклятымъ грѣхомъ наслѣдственнымъ. Открывая свободно мысли мои, признаюсь я, что по мнѣнію моему приходятъ дѣти въ міръ оскверненныя грѣхами, и грѣхи юности ихъ произходятъ болѣе отъ силы *внутри живущаго грѣха*, нежели отъ примѣра, другими имъ подаваемаго. Не говорю я, чтобы со временемъ и примѣръ не научилъ ихъ грѣшить, но что примѣры не суть корни, а только побуждаютъ и соблажняютъ къ злочестію. Корень грѣха лежитъ *внутри*; *ибо изнутри, изъ сердца человѣческаго изходятъ грѣхи*. Марк. гл. 7. ст. 21.

Стефанъ. Я радуюсь, что ты такъ думаешь; но позволь мнѣ доказать

ска-

сказанное тобою нѣкоторыми свидѣтельствами изъ Слова Божія. Человѣкъ въ рожденіи своемъ сравниваемъ бываетъ съ *брошеннымъ ребенкомъ*, *лежащимъ въ крови своей*. Іезек. гл. 16 ст. 5 и 22. Сверьхъ сего въ древности должны были всѣ перворожденные, Господу представляемые, быть искуплены, когда проходилъ мѣсяцъ послѣ рожденія ихъ. Исход. гл. 13. 14 и 34. ст. 20. Сіе же происходило прежде, нежели послѣдствіе содѣлывало ихъ грѣшниками. Писаніе также говоритъ, что грѣхомъ одного сошло осужденіе на всѣхъ человѣковъ, Римл. гл. 5. ст. 18. и въ причину сего приводитъ то, что всѣ согрѣшили въ немъ. Къ сему можно бы было присовокупить разныя другія причины, но для людей, такъ въ семъ между собою согласныхъ, какъ я и ты, довольно будетъ и сказаннаго. Когда же мы въ семъ случаѣ имѣемъ дѣло съ *противниками*, то есть еще у насъ сильнѣйшія доказательства, естьли сыщется кто либо достойнымъ сообщенія оныхъ.

Гай. Все, сказанное тобою, клонится къ тому, что онъ былъ обыкновенно предводителемъ и учителемъ другихъ дѣтей въ злобѣ и грѣхахъ; но разскажи мнѣ, какіе въ особливости были грѣхи дѣтства его?

Сте-

Стефанъ. Хорошо. Во время еще ребячества своего такъ онъ предался лжи, что родители его едва ему вѣрить могли, когда онъ говорилъ и правду. Онъ искусенъ былъ въ выдумываніи лжи и въ скорости разсказыванія ея, и разсказываніе сіе утверждалъ съ такою твердостію и дерзостію, что на лицѣ его можно было читать знаки жестокаго и отчаяннаго сердца.

Гаій. Это было поистиннѣ весьма худое начало, и показывало, что онъ уже заранье въ грѣхахъ *ожесточился*. Ибо никакую *ложь* не можно съ намѣреніемъ разсказывать и утверждать (я примѣчаю, что образъ лжи его былъ такой), естьли силою не принудишь къ тому сердце, естьли не ожесточишь его и не сдѣлаешь дерзостнымъ. Видно, что онъ достигъ превеликаго злочестія; ибо всѣ сіи дѣла его противны хорошему воспитанію, которое, какъ ты теперь упоминалъ, получилъ онъ отъ своего *отца* и *матери*.

Стефанъ. Недостатокъ въ хорошемъ воспитаніи, какъ ты кстати замѣтилъ, часто бываетъ причиною того, что дѣти весьма скоро дѣлаются злыми, особливо естьли не только не достаетъ

имѣ онаго, но и худые примѣры глазамъ ихъ являются, которыхъ, къ сожалѣнію, довольно во многихъ домахъ находится, и посредствомъ которыхъ бѣдныя дѣти воспитываемы бываютъ въ грѣхахъ и приготовляемы въ добычу діаволу и аду. Но сей *Кватъ* былъ совсѣмъ въ другихъ обстоятельствахъ. Ибо, сколько мнѣ извѣстно, сія привычка его ко *лжи* была весьма огорчительна для родителей его: сердцу ихъ болѣзненно было, когда сынъ ихъ таковымъ быть начиналъ. Не было ему также недостатка въ наказаніи и наставленіи, естьли могло то содѣлать его благочестивѣе; часто, какъ я самъ слышалъ, говорено ему было, что участію лжецовъ будетъ бездна, исполненная горящаго огня съ сѣрою, и что всѣ лгущіе и любящіе ложь не будутъ имѣть участія въ новомъ Іерусалимѣ. Апок. гл. 21. 22 и 27. ст. 15. Но все сіе было тщетно. Когда являлся ему случай ко лжи, тогда разсказывалъ онъ выдумки свои, и такъ упорно стоялъ въ томъ, какъ будто бы утверждалъ наивеличайшую истинну, и притомъ такую обнаруживалъ дерзость, что слушающіе его должны были удивляться; даже не могла удержать его отъ того и самая розга

нака-

наказанія, данная Богомъ родителямъ; дабы они чрезъ употребленіе ея спасали души дѣтей своихъ отъ ада. Притч. гл. 21. 15 и 28. ст. 13. 10.

Гай. Онъ въ самомъ дѣлѣ былъ *Кватъ* и злодѣй, и очень рано сталъ служить діаволу; онъ былъ *надзирателемъ* надъ питомцами его, ибо духъ лжи есть выкидышъ онаго, *и діаволъ есть отецъ лжи*. Іоан. гл. 8. ст. 17. 14.

Стефанъ. Конечно онъ *отецъ лжи*; ложь раждается отъ діавола, какъ отъ отца своего, а злочестивымъ сердцемъ бываетъ воспитываема, какъ бы матерію своею; почему въ другомъ мѣстѣ Св. Писаніе говоритъ: *Почто исполни сатана сердце твое солгати Духу Святому?* Дѣян. гл. 5. ст. 3. Писаніе говоритъ, что сердце, исполненное лжи, предано діаволу. *Что яко положилъ еси въ сердцѣ твоемъ вещь сію; не человѣкомъ солгалъ еси, но Богу*. Конечно ложь сія была вышшей степени; но у каждой лжи тотъ же отецъ и та же мать, какъ и у той, о которой тамъ говорится; *діаволъ есть лжецъ и отецъ лжи*: слѣдственно ложь есть зародышъ ада, и не можетъ быть въ сердцѣ, естьли человѣкъ не имѣлъ прежде духовнаго сообщенія съ діаволомъ;

воломъ; почему душа, съ намѣреніемъ лгущая, солгала черезъ діавола, единаго отца лжи, и ему преданною содѣлалась; ибо діаволъ есть только одинъ отецъ и мать лжи въ сердцѣ. И по сему нѣтъ въ томъ никакого чуда, естьли сердце, производящее и раждающее изъ себя ложь, столь близко подходитъ къ естеству діавола; никакъ не чудно и то, что Христу такъ лжецы противны, ибо они преданы діаволу.

Гаій. Мнѣ очень чудно, что люди могутъ быть такъ отчаянно злочестивы, что хвастаются за гнусную ложь, зародыша діавола, которая отводитъ въ жилище самаго діавола, т. е. въ мрачную бездну ада.

Стефанъ. Сему также и я удивляюсь, примѣтивши особливо и то, что нѣсколько людей трудится для бездѣлокъ и прибѣгаетъ для сего къ сплетенію и разсказыванію лжи; много найдешь ты такихъ, которые для полученія одной полушки лгутъ и лгать будутъ, и не взирая на то, что имъ извѣстна ложь ихъ, стоятъ въ ней упорно. Безъ сомнѣнія найдешь ты и такихъ людей, которые безпрестанно ложь за ложью выпускаютъ, хотя отъ того и ни малѣйшей не имѣ-

ютъ

ютъ прибыли. Они вмѣшиваютъ ложь въ обыкновенные разговоры съ знакомыми своими; ихъ вѣдомости, шутки и новизны должны быть украшены ложью, иначе, по мнѣнію ихъ, не могутъ онѣ быть пріятными уху тѣхъ, которые ихъ слушаютъ, или которымъ они разсказываютъ. Но что будутъ дѣлать лжецы сіи тогда, когда они за ложь свою будутъ низвержены во адъ, къ діаволу, родившему ложь въ сердцахъ ихъ, и когда купно съ нимъ вѣчно за ложь мучимы будутъ огнемъ и сѣрою?

Гайй. Не можешь ли ты также привесть другой примѣръ и о судахъ Божіихъ надъ лжецами, дабы сіе можно было разсказать имъ, когда они лгать будутъ? Можетъ быть, что они, устыдяся отъ вѣсти такой, и отъ лжи отстрашатся.

Стефанъ. На что много примѣровъ? Ананіа и жена его Сапфира долженствовали бы по мнѣнію моему быть достаточнымъ примѣромъ, дабы остановить душу, лжи преданную; ибо только за одну ложь они умерщвлены были, умерщвлены были Богомъ въ собраніи народа. Но естьли угрозы Божіи, обѣщающія лжецамъ огнь адскій и отчужденіе

отъ

отъ царствія небеснаго, не имѣетъ на нихъ такого дѣйствія, чтобъ отвести ихъ отъ лжи: то не можно думать, чтобъ повѣствованіе о временныхъ судахъ, чрезъ которые Богъ прежде истреблялъ отъ земли грѣшниковъ, могло произвести сіе. —— И такъ, какъ сказалъ я, *ложь* была однимъ изъ первыхъ грѣховъ, которымъ предался *Кватъ* нашъ: онъ ужаснымъ образомъ могъ ее выдумывать и разсказывать.

Гай. Съ прискорбіемъ слушаю я сіе, болѣе потому, что думаю, что не одинъ только грѣхъ сей въ немъ владычествовалъ; ибо обыкновенно бываетъ, что привыкшій ко лжи предается и другимъ порокамъ. Очень чудно, естьли съ *Кватомъ* не такъ произходило.

Стефанъ. Ты говоришь правду. Лжецъ есть плѣненный рабъ большаго числа грѣховъ, нежели духа лжи; почему, бывши съ самаго дѣтства лжецомъ, *Кватъ* весьма предался и воровству. Все, на что онъ руку свою положить могъ, почиталъ онъ своимъ, хотя были то вещи принадлежавшія его товарищамъ и другимъ дѣтямъ. Онъ уносилъ разное изъ сосѣдскаго дома, когда что нибудь доставалось ему въ руки (т. е. бездѣлицы, или игрушки,

ибо онъ былъ еще тогда ребенкомъ, слѣдственно и не могъ уносить сначала большихъ вещей). Но когда силы и разумъ въ немъ возрастать начали, тогда сталъ онъ красть и такое, что стоило дороже прежде имъ краденнаго. Наконецъ радовался онъ, когда имѣлъ случай красть и плоды; а сдѣлавшись болѣе, сталъ красть птицъ, и прочее. Даже и то не могло уйти отъ воровскихъ его рукъ, что принадлежало отцу его; все, попадающее въ сѣти его, было его. — Столько-то ожесточенъ былъ онъ въ злобѣ своей!

Гаій. Чѣмъ болѣе я слушаю, тѣмъ болѣе приводишь ты меня въ удивленіе. Какъ! онъ сдѣлался и воромъ? онъ такъ *рано* уже и красть началъ? Онъ необходимо знать долженствовалъ, хотя еще и ребенкомъ былъ, что похищаемое имъ у другаго было не его. Сверьхъ сего безъ сомнѣнія слышалъ онъ и отъ отца своего, которой, какъ говорилъ ты, былъ человѣкъ благочестивой, что воровство есть преступленіе закона Божественнаго, и что упражняясь въ немъ, находится онъ въ опасности погибнуть на вѣки.

Стефанъ. Отецъ его не пропускалъ пристойныхъ средствъ, чтобъ удержать его

его отъ зла; часто хотѣлъ онъ, какъ слухи доходили до меня, успѣть въ томъ чрезъ представленіе ему словъ изъ закона Моисеева: *Не укради.* Исход. гл. 20. ст. 15. Также упоминалъ онъ и о словахъ Пророка Захаріи: *Сія клятва исходящая на лице всея земли: зане всякъ тать отъ сего даже до смерти отмщенъ будетъ.* Зах. гл. 5. ст. 9. Свѣтъ естественный, хотя и малъ онъ былъ, необходимо долженствовалъ научить его, что онъ отнималъ у другихъ не свое, и что не долженъ онъ былъ такъ безразсудно поступать. Но ничто не помогало; что отецъ его и собственная его совѣсть ни говорили ему, но онъ продолжалъ дѣлать зло, и совершенно намѣренъ былъ ожесточиться въ своей злобѣ и злочестіи.

Гайй. Но ты говорилъ, что отецъ за злочестіе его иногда его наказывалъ; и такъ какъ онъ принималъ сіе?

Стефанъ. Такъ, какъ пойманной воръ, Ірем. гл. 2. ст. 26. Онъ стоялъ, какъ публичной грѣшникъ, повѣсивши голову, и такъ косо и угрюмо смотрѣлъ, что на лицѣ его, какъ говорятъ, можно было читать изображеніе *досады.* А когда отецъ его требовалъ отъ него отвѣта

на такіе вопросы, которые касались до его проказъ: то онъ стоялъ и ворчалъ; сіе же было все, чего онъ отъ него добиться могъ.

Гаій. Ты говорилъ также, что онъ кралъ и у отца своего; но сіе по мнѣнію моему совсѣмъ неестественно.

Стефанъ. Для вора сего все равно было, естественно, или неестественно. Сверьхъ сего долженъ ты также знать и то, что у него были товарищи, къ которымъ онъ, за видимое имъ въ нихъ злочестіе, гораздо болѣе привязанъ былъ, нежели къ своему отцу и матери. Какая была ему нужда, естьли бы отецъ и мать его съ печали и умерли? Смерть ихъ, по мнѣнію его, доставила бы ему болѣе свободы и веселія. Ибо никакому сомнѣнію то не подвержено, что они и совѣтъ ихъ были для него въ тягость; и естьли я не ошибаюсь, то нѣкоторые мнѣ сказывали, что онъ, бывши между своими товарищами, очень радовался, что родители его стары и не могутъ прожить долго. О! говорилъ онъ, *тогда буду я господинъ самъ надъ собою, и буду дѣлать то, что мнѣ захочется; никто уже тогда мнѣ препятствовать не будетъ.*

Гаий. Кажется, онъ не полагалъ въ томъ грѣха, чтобъ обкрадывать родителей своихъ?

Стефанъ. Совсѣмъ нѣтъ, и чрезъ то самое подвергался онъ подъ осужденіе: *Иже отвергаетъ отца или матерь, и мнится не согрѣшати, сей сопричастникъ есть мужу нечестиву.* Пр. гл. 28. ст. 24. И какъ онъ такъ мало чтилъ родителей своихъ и ихъ совѣтъ, то было сіе знакомъ, что уже тогда руководствовалъ его злой духъ, и что въ будущемъ ожидаетъ его ужасный судъ.

Гаий. Но не можешь ли ты также вспомнить и того, что (по собственному его воображенію, а не по вдохновенію сатаны, которымъ онъ безъ всякаго сомнѣнія приведенъ былъ къ сему) заставляло его думать, что сей родъ воровства былъ не очень важенъ?

Стефанъ. То, что краденныя имъ вещи были бездѣлки: красть овощи и плоды, цыплятъ и прочее, почиталъ онъ только за вѣтренность юношества; отъ сего не могло его удерживать и то, что друзья его говорили. Они говорили ему, что онъ не долженъ ничего желать (желаніе же еще менѣе воровства) изъ принадлежащаго сосѣдямъ его, что бы то ни было,

 естьли

естьли не хочетъ быть преступникомъ закона. Но ему было все ничего; ибо посредствомъ злочестивыхъ рѣчей сотоварищей своихъ и обманчивости собственнаго испорченнаго сердца, не перемѣнялъ онъ поступокъ своихъ; когда же мнилъ онъ, что находится въ безопасности, тогда говорилъ о томъ съ веселостію и со смѣхомъ.

Гайй. Я слышалъ нѣкогда отъ того, который стоялъ на лѣстницѣ съ веревкою на шеѣ, и котораго готовъ былъ палачь уже столкнуть, что до такого конца довела его привычка въ ребячествѣ къ кражѣ малостей. Помнится, онъ сказалъ, что первая кража его состояла въ дѣтскихъ игрушкахъ, или куклахъ; почему и увѣщавалъ онъ ребятъ, сошедшихся смотрѣть на смерть его, чтобы они береглися начала воровства, хотя бы предметомъ онаго были и бездѣлки; ибо такія бездѣлки приводятъ къ кражѣ вещей большей цѣны.

Стефанъ. Какъ ты началъ говорить о исторіяхъ, то и я разскажу тебѣ одну, которую хотя я и не собственными своими ушами слышалъ, однако могу повѣрить разсказывавшему ее мнѣ. Она говоритъ объ одномъ старомъ человѣкѣ, называвшемся *Тодомъ*, которой почти за дватцать лѣтъ предъ симъ въ *Гарфор-*

дѣ

дѣ за воровство повѣшенъ былъ, и состоитъ въ слѣдующемъ:

Въ одно лѣто въ Гарфордѣ назначенъ былъ судный день, и когда судья сѣлъ на свое мѣсто, то сей *Тодъ* явился въ судъ, имѣя на себѣ зеленое платье и держа въ рукѣ кожаный поясъ; грудь его была обнажена и покрыта потомъ и пылью, такъ какъ будто бы бѣжалъ онъ отъ смерти. Вошедши же, громко воскликнулъ онъ: *Государь мой! вотъ коварнѣйшій человѣкъ на всемъ шарѣ земномъ! я съ самаго ребячества моего былъ воромъ. Бывши еще ребенкомъ, обкрадывалъ я сады, вдавался во всякія безпутства, и съ самаго того времени былъ все воромъ. Со многихъ лѣтъ, государь мой, не было въ окружности мѣстъ сихъ ни одного разбоя, при которомъ бы я не присутствовалъ, или въ которомъ бы не былъ я участникомъ.*

Судья подумалъ сначала, что сей человѣкъ былъ безумной; но разсмотрѣвши дѣло сіе съ другими судьями, согласились они обвинить его во многихъ воровствахъ и разбояхъ. *Тодъ* сердечно призналъ себя во всемъ виноватымъ, и вмѣстѣ съ женою своею былъ повѣшенъ.

Гай. Это точно примѣчанія достойная исторія; но увѣренъ ли ты въ истиннѣ ея?

Стефанъ. Она не только достойна примѣчанія, но и служитъ къ цѣли нашей. Сей воръ, такъ какъ и *Кватъ*, началъ ремесло свое рано, и предметомъ воровства его, точно какъ и воровства *Кватова*, были прежде овощи, плоды и тому подобное; что наконецъ приводило его изъ одного грѣха въ другой, пока напослѣдокъ довело до явнаго срама грѣха, а имянно до висѣлицы. А что касается до истинны исторіи сея, то разсказывавшій ее сказалъ мнѣ, что онъ въ то время самъ былъ въ судѣ, и стоялъ не далѣе двухъ шаговъ отъ *Тода*, когда онъ публично произносилъ помянутыя слова.

Гай. Сіи два грѣха, *ложь и воровство*, были предзнаменованіемъ злаго конца.

Стефанъ. Конечно такъ; однако конецъ *Квата* не таковъ былъ, какъ конецъ сего стараго *Тода*; хотя и страшуся я, чтобъ оный не былъ столькожъ злополученъ, да еще и гораздо злополучнѣе, нежели конецъ *Тода* на висѣлицѣ, не взирая на то, что зрители менѣе къ оному имѣли вниманія. — О семъ послѣ бу-

будемъ говорить пространнѣе. — Ты говоришь о двухъ грѣхахъ, такъ, какъ будто бы и составляли они уже всѣ недостатки *Квата* нашего; но къ сожалѣнію покрытъ онъ былъ грѣхами такъ, какъ кучею несѣкомыхъ, да еще и въ самое время младенчества своего.

Гайй. Къ какимъ же грѣхамъ, бывши еще ребенкомъ, болѣе привыкъ онъ?

Стефанъ. Не нужно спрашивать тебѣ, къ какимъ привыкъ онъ грѣхамъ; но лучше спроси, къ какимъ не привыкъ онъ грѣхамъ, т. е. такимъ, которые сходствовали съ его возрастомъ. Ибо свободно могу сказать я, что ничего такого не оставалось, что только было злочестиво, чего бы онъ не дѣлалъ, естьли только силы его позволяли ему. Въ самомъ дѣлѣ суть это такіе грѣхи, къ которымъ дѣтство не способно; но я говорю о такихъ грѣхахъ, которые онъ производить могъ, и изъ которыхъ разскажу я только два, или три.

Вопервыхъ, не могъ онъ терпѣть Воскресенья ради святости его; начало дня сего было для него такъ противно, какъ бы онъ въ темницу итти былъ долженъ, естьли не можно ему было уйти отъ отца и матери своей, и съ товарищами своими забиться въ какой нибудь

уголѣ, и просидѣтъ тамѣ до самаго окончанія службы Божіей. *Чтеніе писанія*, *слушаніе проповѣди*, Богочестивые *разговоры*, *чтеніе* проповѣдей, молитва и тому подобное, было не по его вкусу; почему, когда отецѣ весьма понуждалѣ его такой день праздновать (какѣ-то онѣ часто дѣлалѣ, естьли, не взирая на прилѣжное его надзираніе, онѣ иногда отѣ него не скрывался), то всѣми поступками своими ясно показывалѣ онѣ, что былѣ тѣмѣ очень не доволенѣ. Онѣ могѣ во время службы Божіей спать, говорить сѣ собратіями своими о суетныхѣ и ничтожныхѣ вещахѣ; каждая обѣдня казалась ему вѣ семь разѣ болѣе, нежели какѣ вѣ самомѣ дѣлѣ была она; онѣ ворчалѣ и былѣ вѣ нетерпѣніи до самаго того времени, какѣ оная оканчивалась.

Гаій. Я не думаю, чтобѣ собственно день сей производилѣ вѣ немѣ такое кѣ себѣ отвращеніе; ибо онѣ, такѣ какѣ день, не болѣе другихѣ дней вѣ недѣлѣ. Но я думаю, что причиною сему была святость, возложенная на него Богомѣ, и то, что день сей есть такой день, которой болѣе всѣхѣ должно проводить вѣ святыхѣ упражненіяхѣ, и вѣ разсужденіи о воскресеніи изѣ мертвыхѣ Господа нашего.

Сте-

Стефанъ. Конечно, самое сіе было причиною того, что онъ имѣлъ ненависть ко дню сему; ибо въ сей день было ему болѣе препятствій на путяхъ его, нежели въ другіе дни. Онъ не могъ терпѣть ни того дня, ниже чего либо другаго, представляющаго глазамъ нашимъ образъ Божій. Производить грѣхъ и всякую недобродѣтель было для него увеселеніемъ отъ самаго дѣтства.

Гаій. Я еще повторяю, что мнѣ жалко слушать сіе: жалко для него, жалко для слѣдующаго изъ того ему вреда; ибо люди, такія дѣла производящіе, должны необходимо погибнуть, потому что за сіе низходитъ гнѣвъ Божій *на сыны непокоривыя*. Ефес. гл. 5. ст. 6. И онъ безъ сомнѣнія пошелъ во адъ, есть-ли умеръ безъ покаянія; а родить сына для ада есть для родителей то, о чемъ имъ и подумать уже ужасно.

Стефанъ. О смерти его, какъ сказалъ я, скоро увѣдомлю; теперь говоримъ мы только о жизни его и родѣ и образѣ его жизни въ дѣтскихъ его лѣтахъ, и о грѣхахъ, бывшихъ въ юности его, изъ которыхъ я уже о нѣкоторыхъ сказывалъ; въ самомъ дѣлѣ только о нѣкоторыхъ, ибо оныхъ находится еще

го-

гораздо болѣе, и притомъ грѣхи сіи суть всѣ такіе, которые никакъ не уступаютъ тѣмъ, о коихъ я уже разсказывалъ.

Гаій. Какіе же это грѣхи, любезный другъ?

Стефанъ. Ты все еще спрашиваешь, какіе? Нѣсколько повыросши, привыкъ онъ къ ужасной клятвѣ и божбѣ. Въ семъ случаѣ такъ мало задумывался онъ, какъ будто бы сказывалъ только о числѣ пальцевъ. Къ сему грѣху никѣмъ привлеченъ онъ не былъ, но единственно самъ почиталъ себѣ за честь *клясться* и *божиться*, и привыкъ къ сему такъ, какъ къ пищѣ, питью и сну.

Гаій. Въ какой молодости сдѣлался онъ злодѣемъ! Точно къ нему относятся слова Апостола, т. е. что онъ свои члены сдѣлалъ оружіемъ неправды и грѣха. Римл. гл. 6. ст. 13. Сіе-то есть переходить отъ одного зла къ другому, и доказывало, что онъ при молодости своей былъ великимъ грѣшникомъ.

Стефанъ. Онъ былъ конечно таковъ, и сей грѣхъ свой предпочиталъ онъ всѣмъ прочимъ грѣхамъ своимъ; онъ почиталъ себя мужемъ за то, что могъ весьма дерзско *клясться и божиться.*

Гаій.

Гайй. Я думаю, что многіе изъ такихъ людей думяютъ, что клятва и божба имъ очень пристойна, и что украшать слова выдуманною божбою есть для человѣка лучшее средство, естьли онъ словамъ своимъ хочетъ придать важность и силу.

Стефанъ. Совершенная правда; ибо въ противномъ случаѣ, думаю я, не было бы у людей въ такомъ обыкновеніи изрыгать богопротивныя ихъ *клятвы*, какъ то дѣлаютъ они. Они тѣмъ веселятся и гордятся, думая, что *божба* придаетъ мужество; когда же къ тому привыкнутъ, то во все время жизни ихъ тяжело уже имъ будетъ отстать отъ привычки сей.

Гайй. И такъ сей человѣкъ самъ собою привыкъ къ сему отвратительному пороку?

Стефанъ. Я могу сказать, что ничто чаще сего на языкѣ его не бывало, хотя малѣйшій случай къ тому подаваемъ былъ. Онъ такъ привыкъ къ языку сему, что ни отецъ, ни мать, ни братъ, ни сестра, ни рабъ, ниже самой скотъ отца его не могъ быть изключеннымъ отъ клятвы его. Я говорю, что и безсмысленные звѣри, естьли они не исполняли волю его, когда онъ ихъ гонялъ, или на нихъ ѣздилъ, долженствовали

отъ

отъ него быть проклинаемы. Онъ желалъ, чтобъ они сломили себѣ шею, или переломили ногу, чтобы внутренность вышла изъ тѣла, чтобы чортъ взялъ ихъ. Сіе же совсѣмъ не чудно; ибо кто столько золъ, что можетъ желать такихъ злыхъ клятвъ самому себѣ и ближнему своему, тотъ конечно не усомнится въ бѣшенствѣ своемъ пожелать всякаго зла и невиннымъ звѣрямъ.

Гайй. Но я удивляюсь, что (поелику клясться и божиться есть толь великое зло предъ очами Божіими) въ примѣръ другимъ не накажетъ Богъ нѣкоторыхъ изъ тѣхъ, которые преданы такому злочестію.

Стефанъ. Ахъ! тысячу разъ творилъ Онъ сіе, болѣе еще и тысячи разъ, какъ то легко увидѣть можно изъ разныхъ авторовъ всѣхъ временъ и всѣхъ земель. Я самъ могу представить тебѣ разные такіе примѣры; но дабы оставить множество оныхъ, разскажу я тебѣ только два. Первой примѣръ есть ужасной Божій судъ надъ нѣкоторымъ человѣкомъ, именемъ N. P. жившемъ въ *Вимблетанѣ*, что въ *Сурреи*, которой послѣ ужасной тучи *проклятій* и *заклинаній*, испущенной имъ противъ поступившихъ не по его

мы-

мыслямъ, вдругъ занемогъ, и въ короткое время въ полномъ бѣшенствѣ съ проклятiями и заклинанiями на тотъ свѣтъ отправился.

Въ особливости со вниманiемъ выслушай ужасную исторiю *Доротеи Матели*, жительницы *Аэговерской* въ графствѣ *Дарби*.

Сiя *Доротея*, говорилъ тотъ, который разсказывалъ мнѣ повѣсть сiю, прослыла между народомъ города онаго такою, которая ужасно любила клясться и божиться; притомъ была она очень привязана ко лжи и воровству, подобно какъ *Кватъ* нашъ, и обыкновенное ея упражненiе состояло въ томъ, чтобъ перемывать пѣну свинцовой руды и выбирать кусочки свинца. Когда ей утвердить что нибудь должно было, то она всегда такъ кляласся: *Пусть я провалюсь въ землю, естьли это не такъ; или пусть Богъ растворитъ землю, и она проглотитъ меня.* Въ одинъ день (1660 года, 23 Марта) перемывала *Доротея* сiю пѣну свинцовую на одномъ крутомъ пригоркѣ, лежащемъ около четверти мили отъ *Аэговеро*. Когда была она въ сей работѣ, одинъ молодой человѣкъ сталъ обвинять ее въ томъ, что она вынула у него изъ мѣшка два одинакихъ шилинга: ибо онъ платье

свое положилЪ подлѣ нее и занимался между тѣмЪ копаніемЪ земли; но она запиралась вЪ томЪ очень отважно, и желала, чтобЪ земля, на которой она стояла, проглотила ее; и сіи злочестивыя слова вЪ тотЪ день она нѣсколько разЪ произносила.

ВЪ *Аэговерѣ* былЪ тогда одинЪ человѣкЪ, почитаемой всѣми за добраго, имянемЪ *ГеоргЪ ГэдгинизонЪ*; онЪ нечаянно пришелЪ туда, гдѣ была сія *Доротея*, и говорилЪ сЪ нею нѣсколько времени; она же между тѣмЪ упражнялась вЪ своемЪ перемываніи. Подлѣ кадки ея стояло маленькое дитя, а нѣсколько подалѣе еще другое, которое кликало кЪ себѣ подлѣ кадки стоявшаго ребенка; почему упомянутой *ГеоргЪ* взялЪ дѣвочку за руку, и повелЪ ее кЪ другому ребенку, которой ее кЪ себѣ звалЪ. Но едва отошли они аршинЪ на десять отЪ *Доротеи*, какЪ услышали ее кричащую: помогите! помогите! *ГеоргЪ* осматривался, и увидѣлЪ, что женщина сія сЪ кадкою и рѣшетомЪ своимЪ кругомЪ вертѣлась и уходила вЪ землю. *О! моли Бога*, вскричалЪ онЪ, *чтобЪ ОнЪ простилЪ тебѣ грѣхи твои; кажется, что тебѣ жить не долго. Доротея* до тѣхЪ порЪ вертѣлась сЪ кадкою

своею,

своею, пока около трехъ аршинъ ушла въ землю; тутъ перестала она глубже погружаться, и начала вторично взывать о помощи, въ томъ мнѣніи, какъ говорила она, что не будетъ уже далѣе уходить въ землю. *Георгъ*, въ великой отъ того пришедшій ужасъ, началъ думать, какъ бы ей лучше подать помощь; но вдругъ явился великой камень, которой упалъ на голову *Доротеи*, и раздробилъ ея черепъ; послѣ того земля надъ нею сдвинулась, и совсѣмъ ее сокрыла. Послѣ ее вырыли, и нашли, что она на четыре аршина ушла въ землю, и два шилинга упомянутаго молодаго человѣка были у ней въ мѣшкѣ; но кадка и рѣшето найдены не были.

Гаій. Теперь приходитъ мнѣ на память одна плачевная повѣсть, которую я тебѣ разсказать намѣренъ. Почти на выстрѣлъ изъ лука отъ того мѣста, гдѣ я жилъ тогда, былъ тайной питейной домъ; у хозяина онаго былъ сынъ, имянемъ *Эдуардъ*, которой въ словахъ и поступкахъ своихъ показывалъ себя почти совершеннымъ дуракомъ. Въ сей тайной питейной домъ раза два въ недѣлю приходило нѣсколько молодыхъ весельчаковъ, для забавы которыхъ призывалъ хозяинъ

своего *Неда* (ибо такъ называли они *Эдуарда*), дабы онъ глупыми своими словами и тѣлодвиженіями служилъ имъ къ пріятнѣйшему провожденію времени. И такъ когда сіи молодые люди въ свое время приходили въ домъ отца *Недова*, чтобъ пить и веселиться, тогда онъ кликалъ *Неда*, и *Недъ* являлся. Сей шалунъ дьявольски привыкъ проклинать отца своего и мать, или кто бы въ чемъ ни досадилъ ему; и какъ онъ видѣлъ, хотя былъ и дуракъ, что имъ это нравилось, то клялъ и ругалъ онъ еще съ большею дерзостію. А какъ по большей части дѣло съ нимъ имѣлъ его отецъ, и какъ онъ лучше зналъ способъ, которымъ его разгорячить было можно: то обыкновенно предлагалъ онъ ему такіе вопросы, и приказывалъ ему дѣлать то, что наиболѣе его раздражало; за что онъ по глупому своему обычаю ужасно проклиналъ отца своего, а старикъ съ гостями смѣялся сему, какъ своей забавѣ; нарочно начинали дѣлать всѣ вмѣстѣ ему вопросы, чтобы онъ продолжалъ клятвы свои, а имъ бы было чему смѣяться. Сіе составляло забаву, которою старикъ увеселялъ гостей своихъ.

Клятвы, которыми *Недъ* обыкновенно осыпалъ отца своего, и которыя такъ смѣшили старика, состояли въ желаніяхъ многихъ мученій и пагубы, и выражаемы были сими, или подобными сему словами: *чортъ возми тебя, чортъ унеси тебя.* Наконецъ, по праведному приговору Божію, всѣ *Недовы* клятвы и желанія въ короткое время на отцѣ его исполнились. Ибо по прошествіи нѣсколькихъ мѣсяцовъ случилось, что сатана дѣйствительно въ него вселился, и въ несколько дней черезъ смерть взялъ его изъ сего міра. (Говоря, что чортъ въ него вселился, говорю я по сужденію тѣхъ, которые съ нимъ въ семъ плачевномъ состояніи имѣли дѣло.) Онъ чувствовалъ, что въ тѣлѣ его нѣчто, подобно чему-то живому, поднималось вверьхъ и опускалось внизъ; но когда приходило время его мученія, что часто бывало, тогда оная тягость лежала въ мягкомъ мѣстѣ боковъ его, подобно (какъ то казалось намъ) жесткому клубу, и такъ терзала его, что онъ ревѣлъ ужасно; сіе же продолжалось до самой его смерти.

Я былъ, какъ то прежде сказалъ тебѣ, очевиднымъ свидѣтелемъ мною разсказаннаго, и слышалъ то собственными

своими ушами. Я слышалъ, какъ Недъ въ безпутствѣ своемъ проклиналъ отца своего, и какъ отецъ отъ сердца тому смѣялся, поощряя его къ большимъ проклятіямъ; видѣлъ я также и отца, когда вселился въ него нечистой духъ, весьма терзающагося; видѣлъ, какъ дьяволъ (какъ то думали) стягивалъ мясо его въ невѣроятно малой клубъ, къ несказанному мученію и скорби сего старика. Посылали также и за нѣкоторымъ заклинателемъ, которой былъ конечно нѣчто иное, нежели обыкновенный докторъ, дабы выгнать изъ него чорта; я былъ также и при томъ, какъ взялся онъ за то, и какъ поступалъ онъ. Онъ привелъ его на одно мѣсто въ полѣ, положилъ грудью на скамью, такъ что голова на концѣ скамьи свѣсилась внизъ. Послѣ того его крѣпко связали, и онъ поставилъ жаровню съ углями подъ головою, и нѣчто бросилъ въ нее, что произвело великой дымъ, дабы чрезъ то, какъ говорено было, выгнать дьявола. Въ такомъ состояніи столь долго держали они старика, что онъ отъ дыму почти задохнулся; но дьявола никакого не выходило. Сіе привело въ довольное замѣшательство проклинателя и не мало огор-

огорчило больнаго, а меня, находившагося въ великомъ удивленіи и соболѣзнованіи, понудило итти прочь. Въ короткое время отправилъ человѣка сего тотъ, которой былъ въ немъ, на тотъ свѣтъ, сообразно проклятому желанію сына его. — Таковъ-то былъ конецъ сей адской радости!

Стефанъ. Все сіе были весьма печальные приговоры и суды.

Гайй. Правда.

Стефанъ. Оные согласны съ слѣдующими угрозами текста (хотя оной собственно относился къ *Іудѣ*) Псал. 108. ст. 17, 18: *И возлюби клятву, и пріидетъ ему: и не восхотѣ благословенія, и удалится отъ него. И облечеся въ клятву яко въ ризу, и вниде яко вода во утробу его, и яко елей въ кости его.*

Гайй. Ужасныя слѣдствія для юношества будетъ имѣть то, естьли оно воспитывается въ привычкѣ къ клятвѣ и божбѣ.

Стефанъ. Я не могу сказать, чтобъ *Кватъ* такъ былъ воспитываемъ; ибо отецъ его много разъ, какъ самъ я слышалъ, жаловался на *недобродѣтель дѣтей своихъ*, а особливо сего злочестиваго сына. Я думаю, что безпутство дѣтей

его было причиною того, что онъ въ нѣкоторые вечера съ стѣсненнымъ сердцемъ ложился на постелю, и съ равною горестію и смущеннымъ сердцемъ вставалъ поутру. Но для сего сына было все одно, и никакой спасительной совѣтъ, ни родительская скорбь, не могли перемѣнить въ немъ нравъ и мысли.

Но много въ самомъ дѣлѣ такихъ, которые дѣтей своихъ воспитываютъ въ клятвѣ; сіи же дѣти суть нещастны, ибо родились отъ злочестивыхъ родителей и находились подъ ихъ управленіемъ; лучше бы было такимъ родителямъ никогда не родить дѣтей, а дѣтямъ такимъ сноснѣе бы было никогда не рождаться. Ахъ! мнѣ кажется, что отцу и матери, воспитывающимъ такимъ образомъ дѣтей своихъ, весьма близокъ путь къ аду и осужденію. Что можетъ быть сего ужаснѣе? Но *Кватъ* не такъ воспитанъ былъ.

Гайй. Мнѣ кажется, что отецъ молодаго *Квата*, которой не хотѣлъ жить дома, долженъ бы былъ для пробы, не поправится ли онъ, послать его къ которому нибудь изъ своихъ знакомыхъ, въ которомъ бы онъ увѣренъ былъ, что сыномъ его управлять и держать его въ

ру-

рукахъ можетъ; по крайней мѣрѣ отнялъ бы онъ у него время, которое нужно ему было для произведенія въ дѣйство злобы своей.

Стефанъ. Ахъ! отецъ его дѣлалъ все сіе; онъ часто посылалъ его къ одному изъ своихъ знакомыхъ, котораго онъ дружески просилъ имѣть попеченіе о сынѣ его и удерживать его отъ всякаго безпутства. Поступки его были учтивы и пріятны, однако онъ безпрестанно занимался наложенною на него должностію и попеченіемъ, такъ что молодому *Квату* не было времени производить злыя дѣла. Но все было равно; какъ безпутно жилъ онъ въ домѣ отца своего, точно таковымъ пребылъ и въ домѣ господина своего.

Гайй. Я зналъ нѣкоторыхъ дѣтей, которыя хотя и довольно худы были въ домѣ родителей своихъ, однако весьма перемѣнялись, когда въ другое мѣсто отсылаемы были, особливо естьли попадались въ такой домъ, гдѣ надзирателями надъ ними были люди честные, и старались, чтобъ къ Божіей службѣ ощутили они уваженіе. Но можетъ быть *Кватъ* не нашелъ сего въ домѣ своего господина.

Стефанъ. Правда, что нѣкоторыя дѣти весьма исправились, перешедши въ другой домъ; однако съ симъ злымъ человѣкомъ совсѣмъ не такъ происходило. Не для того также пребывалъ онъ и недобродѣтельнымъ, чтобъ не имѣлъ такого господина, которой бы могъ его наставлять и научать; ибо господинъ его былъ весьма хорошій и весьма богобоязливой человѣкъ, употреблявшій въ домѣ своемъ лучшія средства ко споспѣшествованію Богочестію, и жившій сообразно онымъ. Онъ былъ также очень хорошаго свойства, сожалителенъ, никогда слишкомъ много не налагалъ на *Квата*, и никогда не во время ничего не приказывалъ ему дѣлать.

Гайй. Ты сказываешь нѣчто чудное. Что до меня касается, то я рѣдко вижу такихъ господъ, которые бы въ семъ были подобны господину нашего *Квата*.

Стефанъ. И я также; однако господинъ у *Квата* былъ таковъ. Нынѣ по большей части господа таковы, что ни о чемъ не думаютъ, кромѣ своихъ мірскихъ дѣлъ и заботъ; и естьли слуги ихъ въ сихъ случаяхъ только исполняютъ повелѣніе ихъ, то до души и службы Божіей имъ нужды нѣтъ. Да, я боюсь, чтобъ

чтобъ многіе юноши, впрочемъ хорошаго нрава, чрезъ то самое (въ отношеніи къ міру будущему) не погибли, что родителями своими бываютъ отдаваемы къ такимъ господамъ и учителямъ.

Гаій. Тѣмъ болѣе достойно сіе сожалѣнія. Чудно, что въ такомъ домѣ и при толикихъ средствахъ, къ Богочестію служащихъ, ничто не могло пристать къ его сердцу. Какъ! *развѣ ни хорошія книги, ни хорошія наставленія, ни хорошія проповѣди, ни хорошіе примѣры, ни хорошее общество*, ниже что нибудь въ мірѣ не могло произвесть въ немъ ничего добраго?

Стефанъ. На что говоришь ты сіе? Онъ совсѣмъ не имѣлъ охоты къ такимъ вещамъ; онѣ никакъ не могли ему принести пользы: онѣ всѣ были для него отвратительны. Что касается до хорошихъ книгъ въ домѣ господина его, то ему дѣла до нихъ не было, хотя бы онѣ и всѣ молью съѣдены были; онъ никогда не удостоивалъ ихъ взора своего. Но напротивъ того самъ собиралъ онъ всѣ злыя и срамныя книги, сколько ихъ достать могъ, какъ-то скотскія любовныя книги, книги исполненныя безпутства и разврата, которыя могли возбуждать

 плоть-

плотскія похоти. При всемъ томъ не смѣлъ онъ появиться съ книгами сими господину своему; почему и не хотѣлъ онъ показывать ему оныя, но пряталъ ихъ въ такое мѣсто, гдѣ могъ читать оныя тогда, когда былъ ему къ тому случай.

Къ хорошему *наставленію* столь же мало имѣлъ онъ охоты, какъ и къ хорошимъ книгамъ; онъ всячески старался какъ можно слушать оное менѣе, а слышанное еще тогда же позабывать, когда было сказано. Я слышалъ отъ тѣхъ, которые его знали, что въ образѣ и тѣлодвиженіяхъ его очевидно примѣчать было можно, что хорошій совѣтъ не только ему худо нравился, но и мучилъ его; онъ только тогда, по мнѣнію своему, былъ свободенъ, когда наидалѣе удаленъ былъ отъ спасительныхъ словъ. Онъ ненавидѣлъ такимъ образомъ его наставлявшихъ, и почиталъ ихъ злѣйшими своими смертными врагами. Притч. гл. 8, 9 и 15. ст. 12.

Хорошій *примѣръ*, которой подавалъ ему господинъ его (какъ въ касающемся до Божіей службы, такъ и въ гражданскихъ обязанностяхъ), возбуждалъ въ семъ молодомъ человѣкѣ только насмѣшки; и

когда

когда бывалъ онъ въ такомъ мѣстѣ, которое обѣщало ему безопасность, то примѣръ оный превращалъ совсѣмъ въ шутку и свою забаву.

Господинъ его биралъ его съ собою къ проповѣди туда, гдѣ, думалъ онъ, находятся лучшіе проповѣдники. Но что сказать мнѣ? Сей злочестивой юноша казался мастеромъ въ искусствѣ всякаго безпутства; у него было злочестивое средство мѣшать самому себѣ и забавлять себя между слушателями, какъ бы громко ни кричалъ *проповѣдникъ*. Онъ садился обыкновенно, когда приходилъ къ проповѣди, въ какой нибудь уголъ, съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобъ заснуть; или устремлялъ глаза свои на какую нибудь нарядную женщину, тамъ бывшую, дабы вся проповѣдь прошла въ тѣлесныхъ вожделѣніяхъ; или примѣтивши подобнаго себѣ, садился подлѣ него, съ нимъ взадъ и впередъ вертѣлся, смѣялся и забавлялся, пока проповѣдь къ концу приходила.

Гай. Поистиннѣ достигъ онъ самой высоты злочестія.

Стефанъ. Конечно такъ; но все сіе еще увеличиваетъ искусная его во злѣ дѣятельность; пришедши къ господину сво-

своему, такъ былъ онъ совершенъ во всякомъ безпутствѣ, какъ будто бы прежде прихода своего къ нему онъ гдѣ нибудь былъ во услуженіи, единственно для того, чтобы оному совершенно научиться.

Гай. По словамъ твоимъ не можно ничего инаго положить причиною неисправленію его, кромѣ нахальства; мнѣ кажется, что онъ единожды навсегда сказалъ: *Я не хочу слушать; я не хочу внимать; я не хочу перенимать хорошаго; я не хочу исправляться; я не хочу обратиться.*

Стефанъ. Ты говоришь правду, и я ни съ кѣмъ лучше не умѣю сравнить его, какъ съ тѣмъ человѣкомъ, который, когда я его нѣкогда за злочестіе его укорялъ, съ великою дерзостію сказалъ: *Какое общество надобно діаволу, естьли будетъ оно состоять не изъ такихъ людей, какъ я?*

Гай. Ты самъ слышалъ слова сіи?

Стефанъ. Да, это такъ было нѣкогда, и сей молодой *Кватъ* былъ столь съ нимъ сходенъ, какъ одно яйцо съ другимъ. Писаніе увѣдомляетъ, къ сожалѣнію, о такихъ людяхъ, которые дѣлами своими говорятъ тоже самое; они говорятъ Богу: *Отступи отъ насъ; путей твоихъ вѣдѣти не хощемъ.* Іов. гл. 21.

ст.

ст. 14. Они не хотятъ слушать, но отвращаются; они затыкаютъ уши свои, ожесточаютъ сердца свои жесточае алмаза, дабы не слушать закона и словъ Господа воинствъ. Не суть ли сіи тоже, что былъ *Кватъ* и тотъ человѣкъ, о которомъ я теперь сказывалъ тебѣ, и которой прежде (когда я еще грѣхами увеселялся) былъ моимъ сотоварищемъ? Сіе сказываю я къ стыду моему, но многіе еще слѣдуютъ стезямъ его.

Гаій. Сей молодой злодѣй конечно былъ ему подобенъ, и его же стезямъ слѣдовалъ, какъ будто бы его злочестіе было спискомъ съ злочестія онаго. Я разумѣю то, что касается до его отчаянія; ибо естьлибъ не былъ онъ отчаянно злочестивъ, то тебѣ бы, укорявшему его за грѣхи его, такъ онъ не отвѣтствовалъ. Но когда же ты его укорялъ?

Стефанъ. Спустя нѣсколько времени послѣ того, когда Господь Богъ разлучилъ *меня съ нимъ*; когда меня, какъ я надѣюсь, удостоилъ благодати своей, а его оставилъ во грѣхахъ его; и я не могъ ничего инаго услышать, какъ то, что смерть его была подобна его жизни, такъ какъ и смерть нашего *Квата*. —— Но мы его оставимъ, и обратимся паки къ прежнимъ рѣчамъ нашимъ.

Гайй. Бѣдные, ожесточенные грѣшники! Думаешь ли ты, что Бога нѣтъ съ ними?

Стефанъ. Я не знаю твоихъ мыслей; но знаю слова Божіи: *И будетъ, якоже рече, и не услышаша его: сице возопіютъ, и не имамъ услышати, глаголетъ Господь Вседержитель.* Захар. гл. 7. ст. 13. Безъ сомнѣнія придетъ такое время, въ которое *Кватъ* будетъ взывать такъ.

Гайй. Но я удивляюсь, что онъ столь свѣдущимъ сдѣлался въ злочестіи; онъ еще въ то время не могъ урости отъ розги; я думаю, что ему не было еще и *двагцати* лѣтъ.

Стефанъ. Нѣтъ, ему не было еще и *осьмнатцати*; но сѣмя неправды рано въ немъ разпустилось, подобно какъ въ *Исмаилѣ*, и въ тѣхъ дѣтяхъ, которыя надъ Пророкомъ ругались. Быт. гл. 21. ст. 10. 4 Царст. гл. 2. ст. 23. 24.

Гайй. Поистиннѣ былъ онъ такой злочестивой юноша, какого никогда не бывало.

Стефанъ. Тогда только ты это скажешь, когда услышишь все.

Гайй. Ты говоришь все; мнѣ кажется, что довольно и сего. Но естьли что нибудь еще осталось, то пожалуй, разскажи мнѣ.

Сте-

Стефанъ. И такъ я говорю, что менѣе полутора года бывши у господина своего, свелъ онъ знакомство съ тремя молодыми людьми, которыхъ я теперь наимяновать не хочу, и которые научили его грѣхи умножать грѣхами; а какъ онъ скоро понялъ науку ихъ, то и принялъ ихъ въ свои товарищи. Одинъ былъ очень преданъ сладострастiю, другой пьянству, а третiй любилъ воровать и обманомъ похищать разныя вещи у господина своего.

Гайй. Бѣднякъ! онъ и самъ по себѣ былъ довольно золъ; но думаю, что сiи шалуны еще хуждшимъ его сдѣлали.

Стефанъ. Что они сдѣлали его злѣйшимъ, въ томъ ты можешь быть увѣреннымъ; ибо они учили его быть ихъ *главою* и *предшественникомъ* въ путяхъ ихъ.

Гайй. Онъ познакомился съ ними къ своему нещастiю.

Стефанъ. Скажи лучше, что это былъ судъ Божiй, то есть, гнѣвъ Божiй познакомилъ его съ ними. У него былъ хорошiй господинъ и хорошiй отецъ, отъ которыхъ бы онъ много мѣсяцовъ и много лѣтъ могъ получать хорошiе совѣты. Но сердце его устремлено было ко

злу; злочестіе было ему любезнѣе добра, пока неправда его сдѣлалася гнусною. Почему гнѣвъ Божій и познакомилъ его и товарищей его другъ съ другомъ. Павелъ говоритъ: *И якоже не искусиша имѣти Бога въ разумѣ, (сего ради) предаде ихъ Богъ въ неискусенъ умъ.* Рим. гл. 1. ст. 28. и въ 124 Псалмѣ, въ стихѣ 5 говорится, что *уклоняющіяся въ развращеніе отведетъ Господь съ дѣлающими беззаконіе.* Почему рука Божія управляла имъ, дабы онъ погибъ и осужденъ былъ; ибо онъ не хотѣлъ имѣть любви къ истиннѣ, дабы содѣлаться блаженнымъ. Онъ избралъ соблазнителей и соблазны злаго общества и глупцевъ, дабы погибнуть. 2 Сол. гл. 2. ст. 10. 11. 12. Притч. гл. 12. ст. 20.

Гайй. Я конечно не могу иначе думать, какъ то, что судъ Божій предаетъ человѣка обществу такихъ злыхъ человѣковъ. Ибо что суть злые человѣки иное, какъ не дьяволовы приманки, которыми онъ простыхъ людей приманиваетъ въ сѣти свои? Что иное блудникъ, пьяница и воръ, какъ не прикормъ діаволовъ, которымъ онъ другихъ ловитъ?

Стефанъ. Это такъ; но сей младой *Кватъ* не былъ изъ тѣхъ *простяковъ*, о кото-

которыхъ говоришь ты; ибо его учили, и многократно въ добрѣ наставляли. Но естьли подъ простыми разумѣешь ты тѣхъ, которые суть глупцы въ познаніи Христа и вѣры, то онъ конечно былъ простъ; ибо смерть предпочелъ жизни, и захотѣлъ лучше жить въ безпрестанной брани съ Богомъ, нежели въ мирѣ съ Нимъ. Соломонъ говоритъ о такихъ людяхъ такъ: *Возненавидѣша бо премудрость, словесе же Господня не пріяша.* Притч. гл. 1. ст. 29. А какой судъ можетъ быть для глупца ужаснѣе, какъ быть отданнымъ въ руки такихъ людей, у которыхъ нѣтъ никакого разума, и которые дѣлаютъ только то, чрезъ что созрѣваютъ грѣхи ихъ и что ускоряетъ осужденіе? Чего ради человѣки должны страшиться раздражать Бога; ибо Онъ симъ образомъ можетъ ихъ наказывать за грѣхи ихъ. Я зналъ прежде одного человѣка, которой такъ было, по мнѣнію моему, ощутилъ гнусность состоянія своего, что можно было надѣяться отъ него чего нибудь добраго; да, я зналъ двухъ такихъ, которые по видимому исправились, но которые послѣ опять испортились и предались своимъ вожделѣніямъ и похотямъ; почему Богъ и пре-

далѣ ихѣ обществу трехѣ, или четырехѣ такихѣ человѣковѣ, которые ихѣ, менѣе нежели вѣ три года, довели до висѣлицы, на которой (поколику они не хотѣли жить честными людьми) они повѣшены были.

Гайй. Но пожалуй, разскажи мнѣ, какѣ поступалѣ *Кватѣ* вѣ то время, когда познакомился сѣ оными тремя молодыми людьми?

Стефанѣ. Какѣ онѣ поступалѣ? Онѣ дѣлалѣ тоже, что и они. Я это тебѣ и прежде далѣ разумѣть, говоря, что они сдѣлали его вождемѣ и главою вѣ путяхѣ своихѣ.

Вопервыхѣ посѣщалѣ онѣ питейные домы, и до того времени тамѣ пилѣ, пока дѣлался подобнымѣ безсмысленному звѣрю. И естьли не могѣ онѣ итти вѣ питейной домѣ днемѣ, то ходилѣ туда ночью, такѣ что наконецѣ сдѣлался онѣ такимѣ славнымѣ пьяницею, что каждому человѣку чрезѣ то извѣстенѣ сталѣ.

Гайй. Пьянство есть грѣхѣ скотской; есть такой грѣхѣ, которой совершенно противенѣ натурѣ, такѣ что я удивляюсь, что человѣкѣ, имѣющій только хотя тѣнь человѣка, можетѣ предаться

ся

ся такому скотскому злу, да и злѣйшему еще скотскаго.

Стефанъ. Это въ самомъ дѣлѣ такъ; но я долженъ тебѣ еще разсказать одну исторію. У нѣкотораго дворянина былъ конюхъ великимъ пьяницею, которой въ одинъ вечеръ пришелъ домой такъ пьянъ, что господинъ сіе уже примѣтилъ. Господинъ его самъ въ себѣ такъ подумалъ: теперь я тебѣ ничего не скажу, но завтра поутру покажу тебѣ собственною моею лошадью, что ты хуже безсмысленнаго звѣря. При разсвѣтѣ приказалъ онъ ему итти напоить лошадь. Сдѣлавши это, пришелъ онъ опять къ господину своему, которой ему еще приказалъ итти и напоить лошадь. Онъ въѣхалъ опять на лошади въ воду, но лошадь не хотѣла пить. Онъ возвратился, и донесъ о томъ господину своему, которой слѣдующее сказалъ ему: *Вы, пьяницы, гораздо хуже моей лошади; она пьетъ для того, чтобъ удовлетворить натурѣ, а вы пьете для того, чтобъ испортить натуру; она пьетъ только для ободренія силъ своихъ, а вы пьете ко вреду и пагубѣ своей; она пьетъ для того, чтобъ быть годнѣе къ показанію услугъ господину своему, а вы пьете для того,*

чтобъ сдѣлать себя негодными къ служенію Богу и человѣкамъ. О скоты! вы гораздо хуже безсмысленнаго звѣря, на которомъ вы ѣздите!

Гай. Поистиннѣ, кажется мнѣ, господинъ сей хорошо поступилъ; ибо онъ ясно показалъ пьяницѣ, что онъ самъ собою не могъ такъ управлять, какъ лошадь, и что слѣдственно безсмысленный звѣрь лучше его жилъ по закону натуры. Но какъ нашъ *Кватъ* былъ еще въ школьныхъ лѣтахъ, то гдѣ доставалъ онъ деньги? ибо пьянство есть такой грѣхъ, которому деньги надобны.

Стефанъ. Господинъ его долженъ былъ за все платить; ибо, научившись отъ оныхъ трехъ шалуновъ *пьянству*, научился онъ и *воровству* и *обману*. Когда онъ продавалъ какіе нибудь товары господина своего, то полагалъ на нихъ такую высокую цѣну, какую только могъ; иногда же умѣлъ онъ ослѣплять господина своего, и уносить изъ лавки разныя вещи; либо отсылалъ, или относилъ онъ нѣкоторые его товары, до которыхъ по мнѣнію его не скоро могло дойти дѣло, въ извѣстное себѣ мѣсто, куда приглашая товарищей своихъ, раздѣлялъ съ ними радость свою.

Гай.

Гаій. Это было великое зло, да по мнѣнію моему еще большее и прежняго; ибо чрезъ сіе не только подвергался онъ подъ гнѣвъ Божій, но и господина своего со всемъ домомъ приводилъ въ истощеніе.

Стефанъ. Одинъ грѣхъ всегда ведетъ за собою другіе грѣхи, подобно какъ одно звѣно въ цѣпи ведетъ за собою другія звѣнья. Кто хочетъ быть пьяницею, тому надобны деньги, собственныя ли то, или чужія. Онъ крадетъ ихъ либо у отца, или у матери, или у господина; или достаетъ ихъ на большихъ дорогахъ, или гдѣ нибудь въ другомъ мѣстѣ.

Гаій. Я думаю, что въ нынѣшнія времена много находится такихъ рабовъ и слугъ, и что многіе честные люди терпятъ отъ того великой вредъ.

Стефанъ. Теперь приходитъ мнѣ нѣчто въ мысль, что со мною самимъ случилось, и что я тебѣ разсказать долженъ. Когда я нѣкогда былъ въ темницѣ, то пришла ко мнѣ одна женщина, бывшая въ великомъ безпокойствѣ. Я спросилъ ее (ибо она была мнѣ неизвѣстна), что она мнѣ сказать хочетъ? Она отвѣтствовала, что ее весьма страшитъ осужденіе. Я спросилъ о причинѣ сего страха. Потомъ открыла она мнѣ, что за нѣ-

нѣсколько лѣтъ прежде служила она у одного лавошника, у котораго въ разныя времена крала деньги, бывшія въ лавкѣ. Сіе разсказывала она гораздо обстоятельнѣе, нежели какъ я теперь разсказывать могу. Пожалуй, сказала она, дай совѣтъ, что мнѣ теперь дѣлать? —— Я совѣтовалъ, чтобъ она пошла къ своему господину и отдала бы ему то, что прежде у него украла. Она отвѣтствовала, что сдѣлать того не смѣетъ. Я опять спросилъ ее, для чего? Она говорила, что ее удерживаетъ отъ того страхъ, чтобъ онъ не довелъ ее до висѣлицы. Я увѣрялъ ее, что буду стараться о спасеніи ея жизни, да и пріятелей своихъ склоню къ старанію сему. Но она отвѣтствовала, что отважиться на то не смѣетъ. И такъ, сказалъ я, пошлю я къ господину твоему, прежде нежели ты еще придешь къ нему, и сдѣлаю, что онъ тобою будетъ доволенъ. прежде нежели тебя увидитъ. Для сего спросилъ я о имени господина ея. Но весь отвѣтъ ея состоялъ въ слѣдующихъ словахъ: *Пожалуй не предпринимай сего; я опять къ тебѣ приду.* Такимъ образомъ ушла она отъ меня, не сказавши мнѣ имени господина своего и своего собственнаго.

По-

— Послѣ приключенія сего прошло около десяти, или двенатцати лѣтъ, и съ того времени я никогда не видалъ ее.

Сіе разсказываю я только для того, чтобъ подтвердить мнѣніе твое о множествѣ такого рода людей. Богъ же иногда дѣлаетъ, что они, приведены будучи въ ужасъ собственною совѣстію своею, сами себя предавать должны, какъ то недавно слышали мы о старомъ *Тодѣ*. Я бы еще могъ разсказать такую исторію объ одной женщинѣ, которая сама меня о приключеніи своемъ увѣдомила, получивши отъ госпожи своей на то повелѣніе; но на сей разъ довольно и сказаннаго.

Гай. Но къ чему привязанъ былъ другой товарищъ *Кватовъ*?

Стефанъ. Я уже сказалъ прежде, что онъ привязанъ былъ къ *сладострастію*; но, кажется, ты уже это забылъ.

Гай. Правда. Сладострастіе есть грѣхъ ужасный и наиболѣе владычествующій въ нынѣшнее время.

Стефанъ. Я сказалъ, что одинъ изъ нихъ весьма предавался гнусному сладострастію; онъ не былъ ни воромъ, ни пьяницею, но напротивъ того весьма уже удовлетворялъ *похотливости*. Въ семъ былъ

онъ весьма искусенъ; ибо въ скотскомъ грѣхѣ блудодѣянія былъ вождемъ и правителемъ всѣхъ прочихъ. Онъ также лучше знакомъ былъ и съ тѣми домами, гдѣ они вмѣстѣ бывали; слѣдственно лучше могъ и съ другими сводить знакомство. Также зналъ сей молодой злодѣй и блудницъ, которыя хитро умѣли обходиться съ приходящими съ нимъ.

Гайй. Весьма для юноши смертоносно, естьли такія коварныя блудницы словами, или поступками, явно къ искушенію служащими, нападутъ на него, и весьма для него трудно не попасть въ ихъ сѣти.

Стефанъ. Это правда; и потому всего лучше слѣдовать совѣту мудраго мужа, и не приближаться къ двери дома ихъ: Притч. гл. 7. ст. 6-18 и размышлять прилѣжно о вредѣ, происходящемъ отъ того душѣ. Я слышалъ нѣкогда объ одномъ знатномъ человѣкѣ, что онъ до того времени жилъ во грѣхѣ семъ, какъ совсѣмъ погубилъ уже почти лице свое. Онъ послалъ за своими лѣкарями, и открылъ имъ свою слабость; но они сказали ему, что до того времени, пока не оставитъ онъ блудодѣянія, не можно подать ему никакой помощи. *Нѣтъ*,

ска-

сказалъ онъ: *погибай лучше мое лице!* Изъ сего примѣть, что грѣхи не только весьма вредны тѣлу, но нѣкоторые къ нимъ и такъ привыкаютъ, что не въ состояніи бываютъ и отстать, хотя бы и тѣло совсѣмъ отъ того пропало. Какія же многоразличныя мученія и болѣзни слѣдуютъ иногда за симъ скотскимъ грѣхомъ! Чего не бываетъ также и для умерщвленія рожденныхъ отъ запрещеннаго соитія! Сколь часто такіе сладострастные прибѣгаютъ къ смертоубійству, сіе ясно откроется въ оной великой день суда, хотя иногда и нынѣ то обнаруживается.

Я еще долженъ сообщить тебѣ *исторію*, которую разсказывалъ мнѣ одинъ старой знакомой проповѣдникъ, человѣкъ, пріобрѣтшій въ нашей окружности весьма хорошее имя. Мать его была повивальною бабкою, и въ искусствѣ своемъ упражнялась по большей части между знатными людьми. Къ дому сей женщины нѣкогда пріѣхалъ верьхомъ одинъ знатной молодой господинъ, которой просилъ ее итти за нимъ къ нѣкоторой знатной женщинѣ и подать ей помощь. Когда же она собралась, то посадилъ онъ ее за собою на свою лошадь, и съ нею поѣхалъ.

Сіе было около вечера, или лучше сказать около ночи. Отъѣхавши недалеко, молодой дворянинъ сошелъ съ лошади, взялъ старуху въ беремя, и снялъ ее съ лошади; потомъ пробѣжалъ съ нею нѣсколько круговъ, сѣлъ опять съ нею на лошадь, и ѣхалъ своею дорогою, пока пріѣхали они къ знатному дому. Онъ привелъ ее въ одну комнату, гдѣ была мучащаяся въ родахъ женщина, и велѣлъ бабушкѣ приняться за свое дѣло. Она потребовала было помощи другихъ людей, но онъ вынулъ шпагу и сказалъ: *Естьли ты тотчасъ одна не примешься за свое дѣло, то кромѣ смерти ожидать тебѣ нечего.* Коротко сказать, старая бабка такъ щастливо помогла сей женщинѣ, что она скоро произвела на свѣтъ любезное дитя. Тогда разведенъ былъ великой огонь въ другой комнатѣ, не далеко отъ той, въ которой они были. Молодой господинъ взявши ребенка, пошелъ туда, разгребъ уголья, и раздвинувъ дрова, бросилъ туда ребенка, зарылъ его совсѣмъ въ огонь, и такимъ образомъ превратилъ его въ пепелъ. Послѣ того пришедъ онъ къ бабкѣ, щедро заплатилъ ей за ея трудъ, но заперъ ее въ темную горницу. По наступленіи

же

же вечера, вывелЪ онЪ ее и посадилЪ опять за собою на лошадь, и ѣхалЪ сЪ нею до тѣхЪ порЪ, пока подЪѣхалЪ близко кЪ ея дому; тогда, такЪ какЪ и прежде, снялЪ онЪ ее сЪ лошади и нѣсколько разЪ кругомЪ вертѣлЪ, сѣдши онЪ опять сЪ нею на лошадь, довезЪ ее до дому, ссадилЪ ее, простился сЪ нею и ускакалЪ, такЪ что она не могла сказать, кто онЪ былЪ. Исторію сію разсказывалЪ мнѣ самЪ сей проповѣдникЪ, сынЪ ея, и увѣрялЪ, что мать его выдавала оную за истинну.

Гай. Конечно смертоубійство часто бываетЪ слѣдствіемЪ грѣха сего, такЪ какЪ единственной плодЪ онаго. Но иногда часто низпосылаетЪ БогЪ прелюбодѣямЪ и прелюбодѣйкамЪ конецЪ срамной. Я нѣкогда о комЪ-то слышалЪ (кажется, что о докторѣ врачевства), прижившемЪ сЪ блудницею трехЪ, или четырехЪ дѣтей, что они дѣтей сихЪ всѣхЪ умертвили, но наконецЪ при Колхестерѣ были повѣшены; что вышло слѣдующимЪ образомЪ: блудницу стала очень мучить собственная ея совѣсть, такЪ что она не могла быть спокойною прежде, пока вЪ злодѣяніи своемЪ не призналась и оное не открыла. ТакимЪ образомЪ БогЪ иногда дѣ-

дѣлаетъ беззаконниковъ обвинителями самихъ себя, и приводитъ ихъ чрезъ собственной ихъ языкъ къ должному наказанію ихъ грѣховъ.

Стефанъ. Такихъ примѣровъ много; но мы ихъ пройдемъ мимо. Однако скажу то, что я былъ нѣкогда у одной больной замужной женщины, которая была при смерти, да и умерла при мнѣ. Она (ибо совѣсть ея весьма ее за прелюбодѣяніе мучила), лежавши на постелѣ, такъ при мнѣ вскричала: *Я блудница; дѣти мои всѣ не законно рожденныя, и я за грѣхъ свой должна быть во адѣ. Дьяволъ стоитъ у ногъ кровати моей, дабы взять душу мою, когда я умру.*

Гайй. Ахъ! исторіи сіи всѣ плачевны; не разсказывай мнѣ ихъ болѣе, но лучше, естьли тебѣ угодно, покажи мнѣ, какой вредъ еще произходитъ отъ сего скотскаго грѣха?

Стефанъ. Грѣхъ сей есть сѣть для душъ, и естьли не благодать чудеснымъ образомъ спасетъ, то душа неизбѣжно погибнетъ въ чарующихъ сладострастіяхъ онаго. Сіе видно изъ разныхъ мѣстъ Св. Писанія, какъ-то Прит. гл. 26. ст. 6 и 22. 27. 18. и 7. 25. 27. и 22. 49. Я слышалъ нѣкогда, что одинъ человѣкъ

ска-

сказалъ нѣкоторой дѣвицѣ, которую онъ соблажнялъ ко грѣху сему: *Пожертвуй тѣломъ своимъ, а я душею моею пожертвую.* О мерзость! —— Колико отлично сіе отъ нрава Іосифова!

Глій. О блаженный Іосифъ! —— Ахъ! естьлибъ было у тебя болѣе сотоварищей!

Стефанъ. У *Квата* нынѣ болѣе сотоварищей, нежели у Іосифа; въ противномъ случаѣ не было бы столько блудницъ. Ибо хотя женской полъ въ семъ случаѣ и не невиненъ, однако думаю я, что многія дѣлаются блудницами обольщеніемъ и обманомъ товарищей *Кватовыхъ.* Нѣкоторыя женщины, къ сожалѣнію, соблазняемы, или и принуждаемы бываютъ къ тому сначала обѣщаніемъ брака, или инымъ чѣмъ; а послѣ, когда ожесточатся онѣ въ сердцѣ своемъ, и совсѣмъ уже, подобно онымъ злочестивымъ, предаются сему роду безпутства. У *Іосифа* было другое сердце: въ немъ былъ *страхъ Божій.*

Прежде, нежели я буду говорить далѣе, долженъ я еще разсказать двѣ примѣчанія достойныя исторіи, и желалъ бы, чтобъ сотоварищи *Кватовы* ихъ слышали; оныя находятся на двенатцатомъ листу *зеркала грѣшниковъ*, книги, сочинен-

ненной господиномъ *Кларкомъ*. Господинъ *Клаверъ*, говоритъ онъ, разсказывалъ объ одномъ человѣкѣ, которой преданъ былъ сладострастію, и котораго онъ зналъ, что онъ совѣстію своею въ такой приведенъ былъ ужасъ, что самъ себя повѣсилъ, и слѣдующее письмо позади себя положилъ: *Извѣстно мнѣ, что умертвивши самаго себя, поступлю весьма несправедливо; но я въ семъ случаѣ обязанъ исполнить должность сана начальства, поколику смерть есть наказаніе грѣховъ.* И на семъ же листу разсказываетъ онъ о двухъ прелюбодѣяхъ, умерщвленныхъ вдругъ огнемъ съ неба, которыхъ трупы найдены до половины сожженные и мерзско вонявшіе.

Гайй. Это точно примѣчанія достойныя исторіи.

Стефанъ. Конечно такъ; притомъ же онѣ столь истинны, сколь и примѣчанія достойны.

Гайй. Но я удивляюсь, что господинъ *Кватовъ*, знавши безпутство его, терпѣлъ его въ своемъ домѣ.

Стефанъ. Они другъ другу столько подобны были, сколько огонь водѣ: господинъ *Кватовъ* весьма печалился о *Кватѣ*, а *Кватъ* напротивъ того весьма пе-

печалился о господинѣ своемъ. Такимъ образомъ исполнилось на нихъ сказанное Св. Духомъ, Притч. гл. 29, ст. 7: *Мерзость праведнику мужъ неправеденъ; мерзость же законопреступному правоведущій путь.* Онъ также бы охотно еще продержалъ его у себя, естьли бы могъ, да и научилъ бы его промыслу своему.

Гай. Естьли бы онъ только могъ, говоришь ты; онъ бы конечно могъ, естьли бы только захотѣлъ. Развѣ онъ не такъ поступилъ?

Стефанъ. Ахъ! *Кватъ* бѣгалъ отъ него, да еще и два раза; ибо онъ никакъ не хотѣлъ, чтобъ господинъ его управлялъ имъ. Когда онъ вторично ушелъ, то господинъ его уже переста额лъ о немъ заботиться; ибо онъ точно не подавалъ ему къ тому никакой причины, выключая того, что увѣщевалъ его къ провожденію хорошей и честной жизни, хотя онъ и совсѣмъ не успѣлъ въ томъ. И естьли бы и съ нами самими это случилось, то и мы бы такъ сдѣлали, и перестали бы о немъ заботиться. Ибо что иное долженъ былъ сдѣлать такой человѣкъ, которой думаетъ о собственномъ своемъ *спокойствіи*, своихъ дѣтяхъ, своемъ благополучіи и благосостояніи, и

о своихъ слугахъ (дабы и они также злыми не сдѣлались), какъ оставить его? Естьли бы онъ не ушелъ, то смирительной домъ былъ бы для него лучшимъ средствомъ къ исправленію; но господину его было сіе средство не пріятно, ради любви его къ его отцу; почему онъ и далъ ему волю.

Гайй. Ты говоришь, что онъ ушелъ; но куда же онъ ушелъ?

Стефанъ. Къ тому, которой кормился одною съ нимъ пищею, и былъ одинакихъ съ нимъ свойствъ. — Такимъ образомъ совокупляются злочестивые, и тамъ-то *Кватъ* выслужилъ свое время!

Гайй. Конечно тогда исполнилось желаніе сердца его, когда пришелъ онъ къ подобному себѣ.

Стефанъ. Конечно такъ; но Богъ прислалъ его къ нему во гнѣвѣ своемъ.

Гайй. Почему ты такъ думаешь?

Стефанъ. Я думаю, какъ-то и прежде упомянулъ, что для злочестиваго человѣка есть сіе знакомъ гнѣва Божественнаго, естьли онъ извергаемъ бываетъ изъ дверей добраго человѣка, и приходитъ въ домъ злочестиваго. Ибо Богъ чрезъ сіи и подобные тому суды тако вѣщаетъ къ такому грѣшнику: *О злочестивецъ! ты не*

не любишь ни Меня, ни путей Моихъ, ниже народъ Мой; ты отметаешь Мой законъ и благой совѣтъ; ты злочестивымъ преданъ будешь, и діаволъ будетъ надзирателемъ надъ тобою; Я оставлю тебя утопать въ грѣхахъ твоихъ, доколѣ не посѣщу тебя смертію и судомъ. И такъ сіе былъ другой приговоръ, низшедшій на молодаго *Квата.*

Гайй. Родителямъ, любящимъ дѣтей своихъ, должно стараться, чтобъ они, оставляя ихъ, попадались въ хорошіе домы, и заблаговременно бы научались убѣгать зла и слѣдовать добру.

Стефанъ. Конечно; но и тѣ, которые принимаютъ дѣтей въ домъ свой, должны смотрѣть, кого принимаютъ. Ибо *злой служитель* можетъ повредить честное имя господина своего, его состояніе и имущество, да и нарушить можетъ его спокойствіе и миръ, мирное его исканіе Бога и прилѣжное упражненіе въ богочестіи; я говорю, что сіе легко причинить можетъ такой злодѣй и безпутной человѣкъ.

Гайй. Безъ сомнѣнія такъ; ибо грѣшникъ портитъ всякое добро, и нищій лучше порочнаго. Но иногда не можно

отъ сего предостеречься; ибо нѣкоторые, кажущіеся съ начала обѣщающими много добраго, оказываютъ себя послѣ такими нечестивцами, какъ *Кватъ*. Но какъ поступалъ онъ съ другимъ своимъ господиномъ, съ которымъ были они птицами одинакихъ перьевъ, то есть, что они въ злочестіи другъ съ другомъ были сходны?

Стефанъ. Сей другой господинъ его, какъ я и прежде упомянулъ, былъ довольно золъ; однако не взирая на то, могъ онъ слугу своего часто бранить, да еще за злыя его дѣла и бить.

Гайй. Какое чудо! да развѣ онъ самъ не таковъ же золъ былъ? Это весьма сходно съ пословицею: *Дьяволъ наказываетъ недобродѣтель*.

Стефанъ. Это было точно такъ, какъ я тебѣ сказываю; ибо ты долженъ знать, что *Кватово* поведеніе не служило къ выгодѣ его господина. Естьли бы могъ онъ поступать такъ, какъ поступала та раба, о которой упоминается въ Апостольскихъ Дѣяніяхъ; а имянно, естьли бы могъ онъ худыми поступками своими наполнять кошелекъ господина своего, то конечно бы былъ онъ его прорицалищемъ. Но *Кватъ* нашъ былъ не въ

такихъ обстоятельствахъ; почему хотя онъ съ господиномъ своимъ и по большей части былъ сходенъ, однако они другъ отъ друга разнились. Ибо *Кватъ*, оставляя безъ исполненія повелѣнія господина своего, бѣгалъ въ гости къ вѣтренымъ людямъ, обманывалъ его, дѣлалъ дѣтей его дикими и дерзскими, и тому подобное. Нѣтъ никакого въ томъ чуда, что они въ сихъ случаяхъ не могли быть согласными. Причиною сему было не то, чтобъ господинъ его имѣлъ отвращеніе отъ такихъ поступковъ, ибо онъ и самъ такъ поступалъ: но то, что сей человѣкъ истощалъ имущество его, и слѣдственно былъ ему вреденъ. Естьли бы безпутство молодаго *Квата*, какъ я прежде сказалъ, было въ пользу господина его: то онъ свободно бы могъ клясться, лгать, обманывать и проводить всѣхъ имѣвшихъ съ нимъ дѣло (какъ то и дѣйствительно было). Естьли бы только сіе онъ дѣлалъ, то никогда бы и ни одного бранняго слова не услышалъ отъ господина своего. —— Но *Кватъ* не всегда такъ поступалъ.

Гайй. Ты весьма кстати помянулъ о рабѣ, о которой говорится въ Апостольскихъ Дѣяніяхъ; въ семъ случаѣ

весьма ясно представлено различие между безпутствомЪ и злобою служителей.

СтефанЪ. Люди, которые сами по себѣ безпутны, вЪ другихЪ людяхЪ безпутство ненавидятЪ. Думаешь ли ты, чтобЪ господинЪ сей рабы такЪ осердился, естьли бы купно сЪ нею не лишился онЪ и выгодЪ своихЪ? Конечно нѣтЪ, хотя бы она и кЪ чорту провалились. Но какЪ онЪ увидѣлЪ, что надежда выгодЪ его изчезла, то началЪ онЪ Павла гнать. Дѣян. гл. 16. 17. 18. 19. 20. Но *Кватовы* злые поступки иногда были вредны для господина его; почему и пришли они вЪ несогласіе.

Гаій. АхЪ, бѣдной *КватЪ*! кажется, что ты и подобному себѣ не всегда могЪ нравиться.

СтефанЪ. Конечно нѣтЪ, чему и причину я тебѣ сказалЪ.

Гаій. Но не самихЪ ли себя осуждаютЪ злые господа, наказывая такимЪ образомЪ злобу служителей своихЪ?

СтефанЪ. БезЪ сомнѣнія, осуждая вЪ другихЪ то, что есть вЪ нихЪ самихЪ. Нѣкогда придетЪ такое время, что самое то осужденіе и самой тотЪ приговорЪ, которой вышелЪ изЪ *собственныхЪ ихЪ устЪ* противЪ грѣха другихЪ

людей,

людей, съ силою обратится на самихъ ихъ. Господь изрекаетъ приговоръ противъ *Ваасы*, какъ вообще за всѣ его злодѣянія, такъ въ особливости и за то, что онъ истребилъ домъ *Іеровоамовъ*, бывши самъ оному подобнымъ. 3. Царст. гл. 16, ст. 7. Таково было состояніе *Кватова* господина; онъ былъ ему подобенъ, однако его билъ; онъ точно таковъ, какъ рабъ его, однако онъ билъ раба своего.

Гай. Но для чего не ушелъ *Кватъ* и отъ сего господина, такъ какъ ушелъ онъ отъ перваго?

Стефанъ. Естьли я не ошибаюсь, то причиною сему былъ Божій страхъ, соблюдаемый въ первомъ домѣ, котораго молодой *Кватъ* терпѣть не могъ. Ибо у перваго господина, что касалось до его содержанія, жилища, работы и времени, по его собственному за всемъ присмотру, было ему гораздо лучше, нежели у послѣдняго; но все сіе не могло доставить ему удовольствія, ибо тамъ страхъ Божіи соблюдаемъ былъ. Онъ не могъ сносить *молитвы*, *чтенія* Св. Писанія, *слушанія и чтенія* проповѣдей; онъ не могъ того терпѣть, чтобы преступленія его

съ скромностiю и богочестiемъ ему передъ глаза выставляемы были.

Гайй. Великое различiе находится въ родѣ и образѣ наказанiя; иногда безпутные могутъ сносить укоризны, а иногда нѣтъ.

Стефанъ. Конечно въ семъ находится великое различiе. Сей послѣднiй господинъ выставлялъ *Квату* нащему грѣхи его передъ глаза на собственномъ его языкѣ: онъ клялъ, божился и осуждалъ его прежде, нежели сказывалъ ему о грѣхахъ его; сiе же онъ сносилъ лучше богобоязливыхъ увѣщанiй. Между тѣмъ могъ господинъ сей, когда гнѣвъ проходилъ и движенiя духа его нѣсколько утихали, грѣхамъ слуги своего *Квата* смѣяться и оными забавляться; а сiе *Квату* весьма нравилось Ничто не раздражало его, кромѣ ударовъ; ибо онъ уже столь великъ вырос, что оные сносить могъ. Во все время, когда господинъ его испускалъ брань и проклятiя, за клятву онъ платилъ клятвою и за проклятiе проклятiемъ (по крайней мѣрѣ въ тайнѣ), сколь бы долго то ни продолжалось.

Гайй. Это была *адская* жизнь.

Стефанъ. Точно такова была она въ самомъ дѣлѣ; и можно сказать, что мо-

молодой *Кватъ* у сего господина успѣвалъ столь же въ злочестiи, сколь и въ торгу, или купечествѣ; ибо когда время службы его прошло, то онъ (частiю чрезъ собственную свою склонность къ грѣхамъ, частiю чрезъ хорошее знакомство трехъ сотоварищей своихъ, и частiю чрезъ сего послѣдняго господина и злочестiе, имъ въ немъ видимое) сдѣлался избраннымъ грѣшникомъ, что прежде еще прошествiя срока сдѣлало его незаконнымъ отцемъ изчадiя незаконнаго.

Гайй. Но что предпринялъ онъ по отходѣ своемъ отъ господина своего?

Стефанъ. Онъ пошелъ къ отцу своему, а сей (такъ какъ чадолюбивый и жалостливый отецъ) взялъ его въ свой домъ.

Гайй. Какъ онъ тогда поступалъ?

Стефанъ. Причиною, погнавшею его домой, былъ недостатокъ въ деньгахъ, которой не допускалъ его ни до какого особеннаго предпрiятiя. Но онъ не долго пробылъ дома, гдѣ столько дѣлалъ себѣ принужденiя, сколько могъ; также старался онъ тогда скрывать и злобу свою, боясь, чтобъ не досадить отцу своему, и чтобы отецъ не отказалъ ему

въ деньгахъ, или по крайней мѣрѣ за тѣмъ нѣсколько не удержалъ бы его.

Хотя онъ и отсталъ отъ своихъ любимыхъ упражненій и свободной бесѣды съ друзьями своими, однако сіе награждалъ тѣмъ, что часто видѣлся съ старыми своими товарищами, которые его также весьма охотно терпѣли; но для которыхъ онъ тогда не могъ ничего другаго дѣлать, какъ подчивать ихъ иногда виномъ, хотя и то умѣренно.

Гайй. Но далъ ли ему старикъ денегъ, дабы онъ самъ собою что нибудь предпринялъ?

Стефанъ. Болѣе *двухъ сотъ фунтовъ.*

Гайй. Въ семъ, по мнѣнію моему, старикъ поступилъ весьма худо. Естьли бы я былъ отцемъ его, то я держалъ бы его покрѣпче до того времени, пока болѣе бы удостовѣрился въ томъ, какъ онъ впредь поступать будетъ. Ибо, думаю я, отецъ его ясно видѣлъ, сколь былъ онъ дуренъ, какъ по домашнимъ еще его дѣламъ, такъ и по тому, что онъ весьма добраго господина промѣнялъ на худаго; почему не долженъ онъ былъ такъ рано давать ему въ руки деньги. Что бы изъ того вышло худаго, естьли бы

онъ

онЪ держалЪ его вЪ рукахЪ покрѣпче, да и заставилЪ бы его нѣсколько времени упражняться вЪ трудной работѣ, дабы онЪ узналЪ, чего стоитЪ шилингЪ, естьли захочешь его достать? ТакимЪ бы образомЪ, чаятельно, лучше узналЪ онЪ, какЪ должно употреблять деньги; могло быть, чтобы онЪ вЪ сіе время болѣе обратилЪ свои мысли на то, какЪ должно жить вЪ мірѣ; да могло бы быть еще и то, чтобЪ онЪ, какЪ блудный сынЪ, пришелЪ вЪ себя и сталЪ бы просить Бога, небеснаго Отца, о прощеніи всѣхЪ имЪ содѣланныхЪ злодѣяній.

СтефанЪ. Естьли бы отецЪ его поступилЪ такЪ, какЪ ты говоришь, на тотЪ конецЪ, чтобЪ сына своего привесть вЪ раскаяніе и исправить: то и я думалЪ бы согласно сЪ тобою; но кЪ сожалѣнію ты говоришь такЪ, какЪ будто бы никогда не зналЪ, или уже позабылЪ, до чего простирается любовь и соболѣзнованіе родительское. Для чего не обходился ты такЪ сЪ собствественнымЪ сыномЪ своимЪ? Но сіе уже весьма извѣстно, что мы другимЪ скорѣе доброй совѣтЪ сообщаемЪ, нежели сами доброму совѣту слѣдуемЪ. Но положимЪ, любезный сосѣдЪ, чтобЪ отецЪ *Кватовъ* такЪ

сдѣлалъ, какъ ты говоришь; но естьли бы сынъ его чрезъ то еще болѣе къ злымъ дѣламъ получилъ склонности, то какую бы онъ ему сдѣлалъ пользу?

Гаій. Но изъ того не слѣдуетъ, чтобъ, естьли отецъ сдѣлалъ такъ, какъ мы говорили, и сынъ бы поступилъ такъ, какъ тебѣ въ семъ случаѣ опредѣлить угодно было. Положимъ, что бы это и такъ было, но что бы могъ *Кватъ* сдѣлать хуже сдѣланнаго уже имъ?

Стефанъ. Правда, что онъ былъ довольно въ худыхъ обстоятельствахъ; но естьли бы отецъ не далъ ему денегъ, а молодой *Кватъ*, огорчася симъ, въ яростномъ духѣ сѣлъ бы на корабль и уѣхалъ бы куда нибудь, такъ чтобъ отецъ никогда уже его не увидѣлъ и о немъ не услышалъ; или естьли бы онъ, какъ человѣкъ бѣшеной, съ упрямымъ намѣреніемъ достать денегъ, пошелъ на большія дороги, и такимъ бы образомъ довелъ себя до висѣлицы, а отца и родственниковъ своихъ до срама и поруганія; да хотя бы и не достигъ онъ такого конца, однако бы еще разныя злыя дѣйствія присовокупилъ къ злочестивымъ путямъ своимъ: то какое бы утѣшеніе

могъ

могъ получить отецъ его изъ всего того?

Сверьхъ сего отецъ *Кватовъ*, сдѣлавши уже все по возможности своей, съ желаніемъ сдѣлать его честнымъ человѣкомъ, могъ умереть спокойнѣе (послѣдовалъ ли сынъ совѣту, его или нѣтъ) нежели тогда, когда поступилъ бы онъ по совѣту твоему.

Гай. Нѣтъ, мнѣ не кажется, чтобъ я съ лишкомъ поспѣшно поступилъ, давши такой совѣтъ; ибо ты по истиннѣ столь много разсказывалъ мнѣ о злыхъ дѣлахъ его, что я отъ одного только слышанія на него разсердился.

Стефанъ. Намъ не должно теперь на него сердиться; ибо сей бѣдной человѣкъ пошелъ уже въ свое мѣсто. Но естьли благочестивый отецъ сдѣлалъ для злаго изчадія своего все то, что могъ и долженъ былъ, а оно никакъ не исправилось: то онъ изпуститъ духъ свой съ большимъ спокойствіемъ, нежели тогда, когда бы онъ строгими и жестокими средствами подалъ ему поводъ къ злымъ поступкамъ.

Мнѣ приходитъ въ мысль слышанное мною нѣкогда объ одной женщинѣ, у которой, также какъ и у сего старика нашего, былъ злочестивый сынъ; она

моли-

молилась о немъ, совѣтовала ему всякое добро, и поступала такъ чадолюбиво противъ его нѣсколько лѣтъ съ ряду; но онъ все пребывалъ злымъ. Напослѣдокъ случилось, что (какъ она нѣкогда молилась о его обращеніи, какъ-то обыкновенно дѣлала) пошла она къ нему, и симъ образомъ его уговаривала и увѣщевала: *Сынъ!* сказала она: *ты былъ безпутнымъ изчадіемъ; ты стоилъ мнѣ многихъ молитвъ и слезъ, и ты все пребываешь злочестивымъ. И такъ я исполнила должность мою, и все то сдѣлала, что могла, дабы удержать тебя отъ зла. Теперь я спокойна; и когда увижу тебя въ день судной осужденнаго, то никакъ не буду печалиться, но еще болѣе буду радоваться, услышавши приговоръ твоего осужденія.* —— Сіе средство его обратило.

Знай, что естьли родители дружески обходятся съ дѣтьми своими, и благодѣянія свои смѣшиваютъ съ дружескими укоризнами, облегчая оныя чадолюбивымъ соболѣзнованіемъ: то вѣроятно, что они дѣтей своихъ симъ исправить могутъ скорѣе, нежели строгостію и грубостію. Но естьли дѣти отъ сего не исправляются, и благодѣянія родительскія

скія безплодны на нихъ пребываютъ: то родителямъ въ день смерти ихъ весьма будетъ утѣшительно, по крайней мѣрѣ размышлять такъ: *Я столько любовію своею дѣйствовалъ, сколько могъ, дабы изчадіе мое освободить отъ ада.*

Гай. И такъ въ семъ я съ тобою согласенъ; но обратимся, любезный другъ, къ *Квату.* Ты сказалъ, что отецъ его далъ ему нѣсколько денегъ, дабы онъ куда нибудь ихъ употребилъ по мыслямъ своимъ.

Стефанъ. Правда, что отецъ его далъ ему довольно денегъ, которыя онъ и употребилъ въ торгъ; но сіе скоро кончилось. Ибо онъ не долго отправлялъ собственной свой торгъ, а впалъ чрезъ худое управленіе дѣлами своими въ домѣ, и чрезъ излишнія издержки внѣ дома, въ такой долгъ, и столь мало могъ платить отъ лавки своей, что едва избѣжалъ тюрмы. Но какъ заимодавцы его услышали, что онъ хотѣлъ жениться, и чая, что онъ женится на богатой, такъ говорили между собою: мы не съ лишкомъ строго противъ него поступимъ; естьли возметъ онъ богатую жену, то она всѣмъ намъ заплатить можетъ.

Гай. Но какъ торгъ его могъ такъ скоро разрушиться? Ты сказалъ, кажется, что онъ торговалъ только короткое время.

Стефанъ. Конечно короткое время; хотя я думаю, что это не продолжилось долѣе двухъ лѣтъ, однако прибавимъ къ тому и еще полгода. Причину же тому легко узнать можно. Какъ онъ былъ молодой и безразсудной человѣкъ, не имѣвшій на себѣ узды, и преданный притомъ похотямъ, вожделѣніямъ и грѣху: то совершенно отдался онъ путямъ сердца своего и стремленію глазъ своихъ, забывши, что Богъ за все сіе призоветъ его къ суду. Екклез. гл. 11. ст. 9. А кто такъ поступаетъ, тотъ можетъ быть увѣренъ, что падетъ скоро.

Сверьхъ сего пріобрѣлъ онъ еще болѣе новыхъ товарищей и добрыхъ братій, которые во нравахъ были съ нимъ совершенно сходны, и которымъ не было до того нужды, что торгъ его падетъ и разрушится, естьли они только тутъ поживиться могли. Они приходили, и часто посѣщали его лавку, естьли и его въ ней не было. Они умѣли заводить его въ питейной домъ, доводить до того, что онъ за всѣхъ заплатить былъ долженъ.

женѣ; они занимали у него деньги, не думавши о заплатѣ, развѣ заплатою могли еще болѣе вытянуть изъ него денегъ. —— Такимъ образомъ напала на него бѣдность, яко странникъ, и недостатокъ, яко вооруженный воинъ.

Но во все сіе время замѣчали они всѣ его склонности. Онъ любилъ, естьли ему ласкаютъ и его хвалятъ, и ему весьма пріятно было, когда превозносили острой его *разумъ*, мужество и красоту; симъ мазали они его по головѣ масломъ. Такимъ образомъ они съ нимъ обходились, и чѣмъ долѣе, тѣмъ болѣе умѣли пріобрѣтать надъ нимъ владычество, и подобно хищнымъ птицамъ, уносить ту небольшую сумму денегъ, которую ему отецъ далъ. —— И такъ скоро, и самымъ ближайшимъ средствомъ, сдѣлали они его нищимъ.

Гайй. Такимъ образомъ исполнилося изреченіе Премудраго Соломона: Притч. въ гл. 13. ст. 21: *Ходяй съ безумными познанъ будетъ*. И въ гл. 29. ст. 3. *Иже пасетъ любодѣйцы, погубитъ богатство*.

Стефанъ. Также сказано: *Иже пасетъ несытость, безчеститъ отца своего*. Притч. гл. 28. ст. 7. Ибо *Кватъ* причинялъ прискорбіе и срамъ бѣдному отцу

сво-

своему, которой было его, сдѣлавшагося уже господиномъ надъ самимъ собою, въ такое хорошее привелъ состоянiе, въ которомъ онъ, естьли бы поступалъ благоразумно, могъ бы жить къ чести Божiей, утѣшенiю собственной души своей и заслуженiю добраго имени у знакомцевъ своихъ. *Гоняй праздность, насытится нищеты*, говоритъ Соломонъ Притч. гл. 28. ст. 19. Путь, по которому шелъ онъ, велъ его прямо къ такому состоянiю. Ибо чего инаго можно ожидать отъ шествующаго такимъ образомъ? Сверьхъ того, хотя онъ и сидѣлъ въ лавкѣ, однако ни за что не могъ приняться, будучи отъ природы лѣнивъ. Хотя онъ мыслями своими и высоко возносился, однако руки его столь были лѣнивы, что никакъ работать не могли. И такъ чѣмъ должно было сему окончаться, какъ не тѣмъ, что сказано въ Притчахъ Соломоновыхъ? а имянно: *Всякъ бо пiяница и блудникъ обнищаетъ, и облечется въ раздранная, и въ рубища всякъ сонливый.* гл. 23, ст. 21.

Гайй. Но я подумалъ бы, что онъ, пришедши въ раззоренiе, долженъ былъ примѣтить наказующую его руку Божiю; долженъ былъ бить себя въ грудь и обратиться ко Господу. *Сте-*

Стефанъ. Какъ примѣтить? Благое вниманіе было весьма отдалено отъ него; тогда былъ онъ на самой вышшей степени высокомѣрія и гордости, на которой онъ когда либо былъ въ жизни своей. Притомъ же съ такимъ жаромъ предавался онъ грѣхамъ, какъ и среди добраго своего состоянія и полнаго изобилія, съ тѣмъ только различіемъ, что въ сіе время подобенъ онъ былъ прожорливому, но умученному скоту: діаволъ его почти совсѣмъ измучилъ и сбилъ съ ногъ.

Гайй. Но къ чему же прибѣгъ онъ, почти уже все промотавши?

Стефанъ. Онъ прибѣгъ къ двумъ средствамъ. Вопервыхъ старался онъ по всей своей возможности доставать деньги ложью, божбою и угрозами, такъ что онъ имущество свое не только приводилъ въ такое же состояніе, въ какомъ было оно съ начала, но еще и увеличивалъ. Въ семъ случаѣ помогали ему его сотоварищи, которые также умѣли сильно божиться, какъ и онъ, дабы утвердить сказанное.

Гайй. Это былъ двоякой грѣхъ и двоякое зло: грѣшно было лгать, грѣшно было и утверждать еще то божбою.

Стефанъ. Это правда; но какому грѣху не будетъ причастенъ такой человѣкъ, которой оставленъ отъ Бога? Я же думаю, что нашъ *Кватъ* былъ Имъ оставленъ.

Гайй. Но какое было другое средство, къ которому онъ прибѣгъ?

Стефанъ. Сіе началъ было я и прежде сказывать: ему хотѣлося *богатой жены.* Теперь буду я разсказывать новыя его преступленія, коварства и такія проклятыя дѣла, которыя докажутъ, что онъ былъ отчаяннымъ грѣшникомъ.

Дѣло состояло въ томъ, что ему не доставало *жены*, или лучше денегъ; ибо, будучи знакомъ со многими безпутными блудницами, не было ему собственно въ женѣ нужды; но, какъ я говорю, ему надобны были деньги. Для сего должно ему было жениться на богатой, ибо иначе не могъ онъ достигнуть цѣли своей. Въ семъ не весьма легко успѣть было можно, или ему должно было сдѣлаться искуснымъ обманщикомъ; да и обманъ ни къ чему бы не могъ ему способствовать, естьли бы употреблены были къ тому подобные ему люди, столь же часто могшіе играть ролю обманщика, какъ и онъ. Недалеко отъ него жила одна дѣвица,

вица, весьма богобоязливая и довольно богатая въ разсужденіи благъ временныхъ; но какъ ее было можно достать, въ томъ состояло все дѣло. Въ семъ случаѣ совѣтовался онъ съ своими вѣрнѣйшими и болѣе знающими собратіями. Они сказали ему, чтобъ онъ открылъ ей свое сердце и далъ знать, что намѣренъ жениться; также бы вразумилъ ее и въ то, что къ кому относится таковое намѣреніе. Но *Кватъ* не зналъ, какимъ образомъ можно было ему достигнуть цѣли своей; поколику она была богобоязлива, а онъ нѣтъ. Хорошо, сказалъ ему одинъ изъ товарищей его: когда она богобоязлива, то и ты долженъ себя таковымъ показывать, но еще за нѣсколько времени прежде, нежели къ ней придешь. Почему примѣчай, куда она ежедневно ходитъ къ проповѣди, и ходи туда и самъ. Но ты долженъ стараться поступать тамъ пристойно, и показывать, что проповѣдываемое слово тебѣ весьма нравится. Становись же все въ такомъ мѣстѣ, гдѣ бы она тебя могла видѣть. Когда она пойдетъ домой, тогда старайся сойтися съ нею, и походкѣ своей придать важность. Поступавши нѣсколько времени такимъ образомъ, поди къ ней,

объяви ей печаль свою о грѣхахъ своихъ и великую любовь къ пути богочестія, которому она такъ предана. Хвали ея учителей и проповѣдниковъ и ея богочестиваго знакомца; жалуйся на свое нещастіе, что ты не прежде познакомился съ нею и съ ея богобоязливыми соисповѣдователями. — Вотъ путь, говорилъ онъ, къ полученію ея. Ты долженъ также сидѣть и списывать проповѣди, читать съ нею Писаніе и показывать, что желаешь только на ней жениться и съ нею обходиться, для того что она богобоязлива, и что ты почтешь за величайшее щастіе, естьли жена твоя будетъ такова, какова она. Что касается до ея денегъ, то ты о нихъ не упоминай, хотя дѣло до того и дойдетъ; ибо сіе есть первое средство къ полученію ея благосклонности, для того что она съ начала будетъ въ подозрѣніи, что не для денегъ ли ея ты къ ней ласкаешься. Тебѣ извѣстно имущество ея, но не говори о томъ ни слова. Поступай такъ, и ты увидишь, что дѣвушка будетъ твоя.

Таковы были сѣти, поставленныя имъ для сей добродѣтельной дѣвицы, въ которыя она скоро и попала.

Гаий. Послѣдовалъ ли же онъ совѣту сему?

Стефанъ. Безъ сомнѣнія. По прошествіи нѣкотораго времени началъ онъ показывать себя добрымъ съ такою непринужденностію, какъ будто бы былъ однимъ изъ самыхъ благочестивѣйшихъ и искреннѣйшихъ людей во всей Англіи. Онъ ничего не оставлялъ безъ исполненія, и слѣдовалъ совѣту своихъ сотоварищей; да онъ и скоро обольстилъ ее, ибо имѣлъ многія природныя дарованія, хорошее лицо и статной ростъ; платье его было просто, однако хорошо. Также весьма легко можно ему было притворяться и богобоязливымъ; ибо примѣръ богобоязливости видѣлъ онъ какъ въ домѣ отца своего, такъ и перваго своего господина, и слѣдственно принять наружной видъ оной было ему удобно.

Въ одинъ назначенной день пошелъ онъ къ ней (что дѣлать онъ могъ безъ всякаго препятствія; ибо у ней не было ни отца, ни матери, которые бы сему помѣшать могли), и пришедши умѣлъ оказать ей весьма много учтивостей, далъ ей разумѣть причину посѣщенія своего, объявилъ ей ощущеніе великой къ ней любви сердца своего, и говорилъ,

что онъ изъ всѣхъ дѣвицъ цѣлаго міра избралъ ее, естьли ей только угодно, сдѣлать своею возлюбленною супругою. Причины таковаго выбора, говорилъ онъ, суть богочестивыя ея добродѣтели и красота, и просилъ ее милостиво разсмотрѣть его состояніе. Что касается до міра, говорилъ онъ, то я произвожу хорошій торгъ, могу порядочно содержать домъ свой, и жена моя безпрепятственно можетъ покоемъ наслаждаться. Я уже довольно пріобрѣлъ имущества, и число денегъ со дня на день у меня увеличивается; но это не есть цѣль моя: я ищу *благочестивую* и *богобоязливую жену*. Послѣ того подарилъ онъ ей нѣсколько хорошихъ книгъ, сказавши, что онъ самъ много ими пользовался. Также говорилъ онъ съ нею иногда о благочестивыхъ *проповѣдникахъ*, особливо о такихъ, которые по примѣчанію его болѣе были ею уважены и любимы. Сверьхъ сего часто разсказывалъ онъ ей, какой былъ у него богобоязливой отецъ, и какъ онъ совсѣмъ новымъ и другимъ человѣкомъ сдѣлался. — Такимъ образомъ поймалъ обманщикъ въ сѣти свои сію благочестивую и добродѣтельную дѣвицу, къ великой ея горести и скорби, какъ ты еще далѣе услышишь.

Гайн.

Гаій. Развѣ у сей дѣвицы не было никакихъ друзей, которые бы могли ее удержать отъ того?

Стефанъ. Родители ея умерли, какъ то и *Квату* было извѣстно; почему тѣмъ легче было ему овладѣть ею посредствомъ своего коварнаго и лживаго языка. Да естьли бы у ней еще и много друзей было, то бы онъ можетъ быть и ихъ также обманулъ. Сіе уже весьма обыкновенно въ разсужденіи молодыхъ людей, что бы почитать себя довольно благоразумными для собственнаго своего выбора, и думать, что имъ не нужно требовать совѣта старшихъ и разумнѣйшихъ: но это порокъ великой, и многіе изъ нихъ за то довольно дорого заплатить были должны. Коротко сказать, *Кватъ* въ скоромъ времени досталъ сію богобоязливую дѣвицу, а съ нею и деньги ея. Онъ женился на ней, привелъ ее въ свой домъ, сдѣлалъ великой пиръ, и принялъ ее великолѣпно: но имущество ея за все сіе заплатить было должно.

Гаій. Это былъ чудной и рѣдкой обманъ.

Стефанъ. Симъ дѣйствіемъ своимъ показалъ онъ, сколь мало страшился Бога, и сколь мало ужасался суда Божіяго.

жіяго. Ибо во всѣхъ его поступкахъ и во всѣхъ его дѣлахъ, коихъ цѣлію было произведеніе въ дѣйство его злобы, извѣстно ему было, что онъ лгалъ и обманывалъ; конечно зналъ онъ, что *имя Божіе*, *Божію службу*, *честныхъ людей* и хорошія книги употреблялъ только къ тому, чтобъ тѣмъ лучше можно ему было успѣть въ коварномъ своемъ намѣреніи. Со всемъ своимъ наружнымъ благоговѣніемъ къ службѣ Божіей былъ онъ только хитрымъ лицемѣромъ. Лицемѣріе есть наивеличайшій грѣхъ, какому только бѣдной плотской человѣкъ предаться можетъ. Грѣхъ сей также и наиболѣе противенъ Богу, и слѣдственно предающійся оному тѣмъ большее заслуживаетъ осужденіе. Иногда былъ онъ подобіемъ *обмазанной стѣны*, иногда подобіемъ *украшенной могилы*, иногда подобіемъ *могилы невидимой*. Что касается до сей невинной, благочестивой и богобоязливой дѣвицы, то она никакъ не помышляла, что ея спокойствіе, утѣшеніе, состояніе, свобода, сама она и все имущество ея безвозвратно погибло, когда она шла съ *Кватомъ* къ брачному сочетанію. Сіе дѣйствительно исполнилось, какъ-то она въ короткое время узнала; въ сравненіи

съ

съ прежнею ея жизнію можно было почитать ее умершею и погребенною.

Гай. Богъ безъ сомнѣнія низпосылаетъ на такихъ людей суды важные и чудесные.

Стефанъ. Ты можешь увѣриться, что за всѣ таковыя дѣянія ихъ должно имъ ожидать совершеннаго осужденія, когда придетъ день суда. Что касается до наказанія въ сей жизни, то онѣ не всегда бываютъ; даже и тѣхъ оныя не постигаютъ, которые весьма и весьма того достойны. *Злочестивые возрастаютъ, искущаютъ Бога, и имъ все съ рукъ сходитъ.* Но они блюдомы ко дню гнѣва, въ которой Господь накажетъ ихъ въ лице за злочестіе ихъ. *Яко на день пагубы соблюдается нечестивый, и въ день гнѣва Его отведенъ будетъ. Кто возвѣститъ предъ лицемъ Его путь Его, и еже той сотвори, кто воздастъ Ему; и той во гробъ отнесенъ бысть, и на гробищахъ побдѣ.* Іов. гл. 21, ст. 30, 31 и 32. То есть они обыкновенно освобождаются здѣсь отъ наказанія руки Божіей, изключая нѣкоторыхъ немногихъ примѣровъ, для остереженія и увѣщанія другихъ. Но въ день суда будутъ они за злобу ихъ наказаны пламенемъ.

Гай. Не можешь ли ты мнѣ показать примѣръ гнѣва Божія на какомъ нибудь злочестивомъ, подобномъ сему *Квату.*

Стефанъ. Эмморъ и Сихемъ и всѣ жители города ихъ попрали Бога и Божіе служеніе, дабы жениться на дочеряхъ Іаковлевыхъ; но они всѣ остріемъ меча лишились жизни. Сіе было безъ сомнѣнія судъ Божій за ихъ обманъ. Хотя всякая ложь и всякой обманъ ужасны, однако то, чтобъ дѣлать Бога и служеніе Его маскою, и сокрывать отъ другаго подъ оною обманы, гораздо болѣе трогаетъ и раздражаетъ Божественное величество.

Я зналъ одного человѣка, недалеко отъ города нашего жившаго, которой досталъ себѣ жену такимъ же образомъ, какъ нашъ *Кватъ.* Но онъ не долго жилъ съ нею; ибо когда ѣхалъ онъ однимъ вечеромъ домой верьхомъ, бывши въ гостяхъ очень недалеко отъ своего жилища, то лошадь его сбила его съ себя, и на разсвѣтѣ нашли его ужасно и жалостно отъ паденія своего обезображеннаго, плавающаго и утопающаго въ собственной крови своей.

Гай.

Гай. Но возвратимся къ *Квату* нашему. Скажи мнѣ, какъ обходился онъ съ женою своею послѣ своего сочетанія?

Стефанъ. Скоро послѣ брака его пришли его заимодавцы для требованія своихъ денегъ. Хотя онъ и продержалъ ихъ нѣсколько, однако напослѣдокъ долженъ былъ имъ заплатить, или подвергнуться чему нибудь другому. Почему назначилъ онъ имъ время, по пришествіи котораго онъ ихъ и удовольствовалъ изъ имущества жены своей, такъ что она своими глазами сіе видѣла; равно какъ и то должно было быть заплачено, что онъ за долго прежде промоталъ съ своими блудницами, и что простиралось до двухъ сотъ фунтовъ, изключая еще того, что далъ ему прежде отецъ его.

Гай. Это было злое начало. Но что говорить? Оно было таково же, каковъ былъ самъ *Кватъ*. Бѣдная жена! Начало такое было конечно для нее началомъ злымъ, и я думаю, что сіе весьма ей было прискорбно, какъ-то по мнѣнію моему было бы и другому человѣку, хотя бы и гораздо ее твердѣйшему.

Стефанъ. Прискорбно? О! въ семъ можешь ты быть увѣреннымъ, но раскаяваться было уже поздно; ей бы луч-

ше

ше было тогда быть осторожною, когда раскаяніе вЪ чемЪ нибудь могло подать ей помощь. Пусть злополучіе ея принесетЪ нѣкоторую пользу другимЪ, и научитЪ лучшей осторожности. Что касается до нее, то она должна была все терпѣть отЪ мужа своего *Квата*, что было весьма мучительно.

Гайй. Сіе начало было очень худо; но я боюсь, чтобы оное не было только еще началомЪ зла.

СтефанЪ. Сему можешь ты повѣрить, ибо тотчасЪ со зломЪ симЪ соединились еще большія зла, на прим. едва только женившись, оставилЪ онЪ свою богобоязливость, или лучше сказать поступилЪ сЪ оною такЪ, какЪ поступаютЪ сЪ старымЪ платьемЪ, которое бросаютЪ, а надѣваютЪ другое. Что до него касается, то онЪ не хотѣлЪ долѣе быть богобоязливымЪ.

Тогда сложилЪ онЪ сЪ себя маску, и началЪ показываться вЪ старомЪ своемЪ образѣ, а имянно *нечестивымЪ*, *безбожнымЪ*, *и ни кЪ чему негоднымЪ* человѣкомЪ; тогда бѣдная жена увидѣла, что ее обманули. Старые его товарищи опять начали кЪ нему приходить и посѣщать его домЪ и лавку; никто чаще его кЪ нимЪ не приходилЪ, и никто чаще ихЪ у него не былЪ. Благо-

Благочестивые люди, бывшіе въ пріязни съ благочестивою его женою, начали скучать и отставать; ибо онъ смотрѣлъ на нихъ косо, такъ что посѣщенія ихъ чрезъ то урѣдилъ, а въ короткое время и совсѣмъ отогналъ отъ нее всѣхъ хорошихъ собесѣдниковъ, и сдѣлалъ ее уединенною и отъ всѣхъ оставленною. Также началъ онъ ходить по вечерамъ опять и къ блудницамъ своимъ, съ которыми прежде былъ въ знакомствѣ, и у которыхъ просиживалъ до полуночи, а иногда и до свѣтлаго утра; потомъ же приходилъ онъ домой пьяной и совсѣмъ себя не помнилъ. — Такимъ-то образомъ жилъ *Кватъ*.

Естьли же по пришествіи его домой жена его хотя одно слово говорила о долгой его отлучкѣ, сколь бы слова ея ни были кротки и любви исполнены: то называлъ онъ ее блудницею, безумною и тому подобными именами, и она еще за щастіе то почитать должна была, естьли не доставалось ей отъ него за то нѣсколькихъ ударовъ. Иногда же приводилъ онъ съ собою домой и наложницъ своихъ, и худо ей было, естьли онѣ отъ неудовольствія опять назадъ уходили, естьли она его не ласково встрѣчала, или естьли

не

не со всевозможною учтивостію принимала его пріятельницъ.

И такъ добрая сія жена ничего того отъ мужа своего *Квата* не получила, что онъ ей обещалъ, и что она отъ руки его получить надеялась.

Однако наиболее всего угнетало и оскорбляло ее то, что онъ самъ отбросилъ всякой страхъ Божій, да и ее по всей своей возможности равномерно старался отвесть отъ онаго. Онъ терпеть не могъ того, что она ходила къ слушанію Христова слова и Его правилъ для благосостоянія и сохраненія души своей. Онъ ругалъ проповедниковъ ея, умалялъ ихъ, выдумывалъ различныя на нихъ клеветы и разпускалъ оныя, делая все сіе къ ея великому огорченію и сокрушенію.

Едва уже она смела ходить къ благочестивому соседу, или брать въ руки хорошую книгу, особливо, естьли кто нибудь изъ его пріятелей былъ у него въ гостяхъ, или естьли голова его отъ вина не много не въ надлежащемъ была состояніи. Также, примевши скромность ея, говорилъ онъ съ нею въ присудствіи своихъ гостей весьма неблагопристойно, называлъ своею богобоязливою женою,

мудрою

мудрою женщиною и другими такими именами.

Когда же былъ онъ внѣ дома своего, между своими товарищами, то она служила имъ забавою и увеселенiемъ.

Когда же спрашивала она его, какъ то иногда дѣлала, позволитъ ли онъ ей итти къ проповѣди: то кричалъ онъ: *останься дома, останься дома и дѣлай свое дѣло! проповѣди насъ не прокормятъ.*

Естьли же продолжала она его просить, чтобы онъ ее отпустилъ, то съ сердцемъ отвѣтствовалъ онъ: *поди, естьли смѣешь.* Онъ также обвинялъ ее и тѣмъ, что она многое относила къ своимъ проповѣдникамъ. Сей коварной злодѣй обвинялъ ее въ уносѣ самаго того, что онъ проматывалъ съ вѣтреными своими прiятелями.

Вотъ что произходило съ благочестивою женою *Квата* въ теченiи нѣсколькихъ мѣсяцевъ послѣ сочетанiя ихъ!

Гайй. Она поистиннѣ была очень обманута.

Стефанъ. Это точно такой обманъ, подобнаго которому никогда, по мнѣнiю моему, не удалося видѣть сей бѣдной женѣ. Должно бы было подумать, что *Кватъ* давалъ ей нѣсколько воли, ибо

она ничего не требовала, кромѣ благочестія, принесши съ собою такое богатое приданое, которое до нѣсколькихъ сотъ фунтовъ простиралось; я говорю, что должно бы было подумать, что онъ нѣсколько исполнялъ ея волю, ибо она ничего не требовала, кромѣ того только, чтобъ ходить къ Божіей службѣ: но она сего не могла выпросить, хотя бы и жизнь ея отъ онаго зависѣла. Правда, что она иногда въ церковь украдкою и ходила, когда не было его дома: однако ходила туда съ величайшею торопливостію. Но при всемъ томъ бѣдная жена имѣла ту выгоду, что сосѣди ея (изъ которыхъ хотя многіе только плотскіе были люди) по любви къ ней не хотѣли измѣнить ей, или сказать, что она ходила изъ дома къ проповѣди. Хотя они сіе и видѣли, однако всячески старались сокрывать то отъ *Квата.*

Таій. Сіи его противъ нее поступки могли разтерзать сердце ея.

Стефанъ. Весьма, весьма могли; да и въ самомъ дѣлѣ она часто бывала въ подобномъ смерти состояніи. Что говорю я? Онъ былъ для нее всегдашнею смертію. Естьли она иногда разсуждала о состояніи своемъ, то слѣдующими жало-

стными

стными словами оное оплакивала: *Горе мнѣ чужеземкѣ у Месеха! я должна жить между хижинами Кидарскими. Скучно душѣ моей жить между тѣми, кои миръ ненавидятъ. Что можетъ сдѣлать тебѣ языкъ ложной? и что можетъ произвесть онъ? Я есмь жена смятенная. Мужъ мой купилъ меня ради сладострастія. Не во мнѣ, но въ деньгахъ моихъ была ему нужда; и естьли бы онъ только ихъ взялъ у меня, то бы я сохранила еще свободу мою.*

Такъ, говорила она, не изъ презрѣнія къ мужу своему, но изъ презрѣнія къ своему состоянію, видѣвши, что онъ коварнымъ языкомъ своимъ не только довелъ ее почти до крайняго убожества, но и Слова Божіяго ее лишаетъ.

Гаій. Я вижу, что смертоносно съ невѣрующимъ вступить въ неравный бракъ. Естьли бы женщина сія имѣла хорошаго мужа, то сколь бы щастливо они жили! Онъ бы за нее молился, ее училъ и утверждалъ въ ея вѣрѣ и въ путяхъ Божіихъ. Но сія бѣдная жена нашла только въ мужѣ своемъ себѣ противное.

Стефанъ. Ахъ! такое совокупленіе безъ сомнѣнія смертоносно; почему Богъ въ Словѣ своемъ и запретилъ

народу своему совокупляться съ таковыми. *Не бывайте (удобь) преложни къ иному ярму, якоже невѣрнiи*, говоритъ Павелъ, 2 Кор. гл. 6. ст. 14. *Кое бо причастiе правдѣ къ беззаконiю? или кое общенiе свѣту ко тмѣ? Кое же согласiе Христови съ Велiаромъ? или кая часть вѣрну съ невѣрнымъ? или кое сложенiе церкви Божiей со идолы?* Тамъ не можетъ быть никакого единства, гдѣ произходитъ такое смѣшенiе. Богъ отъ самаго начала мiра утвердилъ противное сему, сказавши: *Я положу вражду между тобою и женою; между твоимъ сѣменемъ и ея сѣменемъ.* Въ другомъ мѣстѣ еще сказано, что они не совокупятся, подобно какъ желѣзо не можетъ смѣшаться съ глиною. Я говорю, что между ими не можетъ быть единства, не можетъ быть никакого согласiя; почему должно сначала остерегаться и не тотчасъ вступать въ дружбу. За таковое смѣшенiе Богъ часто своихъ наказывалъ, такъ что часто *очи ихъ* (какъ то говоритъ Богъ о тѣхъ, которыхъ хотѣлъ Онъ оставить изъ дома Илiи) изнемогали и крушилися. 1 Царст. гл. 2. ст. 33. Ахъ! коликiе вопли и стенанiя испускали тѣ, которые попадались въ такое супружество, особливо естьли

поступили такъ противъ своего собственнаго разума и противъ добраго совѣта другихъ людей!

Гай. Къ сожалѣнію, обманута она была его языкомъ и лицемѣрнымъ исправленіемъ.

Стефанъ. Это правда, однако ей должно было быть осторожнѣе. Что препятствовало ей дать о семъ знать вѣрнѣйшимъ, лучшимъ и богочестивѣйшимъ друзьямъ своимъ? Для чего не просила она нѣкоторыхъ богобоязливыхъ проповѣдниковъ поговорить съ *Кватомъ*? И сколь бы было полезно, естьли бы кто нибудь изъ нихъ взялся разсмотрѣть его поточнѣе, и развѣдать, всегда ли онъ таковъ, каковымъ показываетъ себя въ ея присутствіи?

Также думаю я (а какъ много совѣтниковъ имѣть хорошо, то она бы хорошо поступила, естьли бы и всѣмъ прихожанамъ дала знать о своемъ намѣреніи, и попросила бы ихъ въ семъ случаѣ помолиться Богу, и естьли бы, когда уже ей выпти за него хотѣлось, въ разсужденіи его богочестія положилась она болѣе на разсмотреніе другаго, нежели на собственное свое), что она, почитавши проповѣдниковъ людьми богочестивыми, разумными и без-

пристрастными, болѣе бы послѣ и въ жизни своей наслаждалась миромъ и спокойствіемъ, нежели тогда, когда столь много повѣрила своему собственному разуму. Любовь слѣпа, въ предметѣ своемъ не видитъ никакихъ пороковъ, хотя бы ихъ было и множество; почему не слишкомъ бы много должно было ей положиться на собственное свое мнѣніе о добродѣтели его.

Что касается до его особы, то о семъ могла она разсуждать лучше; ибо тутъ только не имѣла она нужды въ совѣтѣ другихъ. Но что принадлежало до его богобоязливости, то въ семъ случаѣ лучшимъ судіею было Слово Божіе, и тотъ, который въ ономъ былъ знающъ; ибо сіе касается до угодности Богу. Я бы желалъ, чтобы холостые люди остерегалися выдуманныхъ и лживыхъ словъ, и наилучшее бы избирали средство къ таковой осторожности, дабы не были они обмануты отъ злочестивыхъ, какъ-то случилось съ сею женою; и дабы не раскаявались тогда, когда раскаяніе никакой не можетъ подать помощи; и не пошли бы въ могилу, подобно ей, съ сокрушеніемъ о своемъ легкомысліи.

Гайй.

Гай. Но сїе уже все съ бѣдною женою случилось, и перемѣнено быть не можетъ. Пусть другїе изъ нещастїя ея научатся осторожности, дабы и имъ не быть участниками въ такомъ злополучїи.

Стефанъ. Я тоже говорю, чтобы они чрезъ неосторожность свою не ощутили тѣхъ скорбей, которыя ощущала бѣдная сїя жена. И мнѣ кажется, что тѣ дѣвицы, которыя живутъ еще въ уединенїи и за которыхъ сватаются подобные *Квату*, должны основательно все развѣдать и употребить всякую осторожность прежде еще брака; особливо надобно имъ повидаться съ тѣми, которыя сами попали въ сѣти: ихъ могутъ спросить онѣ о выгодахъ и невыгодахъ замужства ихъ, и требовать ихъ совѣта. Конечно услышатъ онѣ о толикихъ несправедливостяхъ, невыгодахъ, препятствїяхъ, безпокойствахъ и грѣхахъ, встрѣчающихся при таковыхъ замужствахъ, что во всю свою жизнь остерегаться будутъ отъ такой участи. Но птица, летающая еще по воздуху, не узнаетъ пѣнїя сидящей въ сѣтяхъ, пока сама тамъ не побываетъ. Въ замужствахъ таковыхъ главными дѣйствующими лицами бываютъ (по крайней мѣрѣ у

 легко-

легкомысленныхъ) плотскія словесныя свары, сатана и вожделѣнія, которыя, естьли дано будетъ имъ владычество, поспѣшно привлекаютъ человѣка къ предпоставленной ими пагубной цѣли; почему и думаю я, что злополучіе и нещастіе жены *Кватовой* едва ли для какой дѣвицы послужитъ полезнымъ увѣщаніемъ.

Гай. Но развѣ нѣтъ уже никакихъ разумныхъ причинъ, которыя бы можно было предложить такимъ людямъ, и которыя бы могли послужить имъ къ отсовѣтованію, дабы послѣ не постигло ихъ злополучіе?

Стефанъ. Первая таковая причина есть законъ Божій, запрещающій совокупляться бракомъ съ невѣрующими. Сіе запрещено въ ветхомъ и новомъ завѣтѣ Божіемъ. Въ ветхомъ завѣтѣ сказано: *ниже сватовства сотворищи съ ними: дщери своея не даси сыну его, и дщере его да не поимеши сыну твоему.* Второзак. гл. 7. ст. 3. Въ новомъ завѣтѣ, во второмъ посланіи къ Коринѳ. гл. 6. ст. 14. также запрещено сіе: *Не бывайте (удобь) преложни къ иному ярму, якоже невѣрніи: жена привязана есть закономъ, въ елико время живетъ мужъ ея: аще же умретъ*

мужъ

мужъ ся, свободна есть, за него же хощетъ посягнути, точію о Господѣ. 1 Кор. гл. 7. ст. 39.

Вотъ запрещеніе, и запрещеніе ясное, не совокупляться съ невѣрующимъ; почему жена *Кватова* и не должна была поступать такъ. *Легкомысленной* бракъ такой, такъ сказать, опровергается еще и самыми безсмысленными тварями, не совокупляющимися иначе, какъ съ подобными себѣ. Одинъ только человѣкъ привыкъ къ такимъ неправеднымъ совокупленіямъ; одинъ только человѣкъ есть такое грѣховное животное; почему изъ всѣхъ тварей одинъ только онъ и хочетъ противными дѣлами оскорблять законъ Божій, законъ Творца своего; или лучше сказать, хочетъ противиться оному. Вопросы, *какое общеніе*, *какое участіе*, *какое согласіе* быть въ такомъ бракѣ можетъ? почитаютъ они не важными, и отвѣтъ ихъ дешево имъ стоитъ.

Но и опасность, коей въ таковыхъ супружествахъ обыкновенно подвергаются, должна бы была другихъ отъ оныхъ удерживать. Ибо кромѣ печали, которую ощущала жена *Кватова*, многія лишалися и надежды на наслѣдіе небесное, которой было онѣ прежде сопричастны бы-

ли, но которая силою зла, раждающагося изъ таковыхъ неправедныхъ браковъ, имѣла весьма нещастныя и опасныя слѣдствія. Коротко сказать, послѣ таковаго брака преставало увѣреніе, которое есть первая степень къ небу; молитва, вторая степень къ небу, ослабѣвала; гладъ и жажда къ блаженству, которая также есть степень къ царствію небесному, проходила; однимъ словомъ, такой бракъ отчуждалъ многихъ отъ Слова Божія, отъ благочестивыхъ и вѣрныхъ друзей, и приводилъ ихъ паки въ плотское ихъ общество, къ ихъ плотскимъ друзьямъ и плотскимъ забавамъ, при чемъ люди сіи уже оставались и жалостно погибали.

Сіе-то самое и есть причиною того, что Богъ запретилъ такіе нещастные браки; ибо, по глаголу Его, злочестивые отвратятъ сыновъ добрыхъ къ служенію другимъ богамъ, и гнѣвъ Господень ополчится на отцевъ ихъ и скоро изтребитъ ихъ. Второз. гл. 7. ст. 4. Въ Израилѣ было нѣсколько такихъ, которые, не взирая на запрещеніе таковое, дерзнули совокупляться бракомъ съ язычниками и невѣрующими. Но что послѣдовало? Они приносили сыновъ и дочерей

сво-

своихъ въ жертву діаволу. Такимъ образомъ осквернили они себя собственными дѣлами своими, и дѣянія ихъ были дѣянія блудныя. Почему возгорѣлся гнѣвъ Господень на народъ Его, и народъ сей лишился наслѣдія своего.

Гай. Но возвратимся къ *Квату* нашему. —— Прижилъ ли онъ дѣтей съ женою своею?

Стефанъ. Семерыхъ.

Гай. Я не сомнѣваюсь, чтобы они не худо воспитаны были.

Стефанъ. Одно дитя весьма горячо любило мать свою, и во всемъ ее слушалося. Она имѣла случай воспитать его въ Христіанскихъ правилахъ, и дитя сіе было подлинно ребенкомъ благодатнымъ. Но *Кватъ* нашъ не могъ терпѣть его; рѣдко говорилъ онъ ему хорошія слова, но все бранилъ и ругалъ его, обходился съ нимъ весьма худо и свирѣпо, и билъ его болѣе всѣхъ, хотя оно всѣхъ прочихъ шестерыхъ дѣтей слабѣе было. Трое изъ сихъ дѣтей точно шли по стезямъ его, и были также худы, какъ онъ самъ, въ юношествѣ своемъ. Прочія были посредственны: не столько злы, какъ отецъ ихъ, и не столь благочестивы, какъ мать ихъ; хотя разговоры ихъ

были материнские, но нравы и дѣла были отцовскія, и ихъ уподобить можно тѣмъ, о которыхъ говорится у Неемiи, гл. 13. ст. 24: *И сынове ихъ отъ полу глаголаху Азотскимъ языкомъ, и не умѣяху глаголати Іудейски.*

Гаій. Сказанное тобою теперь достойно примѣчанія; естьли я не ошибаюсь, то сiе произходитъ часто отъ неправедныхъ супружествъ.

Стефанъ. Иногда это такъ случается; причиною же сему, въ разсужденiи родителей, бываетъ то, что одинъ изъ нихъ богобоязливъ, а другой злочестивъ. Хотя они въ рожденiи дѣтей и согласуются, однако родившееся дитя бываетъ воспитываемо по различнымъ правиламъ. *Богобоязливой* отецъ, или мать, печется о ребенкѣ и старается молитвою, добрымъ совѣтомъ и примѣромъ сдѣлать его въ тѣлѣ и душѣ святымъ и годнымъ къ небесному царствiю; но злочестивой хочетъ сдѣлать оное подобнымъ себѣ, т. е. безбожнымъ, безчестнымъ и грѣшнымъ; отъ таковыхъ родителей получаетъ дитя различное наученiе и наставленiе, различные видитъ примѣры. Богобоязливой предаетъ чадо свое, подобно какъ оная Анна Самуила своего, Господу; но злочестивые, подобно пред-

предшественникамъ своимъ, жертвуютъ чадами своими *Молоху*, кумирамъ, грѣхамъ, діаволу, аду. И такъ одно дитя повинуется закону матери и сохраняется отъ пагубы, а другое поступаетъ подобно отцу своему. Такимъ образомъ раздѣлили *Кватъ* и жена его двухъ дѣтей своихъ между собою; а прочіе трое, державшіе средину, были подобны тѣмъ, о которыхъ сказано: *И бяху языцы сіи боящеся Господа, и изваяннымъ своимъ служаще.* 4 Цар. гл. 17. ст. 41. У нихъ былъ, какъ я сказалъ уже, голосъ материнской, да могу сказать, что и совѣсть имѣли они ея же; но вожделѣнія въ нихъ были отцовскія, и родъ жизни ихъ былъ также нѣсколько сходенъ съ родомъ жизни отца ихъ. Сіи дѣти отцу не нравились, ибо языкъ былъ у нихъ материнской; не нравились они также и матери, ибо ихъ сердце и жизнь была отцовская; они не были хорошими товарищами ни для благочестивыхъ, ни для злыхъ. Благочестивые имъ не вѣрили, ибо они были злы; а злые имъ не вѣрили для того, что они были благочестивы; т. е. добрые не хотѣли имъ вѣрить для того, что они были злы въ своей жизни; а злые для того, что они были благочестивы въ словахъ. И потому принуждены

мы они были, подобно *Исаву*, вступить въ брачной союзъ съ *Измаиломъ*, а имянно обратиться къ такому народу, которой называется лицемѣрами, каковыми были и они сами. Съ сими-то людьми они соединились, съ ними жили, съ ними и умерли.

Гайй Бѣдная жена! ей все только печалиться должно было.

Стефанъ. Бѣдны суть и тѣ дѣти, которыя родятся отъ такого отца, какъ *Кватъ*, и которыя жить должны подъ такимъ управленіемъ.

Гайй. Ты говоришь правду; ибо такія дѣти подвержены бываютъ почти всякому роду злополучія.

Стефанъ. Намъ должно повиноваться Богу; но теперь можемъ мы нѣсколько поговоритъ и о выгодѣ, или злополучіи, получаемомъ дѣтьми отъ родителей благочестивыхъ, или неблагочестивыхъ.

Гайй. Пусть будетъ такъ, а ты (поколику мы до сего теперь коснулись) поговори пожалуй о семъ кратко, т. е. о томъ, какое преимущество имѣютъ такія дѣти, у которыхъ родители не таковы?

Стефанъ. Хорошо; однако мнѣ должно прежде предложить слѣдующее:

1) Что они не имѣютъ преимущества собственно ради отца своего.

2) Что они, хотя и рождены родителями богочестивыми, суть по естеству чада гнѣва.

3) Что благодать не низходитъ на нихъ единственно за богочестіе родителей ихъ, яко насаѣдственное имѣніе.

Предположивши сіе, буду я продолжать далѣе.

1. Дѣти благочестивыхъ родителей суть дѣти многой молитвы. За нихъ молились прежде, нежели онѣ родились, и молились много тогда, когда уже онѣ родились; молитвы же богочестиваго родителя и богобоязливой родительницы много произвесть въ состояніи.

2. Всевозможную имѣютъ онѣ выгоду въ томъ, что родители ихъ стараются удерживать ихъ отъ зла; что паки есть Божіе благодѣяніе.

3. Онѣ имѣютъ преимущество въ разсужденіи богочестиваго наставленія; ихъ учатъ, которые суть истинные пути Господни, и которые нѣтъ.

4. Пути Господни имъ прославляютъ, а сіе есть благо великое.

5. Ихъ удерживаютъ также и отъ злаго общества, отъ срамныхъ книгъ, отъ злой привычки къ божбѣ, ко лжи, къ неуваженію праздника, къ насмѣшкамъ надъ благочестивыми людьми и добрыми дѣлами; что всеконечно есть великое благодѣяніе.

6. Онѣ благословенны и въ томъ, что въ родителяхъ своихъ видятъ примѣръ богочестивой жизни образомъ весьма научительнымъ, и слышатъ отъ нихъ ученіе, соединенное паки съ богочестивымъ и святымъ примѣромъ, ученіе весьма сильное; что все суть великія преимущества.

Въ сихъ пользахъ и выгодахъ недостаточествуютъ дѣти родителей злочестивыхъ; почему тѣмъ более находятся онѣ въ опасности содѣлаться грѣшниками. Ибо злочестивые родители никогда не молятся за дѣтей своихъ, да и не могутъ искренно наставлять ихъ; они не удерживаютъ ихъ отъ зла, ни отъ злаго общества; ихъ не огорчаютъ тѣ злыя дѣла, которыя суть мерзость предъ Богомъ и всѣми благочестивыми, да и дѣтей своихъ они отъ оныхъ не удерживаютъ; они позволяютъ имъ не уважать праздники, лгать, божиться быть суетными

ными и злочестивыми; они не прославляютъ дѣтямъ своимъ святой жизни, и не представляютъ имъ никакихъ хорошихъ примѣровъ, но поступаютъ точно противнымъ образомъ; они отвращаютъ дѣтей своихъ, коль скоро онѣ родятся, отъ любви Божіей и отъ всякаго богочестія. Почему великое наказаніе Божіе для дѣтей есть то, что онѣ суть отрасли злыхъ и нечестивыхъ людей.

Гаій. Но прежде, нежели оставимъ мы *Квата*, жену его и дѣтей, хотѣлъ бы я, естьли ты позволишь, спросить тебя еще объ одномъ; я знаю, что ты можешь меня удовольствовать.

Стефанъ. Что такое?

Гаій. Ты сказалъ недавно, что *Кватъ* не хотѣлъ терпѣть, чтобы жена его ходила слушать тѣхъ учителей, которые ей наиболѣе нравились, и говорилъ ей, что такая привычка будетъ имѣть худыя слѣдствія; но ты не сказалъ мнѣ, всегда ли онъ такъ на прошеніе ея отвѣтствовалъ?

Стефанъ. Такъ говорилъ онъ часто; сіе сказалъ я тебѣ уже и прежде, и повторилъ бы еще, естьли бы такое повтореніе не удаляло насъ отъ цѣли нашей.

Гай. Пусть это такъ; однако, пожалуй, скажи мнѣ, какъ она принимала такія слова?

Стефанъ. Въ одно воскресенье хотѣла она итти слушать проповѣдь, но *Кватъ* никакъ сего не позволялъ ей. Однако въ сіе время была она смѣлѣе, нежели въ другое время, и сказала (тщетно потерявши прежде нѣсколько дружелюбныхъ словъ, которыми думала она смягчить его), что она пойдетъ вѣрно. *Я*, говорила она, *имѣю не только мужа, но и Бога; а Богъ сей повелѣлъ мнѣ всегда быть богобоязливою и всегда ходить по путямъ Его уставовъ. У меня есть мужъ, но у меня есть и душа, которая должна занимать меня болѣе цѣлаго міра. О сей душѣ буду я пещися, и сколько возможно стараться, чтобы небо сдѣлать жилищемъ ея. Тебѣ повелѣно любить меня, какъ собственное свое тѣло*, Ефес. гл. 5. ст. 28; *я же такъ и люблю тебя. Но скажу тебѣ правду, что душу свою предпочитаю всему въ мірѣ, и о спасеніи ея буду стараться.* Едва только она произнесла сіи слова, какъ осыпалъ онъ ее злыми желаніями, началъ ужасно бранить, и клялся, что естьли она пойдетъ, то сдѣлаетъ онъ,

что она и все ея проклятое братство (ибо такъ говорить ему угодно было) будетъ раскаяваться, что въ томъ день было собраніе.

Гайй. Что же хотѣлъ онъ сдѣлать?

Стефанъ. Сіе легко отгадать можно. Онъ хотѣлъ быть донощикомъ; хотѣлъ донесть на тѣхъ, которыхъ, какъ ему извѣстно было, она весьма любила, что они имѣютъ непозволенное сходбище, и симъ образомъ причинить имъ зло, или принудить ихъ дорого заплатить за собраніе свое; что, какъ въ томъ онъ увѣренъ былъ, весьма бы было мучительно для нѣжнаго сердца ея.

Гайй. Но развѣ думаешь ты, что *Кватъ* могъ быть столь злобенъ?

Стефанъ. Злобы и вражды въ сердцѣ его было столько, что онъ могъ сіе сдѣлать; но какъ онъ былъ ремесленникъ, и зналъ, что ему должно жить въ согласіи съ людьми: то ярость его столько подвержена была разсудку, что онъ самъ себя принудилъ къ оставленію своего намѣренія; ибо, какъ я сказалъ, хотя его сердце и было весьма исполнено злобы и ненависти, однако думалъ онъ сдѣлать самому себѣ наивеличайшій убытокъ въ разсужденіи доходовъ своихъ, возбудивши

поступкомъ своимъ многихъ людей противъ себя. Но за то поощрялъ онъ другихъ къ содѣланію зла друзьямъ жены своей, дабы всячески мучить ее; онъ радовался, когда слышалъ, что имъ приключалося какое нибудь нещастіе, и смѣялся, когда видѣлъ ее о томъ печалившуюся.

Гаій. Но развѣ никакъ не страшили и не ужасали его суды Божіи, которые въ сіе время носились надъ головою его?

Стефанъ. Ему не было нужды ни до суда Божія, ни до Божіей благости; естьли бы онъ только нѣсколько о томъ подумалъ, то не сталъ бы такъ дѣлать. Но о какихъ судахъ говоришь ты?

Гаій. О такихъ, которые, естьли бы *Кватъ* надлежащимъ образомъ о нихъ размыслилъ, заставили бы его повѣсить голову.

Стефанъ. Развѣ ты когда нибудь слышалъ, что Богъ такихъ людей наказывалъ?

Гаій. Слышалъ; да и ты, думаю, такъ же слышалъ, хотя того теперь и не сказываешь.

Стефанъ. Правда, что я слышалъ въ разсужденіи сего то, что возбудило во мнѣ изумленіе и ужасъ.

Гaiй. Пожалуй, другъ мой, разскажи мнѣ, что ты относительно къ сему знаешь; можетъ быть и я разскажу что нибудь.

Стефанъ. Въ городѣ нашемъ былъ нѣкто, по имени В. С. человѣкъ, жившiй весьма злочестиво. Въ одно время захотѣлось ему [ибо донощики были тогда въ великой чести] быть также *донощикомъ* и измѣнникомъ, и сдѣлавшись таковымъ, такъ скоро успѣлъ въ искусствѣ своемъ, что сдѣлался коварнѣйшимъ изъ всѣхъ товарищей своихъ. Живши такимъ образомъ, подобно безсмысленному и бѣшеному человѣку, нѣсколько времени, и причинивши добрымъ людямъ довольно непрiятностей, былъ онъ пораженъ рукою Божiею слѣдующимъ образомъ:

Хотя онъ отъ природы и имѣлъ даръ хорошо говорить, однако столь труднымъ сдѣлалось ему произношенiе, что нѣсколько недѣль не могъ онъ говорить иначе, какъ человѣкъ пьяной.

Его такъ мучила во рту жидкая мокрота и слюна, что часто до самой земли тянулась у него оная.

У него такая сдѣлалась слабость въ спинѣ и въ жилахъ шейныхъ, что онъ иногда не могъ поднять головы, естьли

 пре-

прежде не поднималъ ее насильно рукою и оную не поддерживалъ.

Потомъ совсѣмъ лишился онъ языка, произносилъ весьма отвратительные тоны, смотря по тому, въ какомъ состояніи былъ онъ: веселъ ли онъ былъ, или печаленъ.

Въ семъ состояніи былъ онъ полгода; впрочемъ былъ онъ здоровъ и исправлялъ дѣла свои, изключая ужасныхъ иногда припадковъ, такъ что чудно было, что онъ еще живъ оставался. Въ такомъ состояніи пребывалъ онъ до того времени, какъ Богъ показалъ на немъ за грѣхи его примѣръ судовъ своихъ; ибо онъ скоропостижно пораженъ былъ и жалостно умеръ. — Такъ-то скончался онъ, и купно съ нимъ дѣла его!

Но я долженъ еще разсказать другую исторію. Около четырехъ миль отъ Неета жилъ *Дворянинъ*, у котораго слуга былъ нрава веселаго, но также любилъ доносы. Онъ многія оскорбленія дѣлалъ людямъ, и доносы свои на нѣкоторыхъ до того довелъ, что отъ суда должно было послать конфисковать ихъ имѣніе, въ чемъ, какъ слышалъ я, онъ и спѣшилъ весьма. Такимъ образомъ съ жаромъ производивши въ дѣйство намѣреніе

свое,

свое, стоялъ онъ нѣкогда подлѣ печи, хотѣвши варить похлебку въ кострюлѣ, которая стояла на огнѣ подъ вертеломъ; но вдругъ, когда онъ приступалъ къ дѣлу своему, прибѣжала собака (говорятъ нѣкоторые, что его собственная) и укусила господина своего въ икру у ноги, такъ что рана сія, не взирая на всѣ употребленныя средства къ излеченію ея, по мнѣнію нѣкоторыхъ превратилась въ болѣзнь, подобную раку. Но какъ бы то ни было, однако рана сія причинила ему смерть, и смерть притомъ ужасную, ибо разсказывавшій мнѣ исторію сію сказалъ, что тѣло его на немъ отгнивало прежде еще смерти его. —— Но на что приводить намъ многія повѣсти о такихъ людяхъ, пораженныхъ судами Божіими, когда, естьли не во всѣхъ углахъ, то въ большей части нашей Англіи, находятся такія бѣдныя твари! Но я желаю, чтобы ни я, ниже кто нибудь другой, не могъ уже разсказывать такія исторіи, толь истинныя исторіи, въ которыхъ нѣтъ ни лжи, ни баснословія.

Гай. Сіи двѣ исторіи и я также слышалъ; но слышалъ еще и другія, столь же примѣчанія достойныя, которыя бы я и разсказать могъ; но оставимъ это другимъ, или

пусть откроется сіе при пришествіи Христовом, которой таких людей либо оправит, либо осудит, смотря по делам их. Естьли бы они обратились и обрели благодать, то стал бы я [естьли бы узнал сіе] радоваться; ибо я не желаю клятвы душе врагов моих.

Стефан. Нет никакого удовольствія в разсказываніи таких повестей, хотя слушаніе оных и может нам принести еще некоторую пользу. Исторіи таковыя могут припомнить нам, что есть *Бог*, управляющій міром, который не всегда забывает, или медлит в удовлетвореніи воплю уединенных и оставленных; оныя служат также увещаніем и советом для потомков. Да страшимся судов Божіих! да ужаснемся от прегрешеній пред Ним! Он будет нашею защитою и покровом. Благо будет страшащимся Бога и боящимся Его!

Гайй. И так, государь мой, мне кажется, что мы уже довольно говорили о сем роде людей; обратимся опять к нашему *Квату*, естьли еще что нибудь ты о нем сказать можешь.

Сте-

Стефанъ. Весьма много мнѣ сказать еще осталось; все, что мы до сего времени ни говорили, есть только еще начало. Всѣ поступки его сами по себѣ столь исполнены злобы, что мы болѣе на нихъ только взглядывали, нежели въ самомъ дѣлѣ что нибудь о нихъ говорили; однако мы сіе оставимъ, а будемъ продолжать. Ты слышалъ грѣхи его *дѣтства*, грѣхи его *юношества*, и то, какъ началъ онъ торгъ свой, какъ послѣ *женился* и какъ жилъ съ женою своею; теперь же разскажу я тебѣ еще нѣкоторыя его поступки. Онъ чрезвычайно искусно игралъ ролю бездѣльника, и хотя бы во время ученія своего въ школѣ предположилъ онъ выучиться всему сему [какъ я то упомянулъ прежде], однако не могъ бы онъ быть искуснѣе въ коварствахъ своихъ.

Гай. Правда; ибо какъ никто не можетъ научить богочестію, кромѣ Бога, такъ и *грѣху* и *бездѣльствамъ* никто человѣка такъ научить не можетъ, какъ дьяволъ, у котораго, какъ я примѣчаю, *Кватъ* отъ дѣтства своего до конца своей жизни былъ въ школѣ. Но пожалуй, государь мой, начни повѣсть свою.

Стефанъ. Хорошо. — Ты еще не позабылъ то, что я разсказывалъ о его не-

недостаткѣ вѣ деньгахѣ прежде женидьбы его, и о бракѣ его сѣ богатою дѣвицею, деньгами которыя заплатилѣ онѣ всѣ свои долги. Заплативши же долги, осталось еще у него нѣсколько денегѣ, которыя употребилѣ онѣ также, какѣ и прежде. Онѣ завелѣ большую лавку, производилѣ богатой торгѣ и зашелѣ опять вѣ великiе долги, задолжавши уже не одному, или двумѣ, но многимѣ, такѣ что наконецѣ обманывалѣ онѣ людей и вѣ нѣсколькихѣ тысячахѣ; что и продолжалѣ онѣ нѣсколько времени, и для достиженiя цѣли своей старался всѣмѣ людямѣ нравиться и показываться во всѣхѣ обществахѣ. Онѣ дѣлался подобнымѣ всѣмѣ, говорилѣ подобно всѣмѣ, т. е. какѣ ему хотѣлось; прибѣгалѣ же онѣ кѣ сему всегда, когда только примѣчалѣ, что способомѣ симѣ могѣ задобрить многихѣ купцовѣ и доставить себѣ многихѣ кредиторовѣ, или заимодавцевѣ, которые могли ему быть полезны. Естьли имѣлѣ онѣ дѣло сѣ благочестивыми людьми, что иногда и бывало: то показывалѣ себя подобнымѣ имѣ, говорилѣ подобно имѣ, дѣлался кроткимѣ подобно имѣ, говорилѣ о правдѣ и богочестiи подобно имѣ, порицалѣ и недобродѣтель подобно имѣ, да и неудоволь-

ствiе

ствіе свое оказывалъ противъ тѣхъ, которые говорили и поступали противно благочестивымъ.

Но естьли напротивъ того бывалъ онъ съ злыми, то также дѣлался имъ подобнымъ, съ тѣмъ только различіемъ, что былъ нѣсколько ихъ поскрытнѣе; или развѣ уже онъ въ обществѣ такомъ былъ столь безопасенъ, что явно могъ открыть себя такимъ, каковы они были, и вмѣстѣ съ ними *ругать и клясть* все. Естьли хотѣли они смѣяться надъ благочестивыми людьми, то и онъ имъ сотовариществовалъ; естьли хотѣли они оказывать презрѣніе къ службѣ Божіей, то и онъ слѣдовалъ имъ; естьли хотѣли они говорить о скотскомъ, суетномъ и безполезномъ, то и онъ говорилъ такъ; естьли хотѣли они пьянствовать, клясть, блудодѣйствовать и дѣлать другое зло, то и онъ дѣлалъ тоже. — Вотъ тотъ путь, по которому онъ шелъ, и въ шествіи семъ столь былъ искусенъ, что едва ли кто нибудь въ томъ его превзойти могъ. Тогда-то вздумалъ онъ быть совершеннымъ мужемъ, бывши до того времени только подобнымъ юношѣ. — Что же ты теперь думаешь о *Квзтѣ*?

Гтй. Что мнѣ думать? Я думаю, что онъ былъ атеистомъ; ибо никто, кромѣ атеиста, такъ поступать не можетъ. Я говорю, что такой, каковымъ былъ *Кватъ* нашъ, долженъ быть необходимо совершеннымъ атеистомъ; ибо кто вѣритъ тому, что есть *Богъ* или *діаволъ*, *небо* или *адъ*, *смерть* и *страшный судъ*: тотъ не можетъ дѣлать такъ, какъ дѣлалъ *Кватъ*; т. е. естьли совѣсть его за то его не наказывала и не угрызала, или естьли онъ не чувствовалъ и не ощущалъ въ себѣ о такихъ грѣхахъ своихъ нѣкоторой печали, или скорби.

Стефанъ. Нѣтъ, онъ весьма удаленъ былъ отъ того, чтобы ощущать угрызѣніе и наказаніе совѣсти, но за каждое превосходное свое бездѣльство хвалилъ быстроту разума своего, и вмѣнялъ себѣ то въ великое искусство, такъ что немногіе могли быть въ семъ его совершеннѣе. Почему называлъ онъ всѣхъ тѣхъ, которые чего нибудь боялись, или не смѣли поступать такъ изъ страха отъ смерти и страшнаго суда, дураками и безумцами, и говорилъ, что они боятся воображаемаго домоваго, увѣщавая ихъ къ достиженію науки его, естьли хотятъ они быть истинными

ными мужами. Онъ утѣшался иногда, размышляя, что онъ сдѣлать можетъ, и такъ говорилъ самъ въ себѣ: я могу быть богобоязливымъ и безпутнымъ, могу дѣлать и не дѣлать, могу божиться и божбѣ противорѣчить, могу лгать и оспоривать ложь, какъ хочу; я могу пьянствовать, предаваться сладострастію, обманывать и никогда отъ того не безпокоиться; теперь я властенъ надъ самимъ собою, и не случаи управляютъ мною, но я управляю случаями. Сіе пріобрѣлъ я многимъ размышленіемъ, великимъ попеченіемъ и многими трудами. —— Но такимъ образомъ бесѣдовалъ онъ только или съ самимъ собою, или съ женою своею (ибо онъ зналъ, что она сего никому не скажетъ), или съ вѣрнѣйшими своими знакомцами, съ которыми онъ говорить отваживался.

Гаій. Естьли прежде назвалъ я его *атеистомъ*, то теперь могу назвать его діаволомъ, или вмѣщавшимъ въ себѣ діавола, естьли еще и не многихъ. Мнѣ кажется, что нигдѣ не можно сыскать подобнаго ему; но и то правда, что *Ахазъ* еще болѣе погрѣшилъ передъ Богомъ. 2 Паралипом. гл. 28. ст. 22. *Ахавъ* же и совсѣмъ преданъ былъ злу. 1 Царст. гл. 21.

21. ст. 25. Также и жители Содома были великіе грѣшники передъ Господомъ.

Стефанъ. Безъ сомнѣнія былъ онъ *атеистомъ*, буде находятся въ мірѣ *атеисты.* Но я думаю, что Богъ (не взирая на то, что онъ превозносился совершенствомъ и спокойствіемъ своимъ въ такомъ состояніи) низпосылалъ на него иногда огонь съ неба. Однако это правда, чтъ онъ тотчасъ его погашалъ, и послѣ дѣлался еще безпутнѣйшимъ и отчаяннѣйшимъ; но все сіе послужило къ его пагубѣ, какъ ты послѣ услышишь.

Но я въ томъ съ тобою не согласенъ, чтобы такихъ людей было не много, естьли подъ симъ не разумѣешь ты степени безпутства, на которую возшелъ онъ. Впрочемъ нѣтъ сомнѣнія, чтобы не было великаго множества такихъ, которые имѣютъ точно такое *мнѣніе*, такое *основаніе*, такія *правила* и такую совѣсть, относительно къ поступкамъ такого рода. Я думаю, что много находится такихъ людей, которые стараются достигнуть такой высоты злочестія; всѣ же таковые, по приговору закона, равны *Квату.* Недостатокъ адскаго разума ихъ, препятствующій имъ возходить высоко, ни въ чемъ не поможетъ

жетъ имъ въ день суда. Ты знаешь, что во всѣхъ наукахъ одинъ другаго гораздо искуснѣе; сіе же можно отнести и къ безпутству. Нѣкоторыя дѣти *ада* въ два раза, иные въ семь разъ злѣе другихъ; однако всѣ они суть *дѣти ада*, ибо иначе были бы они всѣ мастерами, а не учениками; но ученики также быть должны, какъ и мастера. *Кватъ* былъ точно мастеромъ въ искусствѣ семъ, и долженствовалъ быть главнѣйшимъ и знатнѣйшимъ въ таинствѣ онаго.

Гайй. Это правда. Я примѣчаю, что нѣкоторые люди хотя и имѣютъ къ грѣхамъ склонность, однако не могутъ доходить въ нихъ до того, до чего доходятъ другіе, которые за то почитаютъ ихъ глупцами и простяками; разумъ и способность ихъ также не допускаютъ ихъ до великаго весьма злочестія. Но *Квату* нашему не было недостатка ни въ безпутной головѣ, дабы о всемъ размыслить; ни въ безпутномъ сердцѣ, дабы злобу свою произвести въ дѣйство.

Стефанъ. Это такъ; но сіи люди въ день суда не только судимы будутъ за то, чѣмъ они были, но и за то, чѣмъ они быть хотѣли; ибо когда коварство безумнаго есть грѣхъ (какъ то въ Притчахъ, гл. 24. ст. 9. написано,)

сано), то стремленіе къ такому безумію есть безъ сомнѣнія большій грѣхъ; естьли же таковое стремленіе есть большій грѣхъ, то стараніе сдѣлаться злочестивымъ должно быть еще грѣшнѣе. И такъ естьли кто и несовершенной *атеистъ* и преступникъ, но желаетъ и старается быть таковымъ, тотъ будетъ судимъ и осужденъ въ адъ, какъ будто бы былъ онъ совершеннымъ уже атеистомъ и преступникомъ; ибо законъ судитъ человѣковъ по тому, чѣмъ они быть хотятъ. Кто смотритъ на жену и желаетъ ее, тотъ уже въ сердцѣ своемъ *прелюбодѣйствовалъ* съ нею. Матѳ. гл. 5. ст. 28. По правилу сему, крадетъ тотъ, кто красть хочетъ; кто хочетъ обманывать, тотъ обманываетъ; кто хочетъ лгать, или прелюбодѣйствовать, тотъ уже точно исполнилъ сіе. Богъ судитъ по дѣйствію сердца и духа, и говоритъ: *Какъ кто думаетъ, таковъ тотъ и есть*. т. е. таковъ тотъ въ сердцѣ своемъ, таковъ въ цѣли своей и въ своемъ намѣреніи, въ своемъ вожделѣніи и своемъ предпріятіи; законъ же Божій судитъ вожделѣніе, намѣреніе и предпріятіе также, какъ и дѣла злочестія. Римл. гл. 7. ст. 7. Почему всякой, желающій быть

столь

столь же злымъ, какъ *Кватъ* нашъ (такихъ же желающихъ много находится), хотя онъ и никогда не достигнетъ такого высокаго степени безбожія, будетъ осужденъ быть такимъ же злымъ человѣкомъ, какъ онъ; ибо онъ желаетъ быть таковымъ.

Гай. Я не могу еще выбить изъ головы своей сію высокую степень злочестія *Кватова*; сей жестокой, отчаянной, или какъ назвать, діавольскимъ сдѣлавшійся образъ сердца его, былъ въ немъ основаніемъ, или фундаментомъ всѣхъ злыхъ дѣлъ и произведеній.

Стефанъ. Сердце и злочестіе само по себѣ есть основаніе всего сего. Безбожіе (какъ словесное, такъ и дѣятельное) произходитъ изъ сердца, купно со всею злостію. Ибо злыя дѣла не дѣлаютъ человѣка злымъ, но уже онъ тогда золъ, когда производитъ злыя дѣла; ибо отъ злочестивыхъ произходитъ недобродѣтель. 1 Цар. гл. 24. ст. 14. Злое дерево приноситъ злые плоды; тернъ не родитъ винограда. Почему сердце должно быть злымъ прежде, нежели человѣкъ злое творитъ; равно какъ сердце уже добрымъ быть должно, естьли человѣкъ творитъ доброе.

Гай.

Гай. И такъ по сему вижу я причину, для чего *Кватъ* былъ столь злочестивъ и золъ, что женился обманомъ, и съ женою своею обходился по злодѣйски, а имянно поступалъ онъ такъ для того, что сердце его было злочестиво и удобно къ заставленію его творить такое зло.

Стефанъ. Въ томъ можешь ты быть увѣренъ. *Извнутрь бо, отъ сердца человѣческа, помышленія злая изходятъ, прелюбодѣянія, любодѣянія, убійство, татьбы, лихоимства, (обиды) лукавствія, студодѣянія, око лукаво, хула, гордыня, безумство. Вся сія злая извнутрь изходятъ и сквернятъ человѣка.* Марк. гл. 7. ст. 21. 22. 23.

И какъ порочное сердце человѣческое человѣка соблазняетъ, то прибѣгаетъ онъ къ тому, или другому средству для удовлетворенія своей похоти, для достиженія цѣли своей, или для произведенія въ дѣйство своей злобы, дабы забавляться и утопать въ глупыхъ увеселеніяхъ и сладострастіяхъ; что все хотѣлъ дѣлать *Кватъ* въ самой вышшей степени, естьли только случай, его кошелекъ и коварство, могли способствовать ему въ достиженіи цѣли сей.

Гайй. Кошелекъ, говоришь ты? У него должно было столь много быть денегъ, что могъ бы онъ сдѣлать все, что бы только захотѣлъ; ибо онъ женился на богатой.

Стефанъ. Богатства жены его не довольно ему было. Нѣкоторые грѣхи *Кватовы* были очень дороги, какъ на примѣръ пьянство, блудодѣяніе и знакомство съ другими злыми людьми. Естьли бы было у него много средствъ къ полученію денегъ, то нашлось бы у него много средствъ и къ расточенію оныхъ.

Гайй. И такъ развѣ былъ ему такой великой доходъ, не взирая на то, что онъ былъ злой человѣкъ? Или развѣ ремесло его столько ему доставляло, что кошелекъ его могъ выдерживать всѣ его великія расточенія, и онъ былъ въ состояніи такъ удовлетворять похотямъ своей плоти?

Стефанъ. Нѣтъ, ремесло его ничего ему не доставляло, хотя оно и весьма хорошо было. У него были другія средства для доставанія денегъ; иногда оныя приходили къ нему грудами и мѣшками.

Гайй. Какъ! не уже ли сдѣлался онъ и разбойникомъ?

Стефанъ. Я умолчу о семъ. Хотя нѣкоторые и поговаривали, что онъ иногда выѣзжалъ такъ, что никто, кромѣ самаго его, не зналъ, куда; и что во всю ночь дома его не бывало, а возвращался уже онъ поутру и въ великой усталости и пыли: однако я не хотѣлъ говорить о семъ.

Гаій. Пожалуй же скажи мнѣ, какимъ способомъ доставалъ онъ деньги?

Стефанъ. Онъ весьма хитро игралъ ролю банкрута, и чрезъ то умѣлъ пріобрѣтать много денегъ.

Гаій. Что ты подъ симъ разумѣешь? Ты, *кажется*, *говоришь* иносказательно.

Стефанъ. Нѣтъ, нѣтъ, я говорю просто; но естьли желаешь ты, чтобы я сказалъ тебѣ яснѣе, то я исполню желаніе твое. Какъ *Кватъ* расточилъ большую часть имущества жены своей, то началъ примѣчать, что такимъ образомъ долго ему жить, ниже сохранить свои доходы и добрую славу, чѣмъ тогда онъ пользовался, не возможно, естьли не прибѣгнетъ къ хитрой ролѣ банкрута. Такимъ образомъ назаймовалъ онъ у разныхъ людей до четырехъ, или пяти тысячь фунтовъ, производивши тогда великой торгъ, и продававши товары гора-

здо дешевле того, что оные ему самому стоили, дабы симъ способомъ прославиться большимъ торгомъ, и дабы тѣмъ ослѣпить глаза своихъ кредиторовъ. А какъ его заимодавцы видѣли, что у него весьма много товаровъ разходится, и воображали, что все сіе дѣлается съ хорошею пользою, то повѣрили ему во всемъ, ни въ чемъ его не подозрѣвая; что дѣлали и другіе, пока уже сіе дошло до крайности. И такъ *Кватъ*, оперивши гнѣздо свое чужими деньгами, въ короткое время сказался *банкрутомъ*. Сей слухъ скоро вездѣ разпространился; лавка его была заперта, и онъ сокрылся, не могши долѣе торговать. Вѣсть сія дошла до ушей и кредиторовъ его; но онъ хитростію и пронырствомъ своимъ въ такую безопасность привелъ имѣніе свое, что они никакъ не могли овладѣть имъ, ниже полушкою изъ онаго. Сдѣлавши сіе, разослалъ онъ къ своимъ кредиторамъ весьма жалостныя и дружелюбныя письма, въ коихъ увѣдомлялъ ихъ, что съ нимъ случилось, и просилъ ихъ, чтобы они съ нимъ не весьма жестоко поступили, говоря, что у него сердце конечно благочестиво и честно, и что онъ всячески постарается заплатить свои долги. Онъ

написалъ также письмо и къ одному изъ вѣрнѣйшихъ друзей своихъ, которой наиболѣе могъ быть сему полезенъ и наилучше могъ кредиторовъ его склонить къ сожалѣнію. Сей другъ его пошелъ къ нимъ, весьма сожалѣлъ о нещастіи *Кватовомъ*, оказалъ себя весьма пріемлющимъ въономъ участіе, и говорилъ имъ, что естьли дѣло не наискорѣе приведено будетъ къ концу, то *Кватъ* не будетъ въ состояніи заплатить имъ; теперь же еще онъ можетъ и хочетъ, по скольку позволитъ то имущество его; почему и просилъ ихъ, чтобы они съ нимъ помирились. По томъ кредиторы его назначили время, въ которое въ надлежащемъ мѣстѣ и явились. Между тѣмъ уполномочилъ онъ вмѣсто себя одного человѣка, чтобы съ ними договариваться; а самъ не показывался, дабы они его не схватили. Повѣренной *Кватовъ* началъ тогда съ ними дѣло свое, и сначала представлялъ имъ, сколько *Кватъ* старается, естьли только то отъ него зависитъ, дѣлать удовольствіе имъ и всѣмъ людямъ, и сколь мало думалъ онъ еще предъ недавнымъ временемъ о томъ, что придетъ въ такое худое состояніе. Онъ также представлялъ имъ тягость *време-*

нн

ни его, жестокие *наклады*, худое время и великой убытокъ, причиненной ему многими изъ его купцовъ, изъ которыхъ нѣкоторые умерли, будучи еще ему должны, другіе безъ вѣсти пропали, а отъ нѣкоторыхъ, находящихся еще въ жизни, не могъ онъ получить ни одной полушки. Но не взирая на все сіе, хочетъ онъ доказать, что онъ человѣкъ честной, и намѣренъ по возможности своей платить имъ, естьли они хотятъ раздѣлаться съ нимъ мирно; ибо имущество его не позволяетъ ему заплатить всего. Кредиторы хотѣли знать, сколько онъ имъ заплатить хочетъ? Имъ отвѣтствовали, что онъ заплатитъ четвертую часть. Услышавши сіе, они разсердились, и сходбище на сей разъ не принесло никакихъ плодовъ. Но какъ жаръ нѣсколько простылъ, то все было пооснователнѣе разсмотрѣно; и какъ они побоялись, чтобы дѣло не затянулось, и они бы не лишились всего, то согласились еще вступить въ переговоръ. Собравшись же вторично, по многимъ переговорамъ и разсужденіямъ не могли они болѣе ничего выторговать. Послѣ чего деньги были принесены и отданы, подписка въ полученіи денегъ изготовлена и запечатана, долгъ въ книгѣ

замаранъ и все дѣло сдѣлано. Такимъ образомъ *Кватъ* нашъ поднялъ голову, опять появился, и былъ гораздо въ лучшемъ состоянiи, нежели тогда, когда заперъ свою лавку; ибо онъ чрезъ то выигралъ нѣсколько тысячь фунтовъ.

Гай. Но въ самомъ ли дѣлѣ было это такъ?

Стефанъ. Безъ сомнѣнiя; да естьли я не ошибаюсь, то онъ и три раза сказывался банкрутомъ.

Гай. И безъ всякой нужды?

Стефанъ Безъ какой нужды? какую ты разумѣешь *нужду?* Никогда и никакой не бываетъ нужды дѣлать такiя бездѣльства. Онъ поступалъ такъ для того, чтобы обижать и обманывать кредиторовъ своихъ. Онъ получилъ прежде отъ отца своего, а послѣ за женою своею взялъ столько, что въ посредственномъ состоянiи могъ прожить честнымъ образомъ. Онъ могъ въ то время, когда строилъ такiя козни (хотя и былъ великимъ и безпутнымъ мотомъ), заплатить заимодавцамъ своимъ до одной полушки, естьли бы только захотѣлъ. Но естьли бы поступилъ онъ такъ, то поступилъ бы противно себѣ; естьли бы поступилъ онъ такъ честно, то сошелъ

бы онъ съ пути злаго. Что сдѣлалъ онъ, то сдѣлалъ по беззаконію своему, сдѣлалъ по злочестію, т. е. онъ поступалъ такъ для того, чтобы доставать болѣе денегъ, сколь бы то неправедно ни было, дабы можно было ему пьянствовать и удовлетворять своимъ любовницамъ, дабы можно ему было по прежнему жить въ шумѣ и пиршествахъ, и утопать въ сладострастіи.

Гай. Это былъ грабежъ.

Стефанъ. Безъ сомнѣнія; ибо такія поступки суть не что иное, какъ тонкое и нѣсколько прикрашенное воровство, отнятіе кошелька, или разбой; ибо цѣлію сего есть то, чтобъ чужое имущество присвоить себѣ. Но хотя кажется, что сему легко можно научиться: однако есть сіе дѣло весьма трудное, и тотъ, у котораго есть совѣсть, никогда не можетъ быть мастеромъ въ сей наукѣ.

Гай. Ахъ, какой злочестивой былъ онъ человѣкъ!

Стефанъ. Въ великомъ его злочестіи сомнѣваться не должно; онъ такое имѣлъ искусство, что могъ заставить людей приносить къ нему въ домъ свое имущество, и радоваться, естьли получатъ

хотя одну только крону за то, за что обѣщалъ онъ заплатить фунтъ.

Гаій. Это доказываетъ, что у сего *Квата* было мало совѣсти.

Стефанъ. Да, это подтверждаетъ, что у него совсѣмъ не было совѣсти; ибо что касается до оной, то ни малѣйшая искра доброй совѣсти не можетъ терпѣть такого зла.

Гаій. Прежде, нежели мы далѣе будемъ говорить о *Кватѣ*, пожалуй отвѣтствуй мнѣ на два вопроса, которые я тебѣ предложить намѣренъ.

1.) Что находишь ты въ Словѣ Божіемъ противъ такихъ дѣяній, каковы суть дѣянія *Кватовы*?

2.) Какъ по мнѣнію, твоему тому поступить должно, которой зашелъ въ долгъ и не можетъ ни заплатить его, ниже долѣе отсрочивать?

Стефанъ. На оба твои вопросы буду я по возможности моей отвѣтствовать. Что касается до перваго, то Слово Божіе запрещаетъ таковое злочестіе, каково было злочестіе *Кватово*, во многихъ мѣстахъ. И дабы оное сдѣлать въ глазахъ нашихъ тѣмъ гнуснѣе, сравнивается таковое дѣяніе съ воровствомъ и похищеніемъ, Лев. гл. 19. ст. 13: *Да не обн-*

обидищи ближняго и да не отъимещи. А что банкрутъ дѣлаетъ иное, какъ не то, что Богомъ здѣсь толь ясно запрещается? Злочестіе такое бываетъ производимо *съ основательнымъ разсмотреніемъ*, и есть по тому грѣхъ *двоякой*. Сіе дѣлается не отъ скорости и не по случаю, но по многимъ совѣтамъ, съ выдумкою, притворствомъ и ложью; почему много злочестій должно соединиться прежде, нежели дѣло достигнетъ своего совершенія. Но что говоритъ о семъ Писаніе? 1 Солун. гл. 4. ст. 6. *И еже не преступати и лихоимствовати въ вещи брата своего, зане мститель есть Господь о всѣхъ сихъ.*

Въ другомъ мѣстѣ сказано: *А обидяй воспріиметъ, еже обидѣ, и нѣсть лица обиновенія.* Кол. гл. 3. ст. 25. — Къ сему бы могъ я еще много присовокупить и показать, что сіе весьма сходно съ тѣмъ, что діаволъ сдѣлалъ съ нашими прародителями, Адамомъ и Еввою, и что такой человѣкъ слѣдуетъ не Богу и не Слову Его, но діаволу; но я уже сіе оставлю.

Что касается до втораго вопроса, а имянно, что долженъ дѣлать тотъ, кто зашелъ въ великіе долги, и не имѣ-

етъ столько имущества, чтобъ оные заплатить, да и отсрочить не можетъ? На сіе отвѣтствую я, что такой человѣкъ долженъ всячески стараться о томъ, чтобы болѣе не занимать ни полушки; ибо съ доброю совѣстію поступить онъ такъ не можетъ, поколику онъ съ умысла обижаетъ ближняго своего и вредитъ ему, и слѣдственно подвергается подъ приговоръ Слова Божіяго: *Заемлетъ грѣшный, и не возвратитъ.* Пс. 36. ст. 21. Да онъ еще и хуже дѣлаетъ, поколику сіе уже бываетъ ему прежде извѣстно. Пусть онъ размыслитъ, что привело его въ упадокъ: собственная ли его лѣнь, или мотовство, или непосредственно рука Божія. Естьли находитъ онъ, что онъ виною тому самъ, или собственное его легкомысліе отъ одного доводило его до другаго убытка, то пусть онъ усмирится и раскается. Но естьли онъ чрезъ разсмотреніе найдетъ, что причиною тому другое, и что онъ съ доброю совѣстію сказать можетъ: я не преступилъ предѣлы мѣста и состоянія, въ которое поставилъ меня Богъ провидѣніемъ своимъ, но въ званіи моемъ помнилъ Бога, прилѣжно работалъ, былъ нероскошенъ въ жизни и одеждѣ моей, и имущество

щество кредиторовъ моихъ прожилъ и расточилъ не волею и не съ умысла; естьли такому нещастію причиною была непосредственно рука Божія, черезъ пожаръ ли, или воровъ, или скотской падежъ, или злобу нѣкоторыхъ людей, или менѣе явной какой нибудь способъ; естьли не извѣстно, какимъ образомъ дошелъ онъ до бѣдности, но только видимо все въ упадокъ приходитъ: то спрашивается, *что въ семъ случаѣ такому человѣку дѣлать должно?*

Я отвѣтствую, что въ такомъ случаѣ лучше всего почитать сіе плодомъ нѣкоторыхъ грѣховъ; ибо не можно ли назвать грѣхомъ то, что онъ не весьма разсмотрителенъ былъ въ званіи своемъ? *Животъ нечестивыхъ (Господь) низвратитъ.* Притч. гл. 10. ст. 3. Почему душа должна усмириться и такъ подумать: можетъ быть Богъ перемѣняетъ состояніе мое въ мірѣ для того, что я не во благо употребляла избытокъ мой и мірскую честь. Такимъ образомъ долженъ человѣкъ смириться, и безъ роптанія, неудовольствія и зависти сносить низпосылаемое на него рукою Божіею. *Да хвалится же братъ смиренный въ высотѣ своей, богатый же въ смиреніи своемъ.* Іаков. гл.

1.

1. ст. 10. Сіе есть должность ихъ, а можетъ быть и ихъ благомъ. Они должны въ такомъ нещастномъ положеніи, каково точно есть положеніе ихъ, къ утѣшенію своему подумать о слѣдующемъ:

1) Что сносить съ терпѣніемъ удары судьбы, есть истинная покорность и смиреніе предъ Богомъ, могущее въ надлежащее время паки возвысить человѣка; и что вмѣстѣ съ Іовомъ сказать должно: *Господь даде, Господь отъятъ: яко Господеви изволися, тако бысть.* Іов. гл. 1. ст. 21.

2) Что также благословенія и благодѣянія сопричастны толь бѣдному состоянію болѣе, нежели о томъ думаютъ. Бѣдное состояніе нѣчто въ себѣ имѣетъ такое, что препятствуетъ великому злу. Бѣдной, поколику онъ бѣденъ, не въ состояніи такъ погрѣшить предъ Богомъ, какъ богатой.

3) Что бѣдной видитъ гораздо яснѣе, нежели богатой, что онъ защищаемъ Божіимъ провидѣніемъ; ибо богатой надѣется только на великое свое богатство. Пс. 48. ст. 6.

4.)

4.) Что Богъ дѣлаетъ ихъ можетъ быть для того бѣдными, что хощетъ сдѣлать ихъ богатыми. Іак. гл. 2. ст. 5.

Что же касается до его кредиторовъ, то онъ долженъ обходиться съ ними весьма ласково и со временемъ открыть имъ свое состояніе. Онъ долженъ 1) искренно просить прощенія въ томъ, чѣмъ могъ обидѣть ихъ; 2) долженъ онъ отдать все свое имущество, не оставляя ничего, платье и прочее; 3) естьли еще и симъ не будутъ довольны, то долженъ отдать самаго себя въ ихъ волю, либо итти въ темницу, или до того времени работать на нихъ, пока они будутъ довольны; только съ тѣмъ, чтобъ они изъ работы его нѣчто ему уступали для его бѣдной угнѣтенной жены и дѣтей, о которыхъ обязанъ онъ пещись и по совѣсти и по естеству. Естьли кто можетъ такъ поступать, и состояніе свое предать промыслу Божію, что бы отъ того ни могло произойти, тотъ имѣть будетъ миръ въ совѣсти своей, не такъ какъ тѣ, которые прибѣгнули къ худымъ, неправеднымъ средствамъ и къ обманамъ. Къ тому же служитъ сіе средствомъ, чрезъ которое Богъ преклоненъ быть можетъ и

къ тому, чтобъ допустить обрѣсти такому человѣку милость и благосклонность у заимодавца его. Іерем. гл. 25. ст. 10. Притч. гл. 16. ст. 7.

Гайй. Я самъ такого же мнѣнія; но хотя и положимъ мы, что *Кватъ* сіе увѣщаніе слышалъ, однако онъ могъ сдѣлать нѣкоторыя противъ онаго возраженія, и сказать такъ: *Поди и учи сему твоихъ братій, соисповѣдателей своихъ; ибо они по видимому столь же къ сему обязаны, какъ и я. Я думаю, что ихъ также должно обвинять, какъ и меня, будучи увѣренъ, что и ихъ за безчестное банкрутство укорять можно, т. е. за то, что они безъ нужды такъ поступаютъ. Естьли же и не такъ, то они виноваты въ томъ, что упускаютъ исполнять должности званія своего, и что на жизнь и на одежду свою издерживаютъ болѣе, нежели позволяютъ доходы ихъ. Сверхъ того извѣстно всѣмъ, что они иногда сокрываются. Каждому извѣстно также и то, что они употребляютъ хитрости для присвоенія себѣ чужаго. Они умѣютъ укрывать свои драгоцѣнности и прочее, а иногда и наличныя деньги и все свое имущество; сіе очень извѣстно. Такимъ образомъ обманываютъ они людей, погубляютъ*

ляютъ совѣсть свою, погрѣшаютъ противъ Христіанства, и упражняются (какъ то сказать смѣло можно) въ сладострастіи и удовлетвореніи оному. Естьли бы *Кватъ*, говорю я, былъ здѣсь и сдѣлалъ такое возраженіе, то чтобы ты сказалъ ему?

Стефанъ. Я бы сказалъ, что я надѣюсь, что ни одинъ честной человѣкъ, имѣющій совѣсть, боящійся Бога, чтущій религію, пекущійся о мирѣ народа Божія и блаженствѣ души своей, никогда того не сдѣлаетъ.

Такъ называемые Христіане могутъ быть таковыми; ибо никто въ мірѣ не можетъ возпрепятствовать тому. Естьли кто нибудь захочетъ быть Христіаниномъ для того, чтобы обманывать ближняго своего, такъ какъ *Кватъ* обманулъ жену свою: то кто можетъ не допустить его до сего? Всѣ церкви издревле были отравляемы ядомъ такихъ людей; и такъ чудно ли, что настоящія опасныя времена также еще такихъ людей производятъ? Но примѣть, что говоритъ о томъ Апостолъ: 1 Кор. гл. 6, ст. 8, 9 и 10. 2. Тим. гл. 3, ст. 1, 2, 3, 4 и 5. Исповѣданіе ихъ не поможетъ имъ. Они по истиннѣ суть соблазны Христіанства, сокрушеніе благочести-

честивыхъ, камень преткновенія для міра, и сѣти для слабыхъ; такіе же соблазны были, еще суть и будутъ еще впредь, что бы цѣлой міръ ни говорилъ о томъ. Но горе тому человѣку, который служитъ соблазномъ! Матѳ. гл. 18. ст. 6, 7, 8. Такихъ исповѣдателей должно отдѣлить отъ всѣхъ истинныхъ Христіанъ, и щитать ихъ самою презрѣннѣйшею частію: ибо дѣла ихъ показываютъ то; они одного рода съ *Кватомъ*; Богъ посылаетъ ихъ въ средину безумцевъ. Іерем. *Возгласи рабъ, собра, ихъ же не роди: творяй богатство свое не съ судомъ, въ преполовеніи дней своихъ оставитъ е, и на послѣдокъ свой будетъ безуменъ.* О дабы оставили они исповѣданіе свое, или перемѣнили жизнь свою! Вмѣстѣ сіе быть не можетъ. Іезек. гл. 20. ст. 38, 39. 2 Кор. гл. 7. ст. 2. О коль благо есть изреченіе Самуилово! 1 Цар. гл. 12. ст. 3: *Се азъ, отвѣщайте на мя предъ Господемъ и предъ Христомъ его, еда у кого тельца взяхъ, или осля, или кого отъ васъ насильствовахъ, или кого утѣснихъ, или отъ руку нѣкоего пріяхъ мзду, или обущу.* Сей поступокъ былъ справедливъ и приличенъ такому мужу, у котораго хорошая совѣсть. Слова его были столь истин-

истинны, и онъ столь былъ чистъ предъ всемъ собраніемъ, что всѣ присутствующіе единогласно и вдругъ отвѣтствовали: *Не обидѣлъ еси насъ, ниже насильствовалъ еси намъ, ниже утѣснилъ еси насъ, ниже взялъ еси отъ руку чіея что.* Да изчезнетъ тотъ, которой хвалится Христіанствомъ, а другихъ обижаетъ! Ни предъ кѣмъ и ни въ чемъ не должно быть виноватымъ; но должно всѣмъ любить другъ друга, дабы и въ сей части украшало насъ ученіе Спасителя нашего.

Гайй. Но естьли Богъ богатство Христіанина превратитъ въ бѣдность, и онъ лишится своего имущества прежде, нежели, такъ сказать, успѣетъ оглянуться: то развѣ и сего должно почесть подобнымъ *Квату* и такимъ же образомъ презрѣть?

Стефанъ. Нѣтъ, естьли онъ все то сдѣлалъ, что сдѣлать могъ, дабы предупредить оное зло. Можетъ случиться, что корабль въ морѣ потонетъ, не взирая на всю употребленную тщательную прилѣжность самаго искуснѣйшаго кормчаго. Я думаю, что въ такихъ обстоятельствахъ былъ Пророкъ, которой жену свою оставилъ въ такомъ долгу, что опасно было, чтобы заимодавцы не взяли дѣтей

ся во услуженіе. Онъ никакъ не былъ мотомъ и обидчикомъ; ибо текстъ говоритъ: *Рабъ твой бѣ бояся Господа*: 4. Цар. гл. 4. ст. 1. Притомъ же его товары такъ тихо разходились, что онъ былъ болѣе долженъ, нежели что заплатить могъ. Естьли Богъ захочетъ такимъ образомъ уронить чье нибудь состояніе, то кто можетъ воспрепятствовать тому? Иногда Онъ творитъ сіе для того, что хочетъ нѣкоторымъ образомъ перемѣнить сообщенныя свои человѣкамъ благодѣянія, и низпослать на нихъ *благодать искушенія*; также и для того, чтобы и злочестивыхъ нечаянно поразить судами своими, какъ-то все сіе можемъ мы видѣть на Іовѣ. Сіе должно побудить людей быть осторожными, и всегда поступать благочестиво и честно, дабы оное неблагополучіе посѣщало ихъ не за грѣхи ихъ; также должно сіе побудить ихъ и къ тому, чтобы не слишкомъ углубляться въ міръ, просить низхожденія Божіяго благословенія на праведныя и честныя ихъ поступки, и прилѣжно наблюдать стези свои, дабы, когда услышатъ они трещаніе льда подъ ногами своими, могли во время опять назадъ воротиться. Когда же все сіе соблю-

блюдено и исполнено было, а Господь захочетъ потрясть состояніе такого человѣка; тогда долженъ онъ быть спокоенъ подобно Іову; онъ долженъ все съ покорностію сносить; не противоборствовать Божію провидѣнію, но паче смириться подъ сильною Божіею рукою, которая дѣлаетъ его толь нагимъ и безпокровнымъ; ибо кто поступаетъ иначе, тотъ противится Богу, и показываетъ, что ему чуждо изреченіе Павлово: *Вѣмъ и смиритися, вѣмъ и избыточествовати: во всемъ и во всѣхъ навыкохъ, и насыщатися и алкати, и избыточествовати и лишатися.* Фил. гл. 4. ст. 12.

Гайй. Но я не думаю, чтобы *Кватъ* дѣлалъ различіе между тѣмъ человѣкомъ, которой принужденъ къ тому бываетъ, и между тѣмъ, которой поступаетъ такъ произвольно.

Стефанъ. Естьли не хотѣлъ онъ положить различія, то полагаетъ различіе Богъ, и не только собственная ихъ совѣсть, но и совѣсть всѣхъ тѣхъ, которые видѣли путь ихъ, и которымъ извѣстно подлинное ихъ состояніе.

Гайй. Но мы теперь это оставимъ, и обратимся опять къ нашему *Квату*.

Стефанъ. Я охотно буду разсказывать тебѣ то, что еще осталось сказать о жизни его, дабы мы могли поговорить нѣсколько и о его смерти.

Гай. Но пожалуй говори, какъ можно, короче.

Стефанъ. Какъ! развѣ тебѣ уже сей разговоръ такъ наскучилъ?

Гай. Нѣтъ, но я люблю слушать много въ немногихъ словахъ.

Стефанъ. Я не хочу присвоить себѣ сего искусства, но кратко, какъ только могу, разскажу все то, что намъ еще осталось говорить о его жизни, и начну отъ его негодныхъ и плутовскихъ поступковъ съ его купцами (какъ то онъ прежде упомянутымъ образомъ поступалъ и съ своими кредиторами) и съ прочими людьми, съ которыми имѣлъ онъ дѣло.

Онъ употреблялъ ложныя и обманчивыя *мѣры и вѣсы*; одною мѣрою и однѣми вѣсами онъ покупалъ, а другою мѣрою и другими вѣсами продавалъ: тѣ, которыми онъ покупалъ, были велики; а тѣ, которыми продавалъ, были малы.

Хотя же употреблялъ и другія вѣсы и другую мѣру, въ покупкѣ ли то, или въ продажѣ, однако вѣсить и мѣрить умѣлъ онъ такъ хитро и скоро, что

всегда

всегда получалъ барыши, хотя бы купецъ его тутъ самъ стоялъ и смотрѣлъ. Сверхъ того была у него такая хитрость, что онъ могъ общитывать другихъ людей въ деньгахъ, также какъ обвѣшивать въ вѣсахъ и обмѣривать въ мѣрѣ. Сіе же дѣлалъ онъ весьма часто, дабы соблюсти чрезъ то земную свою выгоду. — Что же скажешь ты о *Кватѣ*?

А когда же его спрашивали, вѣрно ли онъ торговалъ, то тотчасъ выставлялъ онъ слугъ своихъ, которыхъ онъ держалъ для того, чтобы утверждать то дерзскимъ болтаньемъ, и вѣрность книги и словъ его подтверждать клятвою. — Вотъ какъ жилъ *Кватъ* нашъ! — Что ты думаешь?

Гайй. Что мнѣ думать? Я не могу ничего думать, кромѣ того, что онъ былъ преданной самъ себѣ человѣкъ, человѣкъ порочной. Какъ сіи, такъ и прежнія его дѣла весьма худы. Естьли о деревѣ судить должно по плодамъ его, какъ то и справедливо: то сей *Кватъ* необходимо долженъ быть злымъ деревомъ. Но пожалуй сдѣлай мнѣ удовольствіе, покажи мнѣ изъ Слова Божія, какое зло сокрывается въ такихъ дѣлахъ?

Стефанъ. Таковое зло каждымъ видимо; самые язычники, которые жили во многомъ подобно безсмысленнымъ скотамъ, не терпѣли таковаго злочестія. Естьли хотя сверху посмотритъ человѣкъ на такія дѣла, то изъ свѣта натуры увидитъ въ нихъ много зла, такъ что онъ почувствуетъ омерзѣніе къ такимъ бездѣльствамъ, хотя *Квату* приносило то и великое удовольствіе.

Гаій. Но покажи мнѣ, естьли тебѣ угодно, нѣчто касательно до сего изъ Слова Божія.

Стефанъ. Охотно. Въ ветхомъ завѣтѣ говоритъ Богъ: *Не сотворите неправды въ судѣ, въ мѣрахъ, и въ вѣсахъ, и въ мѣрилахъ: мѣрила праведна, и вѣсы праведны, и мѣра праведна да будетъ въ васъ.* Лев. гл. 19. ст. 35. 36. И паки: *Вѣсъ праведный, и мѣра праведна, и хиниксъ праведенъ да будутъ вамъ въ мѣры.* Iез. гл. 45. ст. 10. И въ Притч. въ гл. 11. въ ст. 1. сказано: *Мѣрила льстивая мерзость предъ Господемъ, вѣсъ же праведный пріятенъ ему.* А какъ нѣкоторые имѣютъ вѣсъ праведной, а вѣсы ложныя, то есть мерзость предъ Господомъ; а послѣ говорится и о вѣсѣ и о мѣрѣ: Второзак. гл. 25. ст. 13. 14. 15

и 16. *Да не будетъ во влагалищи твоемъ мѣрило, и мѣрило великое и малое; да не будетъ въ дому твоемъ мѣра, и мѣра велика и мала: мѣрило истинно и праведно да будетъ тебѣ, и мѣра истинна и праведна да будетъ тебѣ* (а сего у *Квата* не было): *яко мерзость Господеви Богу твоему всякъ творяй сія.* Вотъ какъ точно о томъ говорится! да и что иное значатъ увѣщанія новаго завѣта: да никто нелихоимствуетъ въ вещи брата своего, зане мститель есть Господь, и проч. Такая ложная мѣра и вѣсъ нигдѣ не бываютъ находимы, кромѣ только дома злочестиваго. Мих. гл. 6. ст. 11. Богобоязливые ненавидятъ ихъ такъ, какъ то Богу противно. Ихъ находятъ въ домѣ лютаго и злаго, Ос. гл. 12 ст. 7. и у тѣхъ, которые притѣсняютъ бѣдныхъ и зло творятъ убогимъ. Богъ не удостоиваетъ тѣхъ никакого другаго имени, какъ злочестивые и нечистые, которые оправдываютъ неправедной вѣсъ и ложныя вѣсы. Мих. гл. 6. ст. 11. Такимъ образомъ видишь ты, какъ ясно противится Слово Божіе сему грѣху и дѣянію; почему *Кватъ*, ходившій по путямъ симъ, дабы обижать сочеловѣковъ своихъ и обирать ихъ, по справедливости будетъ отверженъ, такъ что

 имя

имя его не будетъ найдено въ спискѣ благочестивыхъ.

Гаій. Но чудно, что его за такія дѣла никогда и никто не проучилъ, и за его злочестіе и бездѣльство не потребовали съ него отвѣта.

Стефанъ. Ему обыкновенно все удавалось; онъ такъ искусно умѣлъ дѣлать ложной перевѣсъ, разсказывать разныя повѣсти и обходиться съ ложными вѣсами, что онъ всегда имѣлъ выгоду, великую ли, или малую, какъ то время ему позволяло. Есть люди (ибо у *Квата* много еще братій и сестръ), которые дѣлаютъ такія злыя дѣла либо подъ видомъ богочестія, или умѣютъ ослѣплять купцевъ своихъ словами своими и своимъ болтаньемъ. *Кватъ* не былъ столь искусенъ, чтобы поступать такъ, какъ первые, т. е. подъ видомъ богочестія: ибо сіе было уже для него слишкомъ ветхо; но никогда не было у него недостатка въ томъ, чтобы клятвою, лжею и божбою утверждать то, что неправда была правдою.

Гаій. Кажется, что вѣсы были у него хороши, а чашки у вѣсовъ его худы; это было еще лучше, нежели чтобы и вѣсы и чашки у вѣсовъ ни куда не годились.

Сте-

Стефанъ. О! совсѣмъ не такъ; ибо въ семъ состоитъ вся хитрость его обмана. Естьли кто нибудь и когда нибудь находилъ неисправность, и укорялъ его тѣмъ, что купленная вещь своего вѣса не имѣетъ, то говорилъ онъ: какъ! развѣ ты не видѣлъ, какъ вѣсили? Развѣ ты не вѣришь своимъ глазамъ? Развѣ ты сомнѣваешся въ моемъ вѣсѣ? Пожалуй понеси куда хочешь, я ручаюсь за вѣрность. Сіе говорилъ онъ и о вѣсахъ своихъ, а между тѣмъ обманывалъ купцовъ перевѣсомъ, или язычкомъ въ вѣсахъ.

Гаій. Это было очень хитро; но, какъ и ты говоришь, надобно что нибудь говорить, или дѣлать такое, чѣмъ бы можно было ослѣпить глаза людей: слѣдственно *Кватъ*, думаю я, также поступалъ.

Стефанъ. У него много было средствъ къ ослѣпленію другихъ людей, но онъ никогда не дѣлалъ сего подъ видомъ богобоязливости, хотя и весьма извѣстно было женѣ его и всѣмъ сосѣдамъ, что онъ такъ поступать могъ, и по своему изволенію иногда такъ и поступалъ, сколь искусно только ему можно было. Но есть такіе злодѣи, которые въ сей части весьма искусны, такъ что

въ глазахъ нѣкоторыхъ ведутъ они весьма богобоязливую жизнь, хотя въ самомъ дѣлѣ и утопаютъ въ ужаснѣйшихъ грѣхахъ; богослуженіе же для нихъ и товарищей ихъ само по себѣ есть ничто. Такимъ образомъ начинаютъ всякое зло *во имя Божіе*, какъ-то говаривалъ одинъ мужъ; ибо у лицемѣровъ нѣтъ никакого другаго средства къ приведенію въ совершенство злобы своей, какъ употребленіе и упоминаніе имени Божіяго съ Божіею службою. Такимъ образомъ они суть обмазанныя стѣны; ибо подъ видомъ богослуженія сокрыта грязь нечистоты ихъ. Они суть ямы, которыхъ примѣтить не можно, и идущіе чрезъ нихъ (т. е. имѣющіе съ ними дѣло) ихъ не видятъ, но терпятъ понесенной ими отъ нихъ убытокъ. Случается (такъ какъ и случалось), что купецъ самъ въ себѣ сомнѣвается, чтобы вѣсу и мѣры недоставало, и думаетъ, вспомнивши богобоязливость своего продавца, что онъ самъ обманутъ; онъ думаетъ, что не благочестивой его продавецъ, но онъ самъ виноватъ; ибо ему кажется, что продавецъ его обмануть не можетъ. Но когда же ясно будетъ видно, что онъ обманутъ, тогда старается онъ то сокрыть, возвращая купленное, или полагая вину на слугу

своего.

своего. — Такимъ образомъ искусной обманщикъ бываетъ правдивымъ, благочестивымъ и честнымъ человѣкомъ въ глазахъ купцовыхъ, хотя онъ со временемъ и опять доберется до кошелька его.

Нѣкоторые защищаютъ такіе обманы обыкновеніемъ, такъ какъ будто бы сіе могло освободить ихъ отъ суда Божіяго. Другіе говорятъ, что имъ вещи достаются весьма дорого; почему онѣ отъ нихъ и другому должны доставаться дорого, и будто бы въ такомъ случаѣ обвѣшиваніе и обмѣриваніе было ничего; но все сіе суть всеконечно коварныя уловки и обманы. Естьли же и не такъ, то надлежитъ знать, что слѣдовать должно только добру, какъ-то въ нѣкоторомъ мѣстѣ пятой Моисеевой книги написано. Положимъ, чтобъ я самъ и былъ обманутъ, и мнѣ бы за чистое золото дали такое, въ которомъ половина мѣди; но развѣ должно уже мнѣ и другаго тѣмъ обманывать? Гдѣ зло въ цѣломъ, тамъ зло и въ частяхъ. Почему какъ бы въ покупкѣ твоей съ тобою поступлено ни было, но ты долженъ въ продажѣ поступить справедливо, или ты погрѣшишь противъ души своей, и будешь подобнымъ *Квату*. Знай, что отго-

говариваться обыкновеніемъ совсѣмъ не можно; не обыкновеніе, но добрая совѣсть подастъ намъ попощь на судѣ Божіемъ.

Гаій. Я увѣренъ, что выигрываемое таковыми людьми симъ образомъ не много принесетъ имъ пользы.

Стефанъ. Я также думаю; но такіе люди на сіе не много смотрятъ: ибо естьли они только гдѣ получить могутъ себѣ выгоду, съ чемъ бы то сопряжено ни было, то бываютъ довольны, и думаютъ, что они выиграли. Ты говорищь, что оное принесетъ имъ не много пользы; но развѣ думаешь ты, что они о томъ думаютъ? Нѣтъ, они столько же о семъ думаютъ, какъ и о томъ, что будутъ они дѣлащь въ день суда Бога всемогущаго; т. е. они о томъ ничего не думаютъ.

Но дабы лучше на сіе отвѣтствовать, то такой родъ барыша не только приноситъ имъ не великую пользу и выгоду, но и ничего добраго не доставляетъ имъ, поколику они погубляютъ при томъ собственную свою душу. *Кая бо польза человѣку, аще пріобрящетъ міръ весь, и отщетитъ душу свою? или что дастъ человѣкъ измѣну на души своей?* Марк. гл. 8.

8. ст. 36. 37. Человѣкъ, такимъ образомъ получающій барышъ, теряетъ и теряетъ много. О такомъ-то человѣкѣ сказать можно, что *онъ въ малыхъ вещахъ уменъ, а въ большихъ безуменъ*, который погубляетъ душу свою за малую частицу міра. Да и что получаетъ онъ, кромѣ потери и вреда? Въ разсужденіи будущаго міра онъ проигрываетъ; но что выигрываетъ онъ и въ *семъ мірѣ*? Ничего, кромѣ печали, мученія и страданія духа; цѣли же своей онъ не достигаетъ. Іерем. гл. 15. ст. 13. и гл. 17. ст. 3. Человѣкъ въ такомъ барышѣ поставляетъ себѣ цѣлію благополучіе, т. е. благополучіе временное; но получающій барышъ такимъ образомъ, не будетъ имъ наслаждаться; ибо хотя такіе люди сперва и скоро собираютъ имѣніе, однако конецъ не бываетъ благополученъ. Они собираютъ и думаютъ сохранить; но Соломонъ говоритъ, что Господь низвергаетъ ихъ: *Не убіетъ гладомъ Господь душу праведную, животъ же нечестивыхъ низвратитъ*. Пр. гл. 10. ст. 3. Въ то время, когда они получаютъ барышъ, не приноситъ онъ имъ никакой пользы; а чтобы они послѣ могли долго онымъ пользоваться, то о семъ никакъ и думать

мать имъ не должно; ибо Богъ отниметъ у нихъ такое ихъ имѣніе либо въ жизни ихъ, или послѣ раздѣлитъ оное между другими людьми, какъ-то написано, Іов. гл. 27. ст. 16, 17: *Аще соберетъ якоже землю сребро, и якоже бреніе уготовитъ злато: сія вся праведніи одержатъ, имѣнія же его истинніи возмутъ.* Подумай также и о томъ, что въ другомъ мѣстѣ сказано, Притч. гл. 13 ст. 24: *Праведни насладятся въ богатствѣ лѣта многа, неправедніи же погибнутъ вскорѣ.* И такъ что же выигрываетъ тотъ, которой получаетъ что нибудь неправедными средствами? Онъ выигрываетъ грѣхъ, Божій гнѣвъ, адъ и осужденіе. —— Скажи же мнѣ, сколько такому прибыли?

Я сказалъ, въ чемъ состоитъ его выигрышъ, и мы по справедливости повторить можемъ то, что написано въ нѣкоторомъ мѣстѣ Іововой книги: *Азъ же видѣхъ безумныхъ укореняющихся, но абіе поѣдено бысть ихъ жилище;* ибо конецъ его щастливъ быть не можетъ. Сколько бы онъ ни возвышался и ни превозносился, однако Богъ опредѣлилъ время, въ которое онъ и имущество его растаетъ, подобно маслу на солнцѣ, и человѣкъ внимающій увидитъ истинну сего. Естьли видишь ты, что не-

неправедной много выигрываетъ неправдою, и погружается въ томъ, какъ въ густой тинѣ, то скоро увидишь ты его изсыхающа и увядающа; увидишь, что онъ, или потомки его будутъ имѣть недостатокъ въ пропитаніи. Точно такъ случилось и съ *Кватомъ* нашимъ, не смотря на коварныя и хитрыя его уловки, употребленныя имъ для собиранія денегъ; ибо когда онъ умиралъ, то у него не было ничего такого, что бы въ полушку оцѣнить было можно.

Гаій. Должно бы было подумать, что онъ, *пользовавшися* всѣми коварными уловками, которыми только кто либо деньги собирать могъ, необходимо оставилъ по себѣ великое богатство.

Стефанъ. Естьли почитаешь ты коварными уловками его для полученія денегъ только сказанное мною, то поступаешь ты слишкомъ скоро; ибо у него еще были и такія уловки, которыя сихъ превосходили. Когда онъ долженъ былъ показать купцамъ свою книгу, что онъ иногда охотно и дѣлалъ, то и отъ того получалъ онъ себѣ выгоды; ибо всячески старался произвесть тогда въ дѣйство коварства свои, и самые худые товары вносилъ онъ въ книгу въ такой

высо-

высокой цѣнѣ, по которой купить можно было самые лучшіе, такъ какъ дѣлали тѣ люди, о которыхъ сказано у Пророка Амоса, гл. 8. ст. 5, что они плеву продавали за хлѣбъ, *творили мѣру малу и увеличивали мѣрило*, т. е. цѣну. Такимъ образомъ торговалъ *Кватъ*; онъ могъ продавать самыя дешевыя вещи по такой цѣнѣ, какъ бы самые лучшіе товары. У него была также и сія ухватка, что онъ товары свои умѣлъ перемѣшивать, дабы худое сошло съ рукъ съ тѣмъ меньшимъ подозрѣніемъ. Сверхъ сего, естьли кто платилъ ему, тотъ долженъ былъ хранить разчетъ свой; ибо онъ могъ легко опять требовать съ него денегъ, особливо естьли мнилъ онъ, что требованіе его ему удастся; и естьли заплатившіе ему не могли представить никакого достаточнаго свидѣтельства, то должны были еще платить. Иногда благочестивѣйшіе и скромнѣйшіе изъ купцовъ его ссылались на слугъ его, говоря, что и они могли подтвердить утверждаемое ими; но слуги были съ господиномъ своимъ одинакаго мнѣнія, и говорили все то, что было угодно ему; почему сіи купцы и не могли получить отъ нихъ никакой помощи.

Гайи.

Гай. Весьма худо имѣть слугъ злыхъ; ибо сіе до того можетъ довести, что не будешь знать и средствъ къ поданію себѣ помощи. Ахъ! когда у господина, т. е. у *Квата*, столь мало было *совѣсти*, что онъ два раза требовалъ денегъ, а слуги его клялись въ томъ, что купцы были ему еще должны: то гдѣ найти такому человѣку какую нибудь помощь? Онъ долженъ погибнуть: для него нѣтъ никакого средства ко спасенію.

Стефанъ. Сіе весьма худо; но уже болѣе, нежели за сто лѣтъ, это бывало. Но что говоритъ о томъ Слово Божіе? *И отмщу явѣ на вся превратныя въ день той, исполняющіе храмъ Господа Бога своего нечестіемъ и лестію.* Соф. гл. 1. ст. 9. *Кватъ* употреблялъ хитрость сію почти всегда. Естьли попадался ему такой купецъ, которой не отваживался отъ него уйти, или не могъ у другихъ столько достать товаровъ, сколько ему надобно было: то такой долженъ былъ очень остерегаться, ибо кошелекъ его необходимо долженъ былъ страдать; въ чемъ *Кватъ* столь былъ нахаленъ, что не имѣлъ никакой жалости, ниже совѣсти.

Гайй. Это было *насиліе* и точной *разбой.* —— Сколь нещастливъ былъ сей *Кватъ*!

Стефанъ. Объ этомъ уже мы нѣсколько разъ говорили. Сіе конечно было тоже, что разбой; ибо хотя сіе дѣлается не явно и не съ насиліемъ, однако тотъ, которой поступаетъ такъ для своей выгоды, и заставляетъ ближняго своего заплатить за то, въ чемъ ему нужда, болѣе, нежели сколько требуетъ справедливость, совѣсть и настоящая цѣна товаровъ: того, говорю, называютъ *разбойникомъ*, и онъ достоинъ осужденія, яко такой, которой не будетъ имѣть участія въ наслѣдованіи царствія Божія. 1 Кор. гл. 6. ст. 9. 10. Сіе въ особливости касается и до закупщиковъ. О! естьли бы они (хотя я ихъ и не всѣхъ осудить хочу) прочитали то, что находится въ Притчахъ, гл. 22. ст. 16. и ст. 22. Тамъ описывается имъ погибельное состояніе ихъ. Что касается до ихъ души, то мы, когда придетъ день суда, лучше увидимъ, гдѣ и *въ какомъ* состояніи она находится. Но что касается до ихъ *положенія* и *обстоятельствъ*, то они скоро дѣлаются нещастными, и иногда каждой человѣкъ видитъ причину тому; но иног-

да же и никто ее видѣть не можетъ. Къ сему принадлежитъ также *лихва* и лихоимство, яко Господомъ запрещенное. Второзак. гл. 23. ст. 19. Можетъ быть станутъ обвинять меня тѣмъ, что я забочусь о принадлежащемъ другимъ, и слишкомъ глубоко вхожу въ сокровенность ихъ неправды; но я отвѣтствую, что такіе пороки достойны того, чтобъ выгнать ихъ изъ міра: ибо такими дѣяніями раздражается Богъ и обижается ближній. — Богу извѣстно, колико исполненъ міръ обмановъ.

Гай. Собраніе ихъ подобно язвѣ и пожирающему волку въ стадѣ; множество ихъ препятствуетъ тѣсному союзу человѣческому. Но мнѣ кажется, что ты сказать хочешь, что человѣку не позволено стараться о собственной своей пользѣ?

Стефанъ. Естьли думаешь ты, что о собственной пользѣ стараться можно только такъ, чтобъ продавать товары столь дорого, сколько только за нихъ взять можно, какъ бы то неправедно и криво ни было: то я говорю, что не позволено; а естьли бы я сказалъ иначе, то оправдалъ бы *Квата* и всѣхъ тѣхъ, которые идутъ по стезямъ его. Сего же я никогда не сдѣлаю; ибо Слово Божіе ихъ осуждаетъ.

А что не позволено всегда продавать товары свои такъ дорого, какъ только продать можно, то видно по тому, что въ такомъ поступкѣ погрѣшаю я въ совѣсти своей противъ Бога и человѣковъ, чего мнѣ сдѣлать не можно; почему и не смѣю я товары свои продавать такъ дорого, какъ могу.

Что я въ торгѣ моемъ не долженъ погрѣшать противъ совѣсти, уже прежде доказано; а что я погрѣшу противъ ее, естьли такъ поступать буду, то ясно: ибо тотъ, которой хочетъ товары свои продавать *такъ* дорого, какъ только можетъ, долженъ часто пользоваться незнаніемъ и худымъ разумомъ ближняго своего, также недостаткомъ и нуждою его; все же сіе есть *лихоимствовать въ вещи брата своего*, что именно запрещено. 1 Сол. гл. 4. ст. 6. Почему должно въ торгѣ своемъ сего убѣгать, или проститься навсегда съ доброю совѣстію.

Сіе могу сказать я и о *купцахъ*. Не должно всегда покупать такъ дешево, какъ только можно. Причины сему уже прежде объявлены. Когда *Авраамъ* хотѣлъ купить наслѣдное кладбище у *сыновъ Хеттеовыхъ*, тогда сказалъ онъ: да отдастъ

дастъ онъ мнѣ пещеру за то, чего она стоитъ. Быт. гл. 23. ст. 9. Онъ не хотѣлъ получить ее дешевле того, чего она стоила: сіе было ему противно, сего никакъ не хотѣлъ онъ; ибо то не согласовалось съ его богослуженіемъ, саномъ и совѣстію. Также когда и *Давидъ* хотѣлъ купить у *Іевусеанина* гумно Арафну, то сказалъ онъ: *куплею куплю, сребромъ достойнымъ*. 1 Паралип. гл. 21. ст. 22. 24. Такимъ образомъ совѣсть его тоже повелѣла ему сдѣлать, что и *Аврааму*: онъ никого не хотѣлъ обижать; и хотя были то и Іевусеане, однако онъ хотѣлъ заплатить полную цѣну. Онъ вѣрно зналъ, что какъ товары свои продавать слишкомъ дорого есть злочестіе, такъ равно злочестіе есть и то, чтобъ покупать ихъ дешевле подлинной ихъ цѣны; почему и не хотѣлъ онъ поступить такъ.

Сверьхъ сего, естьли мнѣ позволено продавать мои товары такъ дорого, какъ могу, то мнѣ уже и не нужна любовь къ ближнему моему; но дѣйствовать вездѣ по любви къ ближнему моему я обязанъ, ибо всеобщее повелѣніе таково: 1 Кор. гл. 16. ст. 14. *Вся вамъ любовію да бываютъ*. Но что тотъ, которой хочетъ продавать вещи свои всегда такъ

дорого, какъ можетъ, сего не наблюдаетъ, видно по тому, что онъ ищетъ только себя самаго, а *любовь не ищетъ своихъ си.* 1 Кор. гл. 13. ст. 5. Онъ ожесточаетъ свое сердце противъ всякой справедливой и честной прозьбы купцовой, и поступаетъ весьма любви противно.

Естьли можно мнѣ товары свои продавать такъ дорого, какъ только дорого ихъ продать можно, то никакихъ грѣховъ столько не будетъ въ торгѣ моемъ, какъ лжи, обмана, божбы, клятвы и тому подобнаго; ибо сіи грѣхи суть необходимыя слѣдствія такой продажи. Такой человѣкъ дѣлаетъ насиліе и закону натуры, повелѣвающему тако: *Вся убо, елика аще хощете, да творятъ вамъ человѣцы, тако и вы творите имъ.* Матѳ. гл. 7. ст. 12. Такой человѣкъ употребляетъ незнаніе ближняго своего ко вреду его, забывая то, что онъ долженъ бы былъ еще подать ему въ томъ помощь. Скажу еще болѣе: человѣкъ во всякомъ дѣлѣ своемъ долженъ смотрѣть на честь Божію. 1 Кор. гл. 10. ст. 13. Но сего не сохранитъ онъ, стараяся толь непозволенно о своей собственной пользѣ. Онъ все долженъ дѣлать во имя Господа нашего Іисуса Христа, Кол. гл. 3. ст. 17.

17. т. е. ему поставилъ Онъ сіе въ должность, и исполненіе должности сея ему Онъ самъ облегчаетъ. Но какъ можно согласить сіе съ таковыми дѣлами? Еще скажу, что должно имѣть предъ глазами день суда, и помышлять о томъ, какъ приняты будутъ тамъ дѣла наши. Дѣян. гл. 16. ст. 24. гл. 15. ст. 6. Почему и не долженъ человѣкъ продавать товары свои такъ дорого, какъ можетъ; развѣ уже онъ самъ того хочетъ, говоря: я хочу вдаться въ опасность осужденія, которое совершится въ оной день. Для того въ третьей книгѣ Моис. гл. 25. ст. 14. сказано: *Аще отдаси куплею ближнему твоему, или аще притяжеши отъ ближняго твоего, да не оскорбляетъ человѣкъ ближняго.*

Гаій. Естьлибъ нѣкоторые услышали слова твои, то я увѣренъ, что они бы тебя засмѣяли.

Стефанъ. Мнѣ до того нѣтъ никакой нужды. *Кватъ* тоже дѣлалъ, когда кто нибудь показывалъ ему пороки его. Онъ думалъ, что онъ былъ всѣхъ умнѣе, и что у того совсѣмъ не было мужественнаго сердца, которой не могъ успѣвать въ такихъ злочестивыхъ коварствахъ, и не имѣлъ сердца производить ихъ въ

дѣйство. Но пусть *Кватъ* и сотоварищи его тому смѣются; я буду терпѣть и иногда давать имъ хорошій совѣтъ. Но къ утѣшенію и ободренію моему буду я воспоминать о томъ, что нечестивые давно уже поступили такъ и съ самимъ Сыномъ Божіимъ. Лук. гл. 16. ст. 13. 14. 15 Теперь имъ время *смѣяться*; но придетъ для нихъ и такое время, въ которое они будутъ плакать. Лук. гл. 6. ст. 25. А когда они уже перестанутъ смѣяться, то скажи имъ еще, что тѣ, которые въ покупкѣ и продажѣ поступаютъ безсовѣстно противъ ближняго своего, суть самые ближайшіе послѣдователи антихриста и *Квата*.

Гайй. Но что будешь ты отвѣтствовать на сей вопросъ? Ты знаешь, что Богъ не положилъ никакой опредѣлительной цѣны на товары, которые подъ солнцемъ покупаются и продаются; но что всѣ вещи, касательно до цѣны, возвышаются и упадаютъ по временамъ. И такъ какъ должно поступать тому, у котораго совѣсть нѣжная, чтобы ни купцу, ни продавцу, ниже самому себѣ не причинить убытка въ покупкѣ и продажѣ товаровъ?

Стефанъ. Сей вопросъ почли бы всѣ тѣ, которые идутъ по стезямъ *Квата* нашего, за самой худой и мало значущій; также находятся въ томъ и нѣкоторыя трудности. Но я всячески постараюсь удовлетворить желанію твоему, и сперва буду отвѣтствовать на то, что касается до самой вещи, о которой вопрошается, а имянно: *Какимъ образомъ въ пропитаніи и торгѣ своемъ сохранить чистую совѣсть, въ покупкѣ ли то, или продажѣ?* Послѣ буду говорить о томъ, какъ должно приготовиться къ самому дѣлу, и какъ поступать въ произведеніи онаго.

Что касается *до перваго*, то должно стараться о соблюденіи того, о чемъ мы прежде говорили, а имянно: о соблюденіи чистой совѣсти въ разсужденіи Бога и любви къ ближнему, и что далѣе о томъ говорено было; почему не будетъ никакой нужды въ томъ, чтобъ обижать ближняго своего какъ въ покупкѣ, такъ и въ продажѣ.

Но дабы въ особливости лучше каждаго къ тому приготовить и наставить, должно подумать:

1) Что въ великомъ барышѣ и изобиліи нѣтъ того, что люди думаютъ;

 ибо

ибо все то, что человѣкъ имѣетъ сверьхъ необходимаго, служитъ только къ удовольствію вожделѣній очей его; ибо *во множествѣ блага умножишася ядущіи е, и кое мужество имущему е?* Екклез. гл. 5. ст. 10. Богатство человѣку служитъ наипаче сѣтями для души его. 1. Тим. гл. 6. ст. 7. 8. и 9. Но не много находится такихъ, которые чрезъ богатство достигаютъ чего нибудь добраго. — Но такое размышленіе для *Кватг* было несносно.

2) Что тотъ, которой собираетъ великое имѣніе неправедными средствами (слѣдовательно у него нѣтъ ни чистой совѣсти, ни любви къ ближнему), грубо грѣшитъ противъ Господа. *Се убо ударю рукою моею о руку мою на тя, яже совершилъ еси*, говоритъ Пророкъ Іезекіиль. гл. 22. ст. 13. Сіе есть такой родъ изреченія, которой означаетъ великую ярость и гнѣвъ, оказываемой тогда, когда говорится о нѣкоторыхъ злодѣяніяхъ.

3) Что *немногое*, честнымъ образомъ полученное, хотя бы состояло только въ блюдѣ зелени, гораздо болѣе приноситъ удовольствія, нежели тучной волъ, полученной злымъ средствомъ. *Лучше учрежденіе о зеліи съ любовію и благо-*

благостію, нежели представленіе тельцовъ со враждою. Немногое, собранное по правдѣ, лучше многаго, собраннаго съ неправдою. Притч. гл. 15. ст. 17. и гл. 16. ст. 8. и гл. 5. ст. 21. 1 Цар. гл. 2. ст. 5.

4) Что должно увѣриться, что око Божіе взираетъ на всѣ пути ваши, вѣситъ всѣ стези ваши и щитаетъ ихъ, дабы *запечатлѣть въ мѣшцѣ всѣ беззаконія ваши, и назнаменовать ихъ для времени будущаго.* Іов. гл. 14. ст. 17.

5) Что твердо должно содержать въ памяти своей то, что вы не знаете дня смерти вашей, и то время, въ которое придетъ оный; что все то, за чемъ вы стремитесь и бѣгаете, а можетъ быть и душею жертвуете, должны будете оставить тому, котораго вы не знаете, и о которомъ не вѣдаете вы, что уменъ ли онъ, или безуменъ; да и какая человѣку отъ того польза, что онъ трудится для праха, вѣтромъ развѣваемаго? Екклез. гл. 5. ст. 12. 13. 14. Сверьхъ всего сего подумай, что вы изъ принадлежащаго вамъ ничего съ собою не возьмете. Вину возьмете вы съ собою, естьли имѣніе собрали неправдою, и тѣ, которымъ вы оставите его, возьмутъ оное безъ благодарности.

Ко-

Когдажъ о всемъ семъ хорошо и надлежащимъ образомъ размышлено будетъ, и вы совѣтъ мой произведете въ дѣйство, приготовивши сердце свое къ благимъ поступкамъ въ покупкѣ и продажѣ: то перейдемъ къ слѣдующему, дабы показать вамъ, какъ должны вы имянно поступать въ покупкѣ и въ продажѣ:

1) Когда вы продаете, то не хвалите продаваемое; или когда покупаете, то не уменьшайте цѣну покупаемаго, но цѣните вещи по тому, чего онѣ стоятъ; ибо въ противномъ случаѣ поступки ваши будутъ злочестивы. Какъ продавецъ можетъ похвалить товары, а купецъ унизить оные, не прибѣгнувши къ злочестію? *Зло, зло речетъ стяжавая: и отшедъ, тогда похвалится.* Притч. *гл.* 20, ст. 14. Что же иное сдѣлалъ такой человѣкъ, какъ не солгалъ, презиравши прежде товары? И для чего онъ унижалъ оные, какъ не будучи побуждаемъ къ тому желаніемъ обмануть продавца?

2) Естьли ты продавецъ, а цѣна товаровъ весьма возвышается, или поднимается, то не старайся ее возвысить еще выше; ибо сіе никогда не можетъ быть безъ злочестія; сіе есть *увеличиваніе мѣрила*, о чемъ говорится у Амоса, гл. 8. ст. 5. Естьли ты купецъ,

пецЪ, а товары дороги, то не употребляй никакихЪ хитрыхЪ и коварныхЪ рѣчей, дабы унизить цѣну; ибо сіе равномѣрно не можетЪ быть безЪ злочестія. Что же намЪ дѣлать? скажете вы. Отвѣтствую: предоставьте сіе провидѣнію Божію, и покоритесь со смиреніемЪ подЪ руку Его. Но какЪ рука, возвышающая цѣну товаровЪ выше подлинной цѣны ихЪ, сильнѣе той, которая ихЪ опять дешевыми сдѣлать желаетЪ, а имянно рука продавцова, которой радЪ дороговизнѣ товаровЪ, ибо товары вЪ рукахЪ у него: то БогЪ вЪ семЪ случаѣ печется, чтобы вы не озаботили тѣмЪ себя, и не было бы сіе кЪ собственному вашему и ближняго вашего вреду. ВЪ такомЪ случаѣ надобно наблюдать слѣдующее:

1) ВосклицаніемЪ: дорого! дорого! когда вЪ самомЪ дѣлѣ сіе не такЪ, погрѣшить можно. Вы должны стараться, чтобы такЪ не поступать по нѣкоторому предчаянію, или предвозвѣщенію, относящемуся кЪ будущему времени. Для сего-то оной воинЪ во вратахЪ Самаріи лишился жизни. ГрѣхЪ сей заключаетЪ вЪ себѣ двоякое зло: онЪ оскорбляетЪ настоящее Божіе благословеніе, и умаляетЪ богатство Божіей благости, которая можетЪ доставить намЪ во всемЪ изобиліе.

2)

2) Можно содѣлаться сопричастнымъ сему злочестивому дѣйствію и удерживаніемъ товаровъ, когда голодъ и нужда бѣдныхъ требуютъ противнаго. И такъ Богъ, дабы оказать негодованіе свое за сей грѣхъ, даетъ народу полную свободу проклинать такого, какъ то сказано въ Притчахъ Соломоновыхъ, гл. 11. ст. 26: *Удерживаяй пшеницу, оставитъ ю языкомъ: продаяй пшеницу скупо, отъ народа проклятъ: благословеніе же Господне на главѣ подавающаго.*

3) Но когда цѣна товаровъ возвышается, то вы о семъ скорбите, будьте скромными въ продажѣ своей, уступите прежде нѣчто бѣднымъ, и продавайте имъ товары ваши, когда требуетъ того нужда. Будьте тогда благодѣтелями бѣднаго, и продавайте ему нѣсколько дешевле настоящей цѣны; точно для того, что онъ бѣденъ. Сіе-то есть покупать и продавать по чистой совѣсти. Не обижая купца, не обижаешь ты и совѣсти своей и себя самаго, а Богъ наградитъ за все сіе. Ис. гл. 58. ст. 5. 6. 7. *Кротость ваша разумна да будетъ всѣмъ человѣкамъ. Господь близъ.* Фил. гл. 4. ст. 5.

Гайй. Хорошо, государь мой. — Я довольно уже слышалъ о недобродѣтеляхъ

Ква-

Кватовыхъ; лучше будемъ говорить о его смерти.

Стефанъ. Почему же, другъ мой? Солнце еще не такъ низко, и мы можемъ поговорить еще часа три, прежде нежели наступитъ вечеръ.

Гаій. Не для того я сказалъ это, ибо мнѣ спѣшить не куда; но я думалъ, что ты уже окончалъ повѣствованіе о жизни его.

Стефанъ. Окончалъ? нѣтъ, мнѣ еще много говорить осталось.

Гаій. И такъ въ немъ было болѣе злочестія, нежели я думалъ.

Стефанъ. Можетъ быть; но будемъ продолжать. Сей *Кватъ* присоединялъ еще ко всѣмъ своимъ злочестіямъ то, что былъ весьма гордъ и надмѣненъ. Онъ вообразилъ, что ничему изъ сказаннаго имъ противорѣчить было не можно; онъ почиталъ себя самымъ разумнѣйшимъ человѣкомъ во всей окрестности, и столь хорошимъ, столь прекраснымъ, что едва ли подобнаго ему найти было можно. Онъ весьма веселился, когда хвалилъ самаго себя, а еще вдвое того, естьли его хвалилъ другой. Онъ не могъ того терпѣть, чтобы кто нибудь помнилъ себя быть выше его, или что его разумъ и видъ превосходнѣе

ходнѣе разума и вида *Кватова*. Онъ рѣдко обходился съ подобными себѣ, а на меньшихъ себя смотрѣлъ съ презрѣніемъ и едва ихъ воззрѣнія удостоивалъ. Когда же былъ ему какой нибудь случай говорить о нихъ, то показывалъ въ себѣ чудесно надмѣнный и гордый духъ, такъ что смотря на него, сказать можно было то, что говоритъ Соломонъ въ одномъ мѣстѣ Притчей своихъ, а имянно, что гордой и надмѣнной есть человѣкъ безпутный, показывающій во гнѣвѣ ярость. Пища никогда не была приготовлена по его вкусу; платье его никогда не было довольно хорошо сшито, никогда довольно его не хвалили.

Гаій. Гордость сія, по мнѣнію моему, столь же глубоко и твердо впечатлѣвается въ натурѣ нашей, сколь она сама по себѣ есть грѣхъ. Я не знаю, чтобъ какой нибудь изъ подобныхъ грѣховъ глубже въ человѣка впечатлѣвался, какъ сладострастіе и гордость. Грѣхи сіи также имѣютъ предъ другими и особливое участіе въ его натурѣ: они ему весьма нравятся; ибо они съ его вожделѣніями и чувствами весьма согласны. И потому никакъ не чудно, что *Кватъ* омаранъ былъ гордостію и дерзскою надмѣнностію; ибо онъ самъ себя ревностно предалъ произведенію всѣхъ пороковъ. *Сте-*

Стефанъ. Ты говоришь правду. Гордость весьма глубоко и твердо впечатлѣвается въ натурѣ нашей, и есть одна изъ первыхъ безумій, которыми показываемъ мы нашу нечистоту; ибо и въ дѣтствѣ, даже и въ самыхъ малыхъ дѣтяхъ примѣчается гордость. Страсть сія быстро стремится ко обладанію сердцемъ нашимъ, и успѣваетъ въ семъ скорѣе прочихъ страстей. Но хотя молодыя дѣти гордости равномѣрно подвержены, однако кажется мнѣ, что приходящіе въ возрастъ должны бы были ее стыдиться. Я долженъ бы былъ начать съ *Кватовой* гордости, но думаю, что не столько гордость, находящаяся въ дѣтяхъ, ихъ одно отъ другаго отличаетъ, сколько различаютъ ихъ грѣхи, разсказываніемъ о которыхъ началъ я повѣствованіе о его жизни; почему тогда и не упомянулъ я о томъ, но теперь (поелику не имѣлъ онъ никакого уже вниманія за самимъ собою, и пришедши въ лѣта, никакъ не перемѣнилъ грѣшнаго и злаго своего состоянія, но былъ гордецомъ и надмѣннымъ) попался мнѣ случай сказать нѣчто и о его гордости.

Гайй. Но пожалуй наименуй мнѣ нѣкоторыя мѣста изъ Писанія (естьли тебѣ сіе не противно), которыя бы отно-

сились къ опровержению гордости. Сие тѣмъ болѣе желаю я слышать, что *гордость* есть такой грѣхъ, которой наиболѣе владычествуетъ; да и мнѣ иногда случается бывать въ обществѣ тѣхъ, которыхъ въ совѣсти своей почитаю за весьма гордыхъ людей, и которымъ я твердо предпринялъ выставлять предъ глаза ихъ грѣхи; но естьли я слова мои не буду основывать на Словѣ Божіемъ, то они безъ сомнѣнія засмѣютъ меня и заругаютъ.

Стефанъ. Засмѣютъ и заругаютъ? говоришь ты. —— *Да*, гордой человѣкъ засмѣетъ тебя, сколько бы ты ни приводилъ текстовъ, естьли Богъ не тронетъ его Словомъ своимъ въ совѣсти его. Такъ поступалъ *Кватъ* противъ тѣхъ, которые хотѣли увѣщавать его; да сверьхъ того, хотя бы ты и все сказалъ, что сказать можешь, однако они будутъ отвѣтствовать тебѣ, что не они, но ты гордъ, и что иначе ты не сталъ бы судить ихъ и столь своемысленно заботиться о дѣлахъ другихъ людей. Но какъ ты того желаешь, то я сообщу тебѣ текста два, или три. Притч. 8. 13: *Страхъ Господень ненавидитъ неправды, досажденія же и гордыни, и пути лукавыхъ.*

выхъ. Притч. 29. 23: *Досажденіе мужа смиряетъ. Ис.* 25. 11. 12: *И воздвигнетъ руцѣ свои, якоже и той смири, еже погубити: и смиритъ гордыню его, на няже руцѣ возложи И высоту убѣжища ограды твоея смиритъ, и обнизится даже до земли. Мал.* 4. 1: *Яко се день грядетъ горящъ яко пещь, и попалитъ я: и будутъ вси иноплеменницы, и вси творящіи беззаконная, яко стебліе: и вожжетъ я день Господень грядый.* Сей послѣдній день весьма ужасенъ и доспаточенъ къ тому, чтобъ гордаго заставить дрожать и трепетать. Богъ вѣщаетъ, что Онъ такого сдѣлаетъ соломою, т. е. яко пищею огня, и день, которой придетъ тогда, доженъ быть яко пещь горящая; сей день сожжетъ ихъ, *говоритъ Господь.* Но *Кватъ* никогда не могъ терпѣть, чтобъ говорили противъ гордости, или чтобъ называли его гордецомъ.

Гаій. Но какія бы были тому причины?

Стефанъ. Хотя онъ мнѣ ихъ и не сказывалъ, однако я думаю, что у него былъ недостатокъ въ томъ, чего недостаетъ обыкновенно людямъ такого рода. Они любятъ недобродѣтель, но не хотятъ называться таковыми. Пьяница любитъ

трѣхъ, но не любитъ называться *пьяницею*; воръ любитъ воровство, но не любитъ называться воромъ; блудница любитъ блудодѣяніе, но не любитъ называться блудницею. Симъ образомъ *Кватъ* любилъ гордость, но не могъ терпѣть того, чтобъ его называли гордецомъ. Сладость трѣха сладостна для нечистыхъ и погибшихъ человѣковъ, но имя такое имъ всегда противно.

Гай Ты говоришь правду. — Но сколько родовъ гордости?

Стефанъ. Два: гордость духовная и гордость тѣлесная. О первомъ родѣ говорится въ разныхъ мѣстахъ Писанія: Пр. гл. 26. 5. и гл. 21. 4. Екклез. 7. 8. Гордое сердце есть мерзость предъ Господемъ. О гордости тѣлесной говорится весьма ясно: Ис. 3 17. 12. Сіи мѣста показываютъ, что какъ гордость *духовная*, такъ и гордость *тѣлесная*, есть мерзость предъ Богомъ. Но сихъ текстовъ не могъ терпѣть *Кватъ*; онъ никогда не хотѣлъ читать ихъ; они для него были то, что Михей для Ахава: они не предсказывали ему ничего добраго.

Гай. Но я думаю, что *Кватъ* не одинъ только изъ тѣхъ, которые идутъ противъ добродѣтели, есть врагъ текстамъ

стамъ симъ; ибо мнѣ кажется, что большая часть злочестивцевъ, у которыхъ есть Писаніе, тайную питаютъ ненависть къ такимъ словамъ Божіимъ, которыя ихъ за грѣхи весьма ясно и ужасно наказываютъ.

Стефанъ. Безъ всякаго сомнѣнія сіе такъ, и сею враждою и отвращеніемъ показываютъ они, что грѣхъ и сатана имъ пріятнѣе спасительнаго наставленія въ жизни и богочестіи.

Гаій. Ты говоришь, что *Кватъ* былъ гордъ; и такъ пожалуй, не отходя отъ нашего о немъ разговора, скажи мнѣ, почему можно узнать гордаго?

Стефанъ. Весьма его узнать можно. Сначала покажу я тебѣ нѣкоторые знаки гордости сердца. Ее видѣть можно чрезъ внѣшность, подобно какъ гордость есть вообще знакъ гордости сердца, ибо всѣ гордые духи тѣла оттуда произходятъ; почему и говоритъ Соломонъ: *Чадо! зло высоки очи имать, вѣждома же своима возносится.* Притч. гл. 30. ст. 13. Также Пр. гл. 17. ст. 19: *Жестокосердый не усрящетъ благихъ.* Сіи-то суть знаки гордаго сердца; ибо оба дѣйствія сіи произходятъ изъ сердца, изъ сердца же произходитъ и гордость. Марк. гл. 7. Во

 всѣхъ

всѣхъ почти случаяхъ открывается гордое сердце чрезъ вознесенную выю, скоро воспаляющійся гнѣвъ и много говорящій языкъ.

Каждой *гонитель* имѣетъ гордое сердце. *У немолящагося* человѣка гордое сердце: гл. 9. ст. 4. у сварнаго человѣка гордое сердце: Пр. гл. 13. ст. 10. у *презирающаго* человѣка гордое сердце. *Утѣсняющій* ближняго своего есть гордой человѣкъ. Кто Слову Божію не покаряется со страхомъ и высокопочитаніемъ, и кто гордаго почиталъ щасливымъ, тотъ конечно гордъ въ сердцѣ своемъ. Іерем. гл. 13. ст. 18. и гл. 43. ст. 2. Малах. гл. 3. ст. 15. А какимъ образомъ обнаруживается сія сердечная ихъ гордость, о томъ будемъ теперь говорить.

Что касается до тѣлесной гордости, то открывается она нѣсколько чрезъ упомянутое прежде; ибо хотя мы и сказали, что оные знаки суть знаки гордаго сердца, однако суть они и знаки гордости тѣлесной. Ты знаешь, что внутренняя болѣзнь открывается часто чрезъ видимые знаки; въ разсужденіи наружнаго бываетъ точно тоже. Такимъ образомъ показываютъ всѣ видимые знаки *гордости сердца и гордость тѣла.*

Точ-

Точные же сего знаки, которые нѣсколько болѣе наружны, суть прилѣпленіе къ золоту, драгоцѣннымъ каменьямъ, богатымъ платьямъ, уборамъ, всякимъ модамъ и употребленіямъ, которымъ гордые стараются подражать въ духѣ, словахъ, лицѣ, нарядахъ, походкѣ и другихъ глупостяхъ, которыхъ нынѣ міръ исполненъ. Все сіе и подобное суть знаки гордаго сердца и купно гордаго тѣла.

Но *Кватъ* никакъ не могъ терпѣть того, чтобъ сіе почитали гордостію, но называлъ оное пристойностію, пріятностію, чистотою и проч. Также не хотѣлъ онъ терпѣть и того, чтобы послѣдованіе модѣ какимъ нибудь инымъ именемъ называли, а не говорили, что онъ поступаетъ такъ для того только, чтобъ не стали почитать его надмѣннымъ и старающимся себя отмѣнить, и чтобъ сосѣди его не почли его упрямцемъ.

Гаій. Но мнѣ прежде разсказывали, что когда увѣщавали нѣкоторыхъ преданныхъ гордости, то они укоряли ею товарищей увѣщателей, и говорили такъ: врачи! помогите прежде друзьямъ вашимъ, тяжкою болѣзнію страждущимъ; посмотрите на братій вашихъ, даже и на самыхъ мудрѣйшихъ изъ нихъ,

и вы увидите, что они не совсѣмъ чисты; ибо кто гордѣе друзей вашихъ? едва ли и самъ діаволъ.

Стефанъ. Сердце мое трепещетъ отъ такого отвѣта; ибо къ тому подаютъ весьма сильную причину. Такъ отвѣчалъ и нашъ *Кватъ* женѣ своей, когда она укоряла иногда его гордостію. Ну, говорилъ онъ, нынѣ будутъ великія перемѣны, ибо діаволъ уже за грѣхи укоряетъ. Никакой порокъ такъ между нѣкоторыми Христіанами не силенъ, какъ гордость. И такъ кто можетъ ему противорѣчить? *ибо весьма явно*, что отрицать укоризны его не можно.

Я читалъ о блудницахъ, что онѣ не хотятъ уже стыдиться; Iерем. гл. 3. ст. 3. читалъ также и о Христіанской стыдливости и драгоцѣнномъ украшеніи кроткаго духа; украшеніи, весьма приличномъ женамъ богобоязливымъ и соединеннымъ съ благими дѣлами. Я могъ бы теперь сказать то, что всѣ знаютъ, и что бы я сказать былъ долженъ, не погрѣшая никакъ противъ справедливости, а имянно, что многимъ бы Христіанамъ должно было выставить пороки ихъ передъ глаза; но теперь я умолчу о томъ.

Гайй.

Гаій. Кажется, другъ мой, что сіе тебя очень трогаетъ и воспаляетъ; но что бы было, естьли бы я сказалъ тебѣ еще болѣе? Поговариваютъ уже, что нѣкоторые благочестивые учители благосклонно смотрѣли на суетную и пышную одежду подчиненныхъ своихъ, да иногда и вступались за ихъ золото, серебро и другія драгоцѣнности.

Стефанъ. Я не знаю, гдѣ они за сіе вступались; но легко видѣть можно, что они то терпятъ и попускаютъ, или по крайней мѣрѣ смотрятъ на то сквозь пальцевъ какъ въ своихъ женахъ, такъ и въ своихъ дѣтяхъ; и такимъ образомъ *отъ пророковъ Іерусалимскихъ изыде осквернеіе на всю землю.* Іер. гл. 23. ст 15. А естьли же начальники суть большіе преступники, то какъ уже народу не впасть въ преступленіе?

Гаій. Сіе достойно сожалѣнія, да и почитаемо быть должно за достойное сожалѣнія.

Стефанъ. Это такъ, и быть должно такъ; но къ сему прибавлю я еще, что сіе есть стыдъ и срамъ и соблазнъ для слѣпыхъ; ибо, хотя бы люди и всѣ были такъ слѣпы, какъ *Кватъ*, однако они бы могли ясно видѣть глупое легко-

мыслie, которое необходимо должно на основанiи своемъ показать нѣчто обезьянское и надмѣнное. Но многiе тотчасъ извиняютъ себя тѣмъ, что ихъ родители и мужья хотятъ сего, и что того требуетъ ихъ состоянiе и званiе; но все сiе превратится въ паутину, когда громъ великаго Бога возгремитъ на нихъ въ небѣ, какъ то будетъ либо въ смерти, или на страшномъ судѣ; я же желаю, чтобы сiе случилось прежде. Но, ахъ! извиненiя сiи суть только суетныя слова; гордые сiи люди сами охотно хотятъ того. *Я* нѣкогда съ одною дѣвицею говорилъ о ея глупыхъ пышныхъ нарядахъ; но она отвѣтствовала мнѣ, что такъ сшилъ портной, хотя она, къ сожалѣнiю, и сама такое платье сшить велѣла. Такiе люди ослѣпляютъ другихъ; но источникъ всего сего зла есть исполненныя недобродѣтели сердца ихъ и проложенiе самими ими пути къ тому.

Но для чего говорю я объ особливыхъ дѣлахъ, или лучше сказать, о мерзостныхъ грѣхахъ *Кватовыхъ*, когда вся жизнь его и купно всѣ дѣла его составляли тѣло, или мѣру грѣховъ? Вмѣсто вѣрованiя бытiю Божiю свидѣтельствовали его уста, его жизнь и его дѣ-

ла,

ла, что онъ не вѣрилъ оному. *Глаголетъ пребеззаконный согрѣшати въ себѣ: нѣсть страха Божія предъ очима его.* Пс. 35. ст. 1. Вмѣсто того, чтобы ему чтить Бога и благодарить Его за полученныя имъ отъ Него благодѣянія, или нѣкоторыя оказанныя Имъ ему милости (ибо Богъ для всѣхъ благъ, для всѣхъ повелѣваетъ восходить солнцу своему, и дождю итти на злочестивыхъ и на неблагодарныхъ), приписывалъ онъ честь другимъ причинамъ. Естьли было то благодѣянія, то приписывалъ онъ ихъ своему разуму, труду, попеченію, прилѣжности, предосторожности и прочему; развѣ уже Божественное провидѣніе прямо въ глаза ему противорѣчило и упрекало его ложью. Естьли же былъ то крестъ, то почиталъ онъ сіе за плоды нещастія, злополучія, перемѣны, худаго состоянія дѣлъ, или злобы сосѣдей своихъ. Часто, по мнѣнію его, была тому причиною жена его; ибо она, какъ говорилъ онъ, была слишкомъ благочестива и богобоязлива, и слишкомъ много времени расточала въ чтеніи молитвъ и тому подобномъ. Онъ не познавалъ Бога въ путяхъ Его (т. е. пріятнымъ Богу образомъ), и не видѣлъ руки Его во всѣхъ вещахъ; но

былъ

былъ въ такомъ состоянiи, какъ говоритъ Пророкъ Ис. гл. 26 ст. 10: *Преста бо нечестивый: всякъ, иже не научится правдѣ на землѣ, истины не сотворитъ.* И паки говоритъ Пророкъ сей, гл. 9. ст. 13: *И людiе не обратишася, дондеже язвени быша, и Господа не взыскаша.* Таково-то было положенiе *Кватово*; ни благодѣянiя, ниже суды не могли побудить его къ исканiю Господа.

Къ нему можно отнести слѣдующiя слова: онъ не внималъ дѣлу Господню и не хотѣлъ смотрѣть на дѣла рукъ Его, ни въ благословенiи, ниже въ наказанiи. Пс. 27. ст. 5. Ис. гл. 26. ст. 11. Божественное провидѣнiе доставляло ему лучшiя средства къ спасенiю души его; ибо, какъ я и прежде упомянулъ, былъ у него доброй господинъ, прежде доброй отецъ, а послѣ весьма благочестивая жена. Также имѣлъ онъ часто случай слушать хорошiя проповѣди, которыя иногда и слушалъ онъ изъ любви къ новостямъ, и ходилъ къ проповѣднику; но онъ творилъ только зло въ земли праведной, ибо онъ не зрѣлъ славу Господню. Ис. гл. 26. ст. 10.

Вмѣсто того, чтобы оказывать почтенiе къ Слову Божiю, когда онъ слышалъ

шалъ его проповѣдываемое, читалъ его самъ, или слышалъ разговоры о немъ, могъ онъ сидѣть и спать, говорить о другихъ вещахъ, даже и противорѣчить важности, согласію и премудрости Писанія, говоривши: почему вы знаете, что это Слово Божіе? Почему вы знаете, что сіи слова истинны суть? Писаніе (такъ дерзалъ говорить онъ) можно уподобить воску, изъ котораго дѣлай, что хочешь. Сверьхъ сего повѣствуетъ оно о тысячи невозможностяхъ; оно причиняетъ въ странѣ много вражды и несогласія; почему думайте, что хотите, а я думаю, что тѣ поступаютъ наилучшимъ и приличнѣйшимъ образомъ, которые ни о чемъ не заботятся.

Вмѣсто почтенія къ такимъ людямъ, которые Христово имя носили на челѣ своемъ, а образъ Его представляли въ своей жизни, онъ надъ ними смѣялся и поставлялъ ихъ цѣлію своихъ пороковъ; или шутилъ надъ ихъ смиренными поступками, благопріятными рѣчами и кроткимъ житіемъ; или отчаянно клялся, что они во всемъ лицемѣрствуютъ, и только такими кажутся. Онъ старался благочестивыхъ людей сдѣлать презрительными, естьли только то сдѣлать

могъ,

могъ, какъ будто бы были они люди досадные и несносные. Естьли кто лгалъ на нихъ, стараяся сдѣлать ихъ кому нибудь непріятными, тому тотчасъ оказывалъ онъ свое удовольствіе, какъ будто бы было сіе чистою правдою, и не могъ терпѣть, естьли тому противорѣчили. Онъ былъ весьма подобенъ тѣмъ, о которыхъ говоритъ Пророкъ: Пс. 49. ст. 19. 20: *Уста твоя умножиша злобу, и языкъ твой сплеташе льщенія: сѣдя на брата твоего клеветалъ еси, и на сына матере твоея полагалъ еси соблазнъ.* Да, онъ могъ злословить и жену свою, не взирая на то, что совѣсть его сказывала ему, и многіе другіе люди свидѣтельствовали, что она была весьма добродѣтельная женщина. Онъ разпространялъ злословіе свое не только о ней, но и о друзьяхъ ея, и свидѣтельствовалъ, что ученіе ихъ стремилось къ неблагочестію, и что они въ собраніяхъ своихъ, состоявшихъ изъ мущинъ и женщинъ, дѣлали весьма неблагопристойное и безчинное. Онъ былъ весьма подобенъ тѣмъ, о которыхъ Апостолъ написалъ, что они говорили: *Сотворимъ злая, да придутъ благая.* Римл. гл. 3. ст. 8. И естьли онъ нѣчто услышать могъ, что клонилось

нилось къ стыду благочестивыхъ, хотя бы то была и ложь: то какъ веселился онъ, какъ смѣялся, какъ радовался! Слышанное приписывалъ онъ цѣлой церкви, и въ устахъ его были только такія слова: повѣсьте сихъ негодныхъ! они всѣ одинаковы. Цѣлое сіе братство состоитъ изъ равныхъ другъ другу людей; ищи, найдешь тотчасъ; эта-то куча называется благочестивыми братіями! — Тогда слова свои оканчивалъ онъ злословіемъ и проклятіями.

Гаій. Естьли Христіане, которыхъ почитаютъ людьми богобоязливыми, хотятъ быть умными: то *Кватовы* слова сдѣлаютъ ихъ еще старательнѣйшими въ исправленіи себя.

Стефанъ. Ты говоришь правду; ибо мы видимъ, что тогда радуются и веселятся, когда мы претыкаемся и падаемъ. Сіе должно гораздо умножить наше попеченіе и осторожность. Я думаю, что дѣйствительно приносило то *Квату* нашему великое удовольствіе и радость, естьли могъ онъ услышать какую нибудь ложную исторію о боящихся Бога; естьли могъ разпространять ее, пока наконецъ таковое разсказываніе нѣсколько его утомляло, и онъ самъ желалъ умолкнуть.

нуть. — Но мы теперь это оставимъ; ибо хотя сіе и составляло въ *Кватѣ* нашемъ обильное число грѣховъ, однако къ симъ еще присоединялъ онъ и другіе.

Онъ былъ также *упрямъ*, *гнѣвенъ* и *завистливъ*. Ему неизвѣстна была кротость и скромность, да и не было у него охоты учиться такимъ добродѣтелямъ. Онъ также отъ природы былъ весьма сластолюбивъ и сердитъ, и сіе такъ дѣйствовало въ немъ, что дѣлало его во всемъ яростнымъ, свирѣпымъ и бѣшенымъ, особливо противъ добра и противъ всего, чѣмъ онъ былъ недоволенъ.

Гайй. Соломонъ говоритъ Пр. гл. 14. ст. 16: *Безумный, на себе надѣяся, смѣшивается со беззаконнымъ.*

Стефанъ. Такъ, но онъ говоритъ далѣе еще: *Ярость въ нѣдрѣ безумныхъ почіетъ*. Екклез. гл. 7. ст. 10. Да и дѣйствительно знакомъ безумнаго есть ярость, обитающая въ сердцѣ его. И *Кватъ*, не взирая на то, что онъ самъ весьма высоко думалъ о своихъ способностяхъ, былъ безумецъ, да и великой безумецъ.

Гайй. Безумцы обыкновенно кажутся себѣ мудрыми.

Сте-

Стефанъ. Это правда; но я симъ хотѣлъ сказать то, что естьли ярость въ сердцѣ почіющаго есть знакъ безумца, то какимъ же уже знакомъ безумія будетъ то, когда злоба и зависть купно пребываютъ въ какомъ сердцѣ? Ибо я думаю, что *Кватъ* былъ такъ злобенъ и завистливъ, что едва ли подобнаго ему въ семъ сыскать было можно.

Гайй. Злоба и зависть конечно произходитъ отъ гордости и гнѣва, которой произходитъ отъ невѣжества, а невѣжество произходитъ отъ сатаны. Я думалъ, что ты, говорившы прежде о *Кватовой* гордости, скажешь что нибудь и о семъ.

Стефанъ. Зависть конечно произходитъ отъ невѣжества. Сей же *Кватъ* былъ столь завистливъ, что, имѣя съ кѣмъ нибудь дѣло, раздувался подобно ядовитой жабѣ. О комъ онъ мыслилъ зло, тотъ въ глазахъ его могъ читать зависть, когда ему встрѣчался, или какое съ нимъ имѣлъ дѣло. Зависть его была толь жарка и ядовита, что его, когда уже онъ на кого нибудь осердился, трудно было умилостивить. Противнику своему всякія творилъ онъ козни, чтобъ причинить ему вредъ, и стерегъ случай (такъ какъ кошка стережетъ

 мышь)

мышь) къ пагубѣ его. Онъ могъ ожидать такимъ образомъ лѣтъ семь; и естьли получалъ хотя малѣйшій случай къ содѣланію ему вреда, то въ удовольствіе свое давалъ ему ощущать всю тягость зависти своей. Зависть есть грѣхъ діавольской, противъ котораго никто устоять не можетъ. Пр. гл. 27. ст. 3. 4. Она есть грѣхъ проклятой. Гал. гл. 5. ст. 21. Она есть моль костемъ. Пр. гл. 14 ст. 30. Она есть источникъ всякаго замѣшательства и злаго дѣйствія. Іак. гл. 3. ст. 14. Не возможно изчислить въ особливости всѣ плоды, растущіе на семъ зломъ коренѣ. Почему никакъ не чудно, что *Кватъ* былъ такой злой и завистливой человѣкъ; ибо обширной корень всякаго злочестія лежалъ въ немъ, не будучи ни умерщвленъ, ни обрѣзанъ, ниже дотрогиваемъ.

Гайй. Но въ семъ *Кватѣ* должно было быть нѣчто чудное и необыкновенное; ибо онъ во всю свою жизнь не ощущалъ никогда грызѣнія въ сердцѣ своемъ.

Стефанъ. Я не могу сказать, чтобы онъ когда нибудь ощущалъ тоску, или грызѣніе, естьли подъ симъ разумѣешь ты раскаяніе въ злой жизни его. Однако, кажется мнѣ, онъ два раза тронутъ

былъ

былъ состоянiемъ своимъ въ своемъ духѣ: одинъ разъ тогда, когда переломилъ онъ себѣ ногу, шедши пьяной изъ питейнаго дома; а другой разъ тогда, когда былъ онъ боленъ и думалъ умереть. Выключая сихъ двухъ случаевъ, я не могу уже вспомнить о подобномъ сему.

Гайй. Онъ ногу переломмлъ себѣ?

Стефанъ. Да.

Гайй. Но какъ это случилось?

Стефанъ. Въ одно время былъ онъ въ питейномъ домѣ, которой отъ дома его былъ разстоянiемъ около двухъ, или трехъ миль. Пьянствовавши тамъ почти цѣлой день, по наступленiи вечера не хотѣлъ онъ уже долѣе медлить, но требовалъ своей лошади, сѣлъ на нее, и подобно сумасшедшему человѣку, какъ-то обыкновенно пьяные дѣлаютъ, поскакалъ такъ прытко, какъ только лошадь его скакать могла. Наконецъ доскакалъ онъ до весьма болотнаго мѣста, гдѣ лошадь его вдругъ спотнулась и сбросила съ себя своего господина; упавши же, переломилъ онъ себѣ ногу. Но какiя же сперва произнесъ онъ заклинанiя! Однако, пришедши послѣ нѣсколько въ себя, начавши ощущать

боль, узнавъ, что онъ уже не могъ владѣть ногой своей, обозрѣвши бѣдствіе настоящаго положенія своего, и страшася, чтобъ паденіе и совсѣмъ не умертвило его, началъ онъ взывать такъ: *Помоги мнѣ, Господи! Господи! буди мнѣ милостивъ. Боже благій! спаси меня*, и тому подобное. Въ такомъ состояніи лежалъ онъ до того времени, пока нѣкто пріѣхалъ на сіе мѣсто, поднялъ его и отвезъ домой, гдѣ онъ лежалъ нѣсколько времени и не могъ выходить со двора.

Гаій. И такъ онъ тогда взывалъ къ Богу?

Стефанъ. Боль заставляла его взывать: *Боже Господи! помоги мнѣ.* Но я не хочу ручаться за то, чтобы взыванія сіи требовали прощенія его грѣховъ, или спасенія души его; также и за то, чтобы онъ просилъ только объ освобожденіи себя отъ боли. Хотя я, къ скорби своей, и имѣю причину думать послѣднее, потому что онъ, когда мученіе его нѣсколько миновалось, и когда онъ надѣялся опять выздоровѣть (хотя еще и выходить не могъ), совсѣмъ оставилъ молитву свою, началъ опять старую свою игру, и опять показывалъ въ себѣ столько

ко же злости, какъ и прежде. Также велѣлъ онъ звать къ себѣ опять и старыхъ пріятелей своихъ; блудницы начали опять посѣщать его, съ которыми тогда обходился онъ такъже, какъ и прежде, пока еще нога его цѣла была.

Гаій. Чудно, что онъ вмѣсто ноги не сломилъ себѣ шею.

Стефанъ. Сіе бы такъ и было, естьли бы долготерпѣніе Божіе тому не воспрепятствовало. Онъ нѣсколько тысячь разъ былъ того достоинъ. Много, какъ я слышалъ, и тебѣ уже прежде разсказывалъ, было подобныхъ ему, которые въ пьянствѣ лишалися жизни; одинъ изъ такихъ людей не далеко отъ насъ и умеръ въ питейномъ домѣ.

Гаій. Умереть въ пьянствѣ есть нѣчто ужасное.

Стефанъ. Конечно такъ; но я удивляюсь, что сіе еще не такъ часто бываетъ; ибо, когда я размышляю о гнусности грѣха сего, и о великомъ числѣ сопутствующихъ ему, какъ-то о клятвѣ, богопорицаніи, лжи, кощунствѣ, сладострастіи, злословіи и тому подобномъ: то безъ сомнѣнія долженъ удивляться, естьли кто, живя въ грѣхѣ семъ, освобождается еще отъ ударовъ неба, долженству-

ствующихъ его во гробъ низвергнуть. Сверьхъ сего, размышляя, какъ люди сіи чрезъ пьянство уподобляются безсмысленнымъ звѣрямъ, безъ страха стремятся къ опасности, подобно бѣшенымъ и сумасшедшимъ, какъ будто бы вызывали они Бога къ наказанію на себя, до безумія такимъ образомъ напиваясь, удивляюсь, что Онъ не лишаетъ ихъ своего всемъ управляющаго покровительства и защиты, и не оставляетъ ихъ въ опасности и пагубѣ, что заслужили грѣхи ихъ, и во что они сами повергаются, подобно безумнымъ и *безсмысленнымъ*. Но я помышляю напротивъ того и о томъ, что уставленъ день, *въ оньже хощетъ Богъ судити вселеннѣй въ правдѣ*, Дѣян. гл. 17. ст. 31. и что Онъ обыкновенно на нѣкоторыхъ людяхъ показываетъ, что Онъ взираетъ на грѣхи ихъ, осуждаетъ пути ихъ, и въ опредѣленное время потребуетъ отъ нихъ за все сіе отчета.

Гаій. Весьма примѣчанія и вниманія достойно то, какъ Богъ, дабы показать отвращеніе свое отъ грѣха, однимъ ударомъ вдругъ поражалъ нѣкоторыхъ людей, грѣху преданныхъ; чему примѣромъ можетъ послужить и *Кватово* преломленіе

ніе ноги; поелику сіе былЪ безЪ сомнѣнія ударЪ сЪ неба.

Стефанъ. БезЪ сомнѣнія сіе примѣчанія достойно; ударЪ сей былЪ очевидной ударЪ сЪ неба, упавшій на *Квата* тогда, когда былЪ онЪ на высотѣ своихЪ грѣховЪ. Сіе весьма подобно тому, что сказано у Іова вЪ гл. 34. ст. 25. 26: *Свѣдый ихъ дѣла, и обратитъ нощь, и смирятся. Угаси же нечестивыя, видими же предъ нимъ*. ОнЪ поражаетЪ ихЪ вЪ такомЪ мѣстѣ, гдѣ на нихЪ смотрятЪ. ТамЪ пораженЪ былЪ и *Кватъ* нашЪ, и каждой примѣчалЪ удары, его постигшіе. Разсказываніе о переломленіи ноги его сдѣлалося уличною сказкою во всемЪ городѣ. *Кватъ переломилъ себѣ ногу*, говорилЪ одинЪ. *Какимъ образомъ*? спрашивалЪ другой. Первой отвѣтствовалЪ: *Онъ ѣхалъ домой изъ питейнаго дома пьяной*; а другой говорилЪ: *это Богъ его наказываетъ*. —— Сей его грѣхЪ, его срамЪ и его наказаніе примѣчено было всѣми окружавшими его.

Но *Кватъ* очень скоро позабылЪ все то, чѣмЪ совѣсть его такЪ была тронута, прежде еще выздоровленія своего, такЪ что онЪ прежде прошествія страха отЪ одного суда искушалЪ Бога низ-

послать на него вторичной приговоръ, какъ то скоро и сдѣлалось: ибо по прошествіи нѣсколькихъ мѣсяцовъ послѣ выздоровленія ноги его, впалъ онъ въ весьма опасную болѣзнь, которая довела его до того, что онъ необходимо умереть думалъ.

Гай. Что онъ думалъ тогда, и какъ онъ поступалъ?

Стефанъ. Онъ думалъ, что ему должно итти въ адъ. Сіе я знаю; ибо онъ самъ говорилъ то. Страхъ заставлялъ его кричать всякую ночь, а иногда дрожалъ онъ столь сильно, что постеля тряслась подъ нимъ. Ахъ! какъ мучили его совѣсть и мысли о смерти, адскомъ огнѣ и вѣчной мукѣ! Страхъ можно было примѣтить на лицѣ его, и ясно видѣть изъ того, что онъ безпрестанно ворочался съ одной стороны на другую; также можно было узнать сіе и по словамъ его, и уразумѣть по глубокимъ его вздохамъ. Часто взывалъ онъ: ахъ! я погибъ, погибъ! злая жизнь моя свергла меня въ пагубу!

Гай. И такъ развѣ безбожныя его правила и мысли слабы были къ тому, чтобы отнять у него страхъ, произходившій отъ вѣчнаго осужденія?

Сте-

Стефанъ. Безъ сомнѣнія слабы; сіе можетъ служить къ защищенію отъ грызѣнія совѣсти тогда, когда бываютъ въ щастливомъ состояніи, и сердце ожесточить противъ всякаго добраго совѣта, естьли Богъ уже кого оставилъ въ развращеніи его. Но ахъ! безбожныя мысли, ученія и мнѣнія должны изчезнуть и пропасть, когда Богъ вдругъ посѣщаетъ душу грѣшника за грѣхи его болѣзнію. Миляхъ въ двенатцати жилъ отъ насъ одинъ человѣкъ, которой столько утвердился въ безбожныхъ своихъ мнѣніяхъ, что дерзнулъ написать книгу противъ Божественной важности Святаго Писанія, хотя я и не знаю, была ли она когда нибудь напечатана. Спустя нѣсколько времени, поразилъ его Богъ болѣзнію, отъ которой онъ и умеръ. Занемогши же и разсматривавши прежнія свои дѣла, вспомнилъ онъ и о написанной имъ книгѣ и о причиненномъ ею злѣ, что такъ терзало совѣсть его, какъ терзаетъ левъ маленькаго козленка. Такимъ образомъ лежалъ онъ на смертномъ одрѣ своемъ въ смущенномъ состояніи, въ тоскѣ и мученіи совѣсти своей. Нѣкоторые изъ друзей его пришли его посѣтить, а онъ въ одинъ день, бывши въ своей комнатѣ,

потребовалъ пера, чернилъ и бумаги, и написалъ слѣдующее: *Я* N. N. *живущій въ городѣ семъ, долженъ итти въ адской огнь; ибо я написалъ книгу противъ Іисуса Христа* и Св. Писанія. Онъ тогда же выпрыгнулъ бы изъ окошка дома своего, дабы самаго себя лишить жизни, естьли бы въ томъ ему не помѣшали. Но онъ на одрѣ своемъ умеръ такою смертію, какою страшился онъ умереть. Хорошо бы было, естьли бы другіе никогда не забывали приключенія сего.

Гай. Это примѣчанія достойная повѣсть.

Стефанъ. Конечно; притомъ же она столь истинна, сколь и примѣчанія достойна. Исторію сію слышалъ я отъ такого, которому я повѣрить могу, и которой видѣлъ то своими глазами и слышалъ своими ушами. Онъ также вмѣстѣ съ другими схватилъ его за руки и держалъ, когда онъ побѣжалъ къ окошку, чтобъ лишить себя жизни.

Гай. Ты уже сказалъ мнѣ, какъ мыслилъ *Кватъ* о состояніи своемъ; и такъ пожалуй скажи мнѣ и то, какъ поступалъ онъ тогда во всѣхъ другихъ отношеніяхъ?

Стефанъ. Какъ поступать ему? Онъ дѣлалъ тогда много такого, чего

бы

бы онъ, какъ я увѣренъ въ томъ, никогда не сдѣлалъ, и чего бы жена и дѣти его не могли ожидать отъ него. Въ сей болѣзни весьма перемѣнились его мысли въ разсужденіи жены его; говорю, что перемѣнились его *мысли*, т. е. сколько изъ словъ и поступковъ его съ нею примѣтить было можно: ибо тогда называлъ онъ ее женою благочестивою и богочестивою, своимъ сердцемъ, своею возлюбленною, своимъ сокровищемъ; тогда говорилъ онъ, что она всего лучше дѣлала то, что вела весьма богобоязливую жизнь, которая ее утѣшать могла: но что его безпутная и злочестивая жизнь безпрестанно теперь у него передъ глазами; тогда признавался онъ, что совѣтъ, часто ею ему даванной, былъ весьма спасителенъ, хотя онъ и былъ такъ золъ, что ее не слушалъ.

Тогда охотно хотѣлъ онъ слушать рѣчи ея, и лежа на постели, воздыхалъ, слушая ее говорящую; тогда приказывалъ онъ ей, чтобы она за него молилась, дабы онъ освободился отъ ада.

Также позволялъ онъ приходить къ себѣ и нѣкоторымъ изъ ея благочестивыхъ проповѣдниковъ, дабы утѣшать его, и по видимому оказывалъ имъ, когда

гда приходили они, много дружбы; ибо онѣ говорилѣ сѣ ними ласково, и весьма прилѣжно слушалѣ разговоры ихѣ; но не хотѣлѣ только терпѣть того, чтобы они много говорили о злѣ прежняго его рода жизни; ибо совѣсть его и безѣ того уже довольно тѣмѣ мучилась. Тогда ни одинѣ разѣ не пожелалѣ онѣ видѣться сѣ прежними своими пріятелями; ибо и одно помышленіе о нихѣ мучило его. Тогда весьма ласково обходился онѣ и сѣ тѣмѣ ребенкомѣ, которой слѣдовалѣ слезамѣ матери своей, хотя прежде не могѣ онѣ и видѣть его.

Также просилѣ онѣ благочестивыхѣ людей, чтобы они за него молились Богу, да пощадитѣ Онѣ еще его изѣ милости Своей, обѣщаясь, естьли онѣ опять получитѣ здравіе, быть совсѣмѣ новымѣ человѣкомѣ противѣ Бога, и весьма благосклоннымѣ мужемѣ противѣ жены своей; онѣ не только хотѣлѣ давать ей свободу, но и самѣ обѣщалѣ ходить сѣ нею для слушанія ея проповѣдниковѣ, и такимѣ образомѣ намѣренѣ былѣ сѣ нею купно итти кѣ небу.

Гайй. Онѣ былѣ вѣ весьма хорошемѣ состояніи, и я увѣренѣ, что жена его была тому очень рада.

Сте-

Стефанъ. Конечно; да и не только жена его, но купно съ нею и многіе благочестивые люди. По всему городу пронесся слухъ, что *Кватъ* совсѣмъ перемѣнился. Вездѣ говорили, какъ онъ скорбитъ о грѣхахъ своихъ, какъ онъ полюбилъ жену свою, какъ онъ проситъ благочестивыхъ людей за себя молиться, дабы Богъ еще продлилъ жизнь его, и что онъ дѣлаетъ обѣщанія Богу, естьли прервётъ Онъ болѣзнь его и опять даруетъ ему здоровье, быть новымъ и кающимся человѣкомъ въ разсужденіи Бога, и любящимъ мужемъ въ разсужденіи своей жены.

Проповѣдники молились, а благочестивые люди радовались, и думали, что они дѣйствительно вырвали человѣка изъ когтей діавола; даже нѣкоторые не усомнились сказать и того, что Богъ низпослалъ благодать въ сердце его. Ты не можешь вообразить себѣ, какъ легко повѣрила тому благочестивая жена его, какъ она радовалась и надѣялась; ибо ей было то весьма пріятно. Но ахъ! въ короткое время все перемѣнилось.

Не встававши нѣсколько времени съ постели, болѣзнь его начала уменьшаться, и ему гораздо стало лучше, такъ

что онъ въ короткое время получилъ опять здоровье, могъ встать съ постели и возъимѣлъ хорошій аппетитъ. Тогда весьма внимательными сдѣлались благочестивая жена его и добродушные друзья ея, желая видѣть, что будетъ съ *Кватомъ*, и какъ исполнитъ онъ обѣщаніе свое, быть новымъ человѣкомъ противъ Бога, и благосклоннымъ мужемъ противъ жены своей. Но они увидѣли совсѣмъ противное; ибо какъ скоро получилъ онъ надежду, что будетъ ему опять лучше, и ощутилъ, что онъ начиналъ нѣсколько быть тверже: то миновалась и тоска сердца его, и робость и страхъ сдѣлались для него столь же чуждыми, какъ и прежде.

Да я и никакъ сему не удивляюсь, думая, что одною изъ причинъ тому, что онъ позабылъ весь страхъ, причиненной ему болѣзнію, и не сдѣлался лучшимъ прежняго, были нѣкоторыя слова, сказанныя лечившимъ его докторомъ, когда нѣсколько начинало ему быть лучше. Когда почувствовалъ онъ облегченіе, то пришелъ къ нему докторъ, сѣлъ подлѣ него и началъ съ нимъ говорить; разговоръ коснулся также до естества и свойства его болѣзни,

и между прочимъ говорили они нѣсколько и о внутреннемъ *Кватовомъ* безпокойствіи, о трепетаніи его на постелѣ, и о страхѣ его, когда болѣзнь его мучила, и когда ему казалось, будто бы уже онъ въ адъ низвергнуться долженъ. Докторъ говорилъ, что всѣ сіи безпокойствія, сердечная тоска и крикъ происходили только отъ его смятенія и замѣшательства, и что въ болѣзни часто бываетъ такая слабость; ибо больной не можетъ спать, пары входятъ въ его голову, обнимаютъ и затмѣваютъ мозгъ; но коль скоро вы опять, говорилъ докторъ, начали спать, толь скоро нашлось спокойствіе, тогда сдѣлалось вамъ, государь мой, лучше, голова утихла, и вы освободились отъ всѣхъ сихъ фантазій.

Въ самомъ ли дѣлѣ это такъ? думалъ *Кватъ*. И такъ скорбь моя и сердечная тоска происходили отъ моей слабости и болѣзни, отъ того, что густые пары всходили въ мозгъ? Это вѣрно; докторъ былъ единственнымъ моимъ спасителемъ. Такимъ образомъ не заботился онъ о службѣ Божіей, но паки предался міру, его вожделѣніямъ и злому обществу, чѣмъ и кончилось все обращеніе его.

Гайй.

Гай. Я такъ и думалъ, примѣтивши изъ повѣствованія твоего, что истинныхъ знаковъ обращенія онъ не показывалъ, и что всѣ дѣйствія его, которыя ты еще нѣкоторымъ образомъ улучшивалъ, бываютъ производимы и самыми отверженными.

Стефанъ. Ты сказалъ правду; ибо и тогда, когда былъ онъ наичувствительнѣйшимъ, не разсматривалъ онъ точно нечестивое свое сердце; только вина грѣховныхъ дѣлъ его была у него передъ глазами, а сіе было и съ *Каиномъ*, *Фараономъ*, *Сауломъ*, *Іудою* и другими отверженными. Быт. гл. 4. ст. 13. 14. Исх. гл. 15. ст. 24 Матѳ. гл. 27. ст. 3. 4. 5.

Сверьхъ того главнѣйшее желаніе его стремилось къ тому, чтобъ быть искупленнымъ отъ ада (а кто не желаетъ сего?), и чтобы жизнь его въ мірѣ продолжена была. Мы изъ всѣхъ его словъ и дѣлъ не примѣчаемъ, чтобы желалъ онъ мира Спасителя Іисуса Христа, по ощущенію, что правдою Его нужно прикрыться и духомъ Его освятиться.

Онъ надѣялся все на собственную свою силу и крѣпость, и совсѣмъ не видѣлъ невѣрности сердца своего. Естьли бы былъ

онъ

онѣ не таковѣ, то онѣ никогда бы Богу толь свободно не обѣщалѣ исправленія своего; но скорѣе бы постращился, чтобы, естьли будетѣ ему лучше, не сдѣлаться подобнымѣ псу, пожирающему изблеванное имѣ. Онѣ бы долженѣ былѣ просить о заступленіи святыхѣ, дабы вкусить помощь небесную, и собственно на тотѣ конецѣ, чтобѣ быть соблюденнымѣ отѣ подобныхѣ грѣховѣ.

Правда, что онѣ просилѣ молиться за себя благочестивыхѣ людей, но такѣ поступалѣ и *Фараонѣ* сѣ *Моисеемѣ* и *Аарономѣ*, и *Симонѣ* волхвѣ сѣ *Петромѣ*. Исх. гл. 9. ст. 28. Дѣян. гл. 8. ст. 24.

Онѣ по видимому также перемѣнился и вѣ разсужденіи своей жены и благочестивыхѣ дѣтей. Но сіе сдѣлалось болѣе по увѣренію, которое Богѣ далѣ ему уразумѣть, что состояніе ихѣ было гораздо щастливѣе его, по причинѣ истинной любви кѣ дѣлу Божію, которая вѣ нихѣ была. Казалось правда, что онѣ оказывалѣ имѣ нѣкоторые признаки своей кѣ нимѣ любви; но такое чувство было и вѣ ономѣ богатомѣ человѣкѣ, вѣ разсужденіи пяти братій его, которые были еще вѣ мірѣ, когда уже онѣ лежалѣ вѣ адѣ; вѣ немѣ столько было кѣ

нимъ любви, что онъ желалъ имъ быть въ небѣ и не попасть въ мѣсто мученія.

Гайй. Обращеніе въ болѣзни рѣдко можетъ быть полезно.

Стефанъ. Въ семъ ты правъ; оно точно рѣдко приноситъ какую нибудь пользу. Смерть естеству весьма не пріятна, и обыкновенно, когда болѣзнь и смерть посѣщаютъ грѣшника; когда одна беретъ его въ свои объятія, а другая дожидается его передъ дверями его спальни: начинаетъ онъ осматриваться и думать самъ въ себѣ такъ: смерть приведетъ *меня* къ Богу; *а я* знаю, что жизнь моя была не *такова*, *какова* бы она быть долженствовала: и такъ какъ дерзну я явиться предъ Бога? Или сіе обращеніе въ болѣзни есть только разсматриваніе наказанія и мѣста наказанія грѣшника, коего нечистая совѣсть, пробужденная страшнымъ образомъ смерти, стоящей предъ дверію, заставляетъ его трепетать отъ ужаса.

Обыкновенно только бываетъ сіе причиною обращенія на одрѣ тѣлесной скорби, то есть, къ тому побуждаемы бываютъ желаніемъ освобожденія отъ ада и смерти; желаніемъ того, чтобы Богъ возвратилъ паки здравіе, дабы можно

было

было исправиться, заключая въ самихъ себѣ, что исправить себя можно собственною своею силою; что довольно ясно видѣть можно изъ великихъ и чрезмѣрныхъ обѣтовъ, ими на себя налагаемыхъ.

Я много зналъ такихъ, которые, когда были больны, великое оказывали раскаяніе, и пока продолжалась болѣзнь ихъ, весьма много о томъ было слуха и рѣчей. Но ахъ! долго ли сіе продолжалось? Часто едва ли продолжалось сіе и до того времени, какъ больной выздоравливалъ. Тогда паки все исчезало, подобно дыму и пару; послѣ уже никогда о томъ и воспоминаемо не было. Но о такомъ раскаяніи и обращеніи говоритъ Осія слѣдующее, гл. 7. ст. 14: *И не возопиша ко мнѣ сердца ихъ, но плакахуся на ложахъ своихъ.*

Гаій. Изъ сего можно видѣть, сколь отчянно зло есть сердце человѣческое; ибо что иное есть сіе, какъ не отчаянное злочестіе, чтобы Богу дѣлать великія обѣщанія, въ разсужденіи исправленія, естьли Онъ еще нѣсколько продолжитъ жизнь; а послѣ тотчасъ, когда только будетъ лучше, или спустя послѣ того нѣсколько времени, впасть въ грѣхи, такъ

какъ и прежде, и ни одинъ разъ не вспомнить уже объ обѣщаніяхъ своихъ?

Стефанъ. Сіе конечно есть безуміе. Второз. гл. 28. ст. 34. 35. Ибо они должны знать, что Богъ внимаетъ ихъ обѣщанію; что Онъ слышитъ произносимыя ими слова, и сохраняетъ ихъ у Себя до будущаго времени, въ которое паки сыщетъ Онъ ихъ, и покажетъ имъ, что они лицемѣрствовали передъ Нимъ устами своими, когда были больны, и, по мнѣнію ихъ, лежали на одрѣ смертномъ, вѣщавши къ Нему, что они обратятся и исправятъ *пути свои*, естьли Онъ изцѣлитъ ихъ. Такъ поступилъ и *Кватъ* нашъ: онъ дѣлалъ великія обѣщанія, что онъ будетъ *новымъ человѣкомъ*, оставитъ грѣхи свои, обратится, будетъ любить богобоязливую жену свою и тому подобное. Нашъ *Кватъ* много наговорилъ изящныхъ и благихъ словъ, когда былъ боленъ; но надѣлалъ много злыхъ и ненавистныхъ дѣлъ, когда опять выздоровѣлъ.

Гайй. Какъ же приняла сіе благочестивая жена его, видя, что никакого не послѣдовало исправленія, но что онъ сдѣлался подобнымъ *псу, пожирающему паки выблеванное имъ, и началъ жить опять по старому?* *Сте-*

Стефанъ. Какъ ей принять? Сіе было для нее гораздо нечаяннѣе обмана его въ ихъ бракѣ, и столько ее тронуло, что ей не возможно уже было снести. Ты долженъ знать, что она весьма много молилась о немъ Господу Богу во все время его съ нею злаго обхожденія. Но какъ въ болѣзни его овладѣла имъ великая тоска, и онъ весьма желалъ продолженія жизни, дабы было ему возможно исправить житіе свое: то бѣдная жена его подумала, что пришло уже то время, въ которое Богъ услышалъ молитву ея; да и друзьямъ своимъ сказала тоже. Но увидя, что она въ мнѣніи своемъ обманулась, и что мужъ ея опять началъ прежнюю свою жизнь, не могла она долѣе терпѣть, но впала въ великую робость и болѣзнь, отъ которой въ нѣсколько недѣль и испустила духъ свой.

Гайй. Ахъ! какимъ образомъ?

Стефанъ. Естьли спрашиваешь ты, какъ умерла она, то умерла она такъ, какъ Христіанка, исполнена будучи чрезъ Христа надежды на міръ будущій. Она много услаждительнаго говорила о томъ въ продолженіи болѣзни своей, и показывала посѣщавшимъ ее въ болѣзни много при-

мѣтъ и знаковъ блаженства своего. Мысли о своей смерти, а особливо о своемъ воскресенiи, были для нее весьма сладостными мыслями. Она желала смерти; ибо знала, что смерть будетъ ея другомъ. Она показывала себя такъ, какъ будто бы приготовлялась итти во срѣтенiе Жениху своему. *Теперь*, говорила она, *иду я къ спокойствiю отъ скорби, вздоховъ, слезъ, жалобъ и печалей. Теперь иду я въ великое собранiе всеобщаго собора перворожденныхъ, коихъ имена въ небѣ написаны. Тамъ буду я наслаждаться желанiемъ сердца моего; тамъ буду Ему служить безъ всякаго искушенiя и препятствiя; тамъ увижу я зракъ Iисуса моего, коего толико люблю, коему я служила, и о коемъ знаю я, что Онъ душу мою содѣлаетъ блаженною. Я часто молилась за мужа своего, дабы онъ обратился; но доселѣ еще молитва моя о семъ Богомъ не услышана. И такъ развѣ пропадетъ молитва моя? развѣ будетъ она забыта? развѣ она безъ дѣйствiя пребудетъ? Ахъ! нѣтъ! она достигла высоты олтаря златаго. Я буду наслаждаться благословенiемъ молитвы моей, когда пойду чрезъ врата, чрезъ кои идетъ народъ праведной, истину сохранявшiй. Я говорю, что я по-*

получу благословеніе. Я могу сказать то о мужѣ моемъ, что Давидъ сказалъ прежде о врагахъ своихъ: когда они больны были, я возложилъ на себя рубище, горе причинилъ себѣ постомъ, и молился все отъ сердца. Молитва моя не пропала, и слезы мои хранятся въ сосудѣ Божіемъ. Я весьмабы желала вымолить мужу моему и дѣтямъ моимъ, вступающимъ на стези его, вѣнецъ славы; но по видимому, должно мнѣ быть довольною тѣмъ, что имъ буду я только одна наслаждаться.

Гайй. Она публично это говорила?

Стефанъ. Нѣтъ, она говорила сіе только въ присутствіи двухъ, или трехъ изъ вѣрнѣйшихъ друзей своихъ, коимъ позволено было приходить къ ней, когда она лежала на одрѣ смертномъ.

Гайй. Пожалуй продолжай твою повѣсть; она весьма хороша, и я слушаю съ радостію. Сердце мое получаетъ отъ того услажденіе и ободреніе, что мы такимъ образомъ сидимъ подъ сѣнію древа и другъ съ другомъ разговариваемъ.

Стефанъ. Когда уже конецъ ея къ ней приближался, то позвала она къ себѣ мужа своего; и когда онъ пришелъ, то она сказала ему, что настало уже

то время, въ которое должно имъ другъ съ другомъ разлучиться. Богъ знаетъ, сказала она, да и ты знать долженъ, что я тебя сердечно любила и была вѣрною женою. Я весьма много молилась за тебя. Что же касается до дурныхъ твоихъ поступковъ со мною, то я всѣ ихъ прощаю тебѣ сердечно и произвольно, и буду до того времени молить за тебя Бога, пока еще въ мірѣ семъ не прервется дыханіе мое. Но, супругъ мой! я иду туда, куда никогда и никакой злой мужъ не достигнетъ; и естьли ты не обратишься, то уже болѣе въ радости меня не увидишь. Не досадуй, что я говорю съ тобою такъ ясно; ты видишь во мнѣ умирающую свою супругу, и вѣрность моя къ тебѣ побуждаетъ меня оставить тебѣ слѣдующее увѣщаніе: прерви грѣхи свои, моли Бога о милосердіи; ибо отверсты еще врата благодати. Подумай, что придетъ такой день, въ которой ты, теперь веселящійся и забавляющійся, будешь лежать при вратахъ смерти, подобно какъ я теперь. И что ты дѣлать будешь, когда обрѣтешь тамо съ обнаженною душею Херувимовъ, пламенными мечами вооруженныхъ? Что будешь ты дѣлать тогда, когда смерть

и

и адъ посѣтятъ тебя, и ты будешь лежать въ грѣхахъ своихъ и подъ клятвою закона?

Гай. Какія сильныя убѣжденія! Но что отвѣтствовалъ на сіе *Кватъ*?

Стефанъ. Онъ всячески старался перервать такой разговоръ, обращая его къ иному предмету. Онъ оказывалъ къ ней нѣкоторую дружбу и соболѣзнованіе, и спрашивалъ ее, не хочетъ ли она чего нибудь, и произнося разныя слова, старался ее не слушать. Но какъ она увидѣла, что онъ не внимаетъ словамъ ея: то, произнеся великой вздохъ, съ тишиною легла на постелю свою. Послѣ того пошелъ онъ отъ нее, а она призвала къ себѣ дѣтей своихъ, дабы и съ ними поговорить еще. Сначала говорила она со злонравными, и представляла имъ опасность смерти, естьли прежде часа сего не ощутишь въ сердцѣ своемъ Божественной благодати. Она говорила и то, что смерть можетъ быть къ нимъ гораздо ближе, нежели онѣ думаютъ. Почему приказала имъ, чтобы онѣ, когда пойдутъ мимо кладбища, посмотрѣли, нѣтъ ли тамъ и маленькихъ гробовъ. Ахъ, дѣти! говорила она: развѣ не ужасаетъ васъ то, что мы еще только од-

нажды увидимъ другъ друга въ день судный, потомъ паки разлучиться должны будемъ, и уже никогда не увидимся? —— Сказавши сіе, начала она горько плакать, и дѣти также заплакали. Наконецъ опять начала она говорить: дѣти! я иду теперь отъ васъ, иду ко Іисусу Христу, у Котораго нѣтъ уже никакой скорби, ни воздыханій, ни болѣзней, ни слезъ, ни смерти. Сердечно бы я желала, чтобы и вы со временемъ тамъ были; но я не могу васъ туда преселить сама. Но естьли отъ грѣховъ своихъ обратитесь вы къ Богу, и отъ руки Его испросите благодать во Іисусѣ Христѣ: то вы мнѣ послѣдуете, и придете, когда умрете, также въ то мѣсто, куда я теперь иду, въ благословенное мѣсто спокойствія; тамъ будемъ мы вѣчно вмѣстѣ, и будемъ къ вѣчной нашей радости ясно зрѣть зракъ Искупителя.

Потомъ приказала она имъ, чтобъ онѣ помнили сіи слова умирающей ихъ матери, когда она хладною будетъ лежать во гробѣ, и когда онѣ во грѣхахъ распалятся; ибо слова сіи, можетъ быть, обуздаютъ недобродѣтель ихъ, воспомнятъ имъ о Богѣ и обратятъ ихъ.

Послѣ того всѣ онѣ ушли; но возлюб-

любленное ея дитя, которое сердце ея наиболѣе любило, ибо оно слѣдовало путямъ ея, осталося съ нею. Она обратилась къ нему, и говорила: поди ко мнѣ возлюбленнная отрасль моя! ты еси чадо радости; я дожила еще до того, что узрѣла тебя рабомъ Божіимъ: ты будешь имѣть жизнь вѣчную. Я, дражайшая часть сердца моего! иду прежде, а ты мнѣ послѣдуешь, естьли сохранишь только начало сего благаго основанія до конца; когда я испущу духъ мой, тогда ты вспомнишь о словахъ моихъ. Люби читать Библію, слѣдуй учителямъ моимъ, отвергни и оставь всякое злочестіе. Естьли придутъ времена тягостныя, то *Христа*, *слово Его*, *пути* Его и свидѣтельство доброй совѣсти предпочитай всему, что есть въ мірѣ. Будь покоренъ отцу своему, ибо онъ родитель твой; но не слѣдуй стезямъ его. Естьли ты захочешь итти въ какую нибудь службу, то сіе будетъ для тебя лучше, нежели бы ты навсегда остался дома; однако старайся избрать такую, которая бы могла ускорить шаги твои къ небу. А дабы войти въ сію службу, то посовѣтуйся съ духовникомъ моимъ, которой тебѣ поможетъ въ томъ, естьли только можно.

Я

Я хотѣлабы также, чтобы ты, любезной сынъ мой, любилъ братій своихъ и сестръ; однако не привыкай къ ихъ недобродѣтели и порокамъ. Не имѣй никакого сообщенія съ безплодными дѣлами тмы, но лучше старайся и ихъ отвлекать отъ оныхъ. У тебя благодать, а у нихъ ее нѣтъ; почему пути богочестія украшай въ ихъ глазахъ житіемъ богобоязливымъ, согласнымъ съ откровенною волею Божіею, дабы братья и сестры твои, увидѣвши сіе, ощутили болѣе веселія и удовольствія въ благихъ путяхъ Господа.

Естьли ты доживешь до того, что почувствуешь склонность къ женидьбѣ: то смотри, чтобы тебя, подобно мнѣ, не обманули красными словами и лестію лживыхъ устъ. Но болѣе всего будь увѣреннымъ въ богочестіи столько, сколько только можно, и въ семъ случаѣ не вѣрь ни глазамъ своимъ, ниже заключенію другихъ; я говорю, что будь увѣреннымъ въ богочестіи той особы, на которой думаешь ты жениться. Совѣтуйся съ благочестивыми и честными людьми; и естьли духовникъ мой будетъ еще живъ, то не дѣлай ничего безъ совѣта его; я также и его о семъ просила, и онъ обѣщалъ мнѣ имѣть о тебѣ попеченіе. —— Такимъ образомъ говорила она съ дѣтьми

ми своими, и поговоривши съ симъ последнимъ нѣсколько подолѣе, также и ему итти отъ себя приказала.

Коротко сказать, время ея приближилось, и насталъ тотъ день, въ которой она должна была умереть. При смерти душа ея исполнена была благодати, а сердце утѣшенія; блаженною смертію заключила она жизнь. Мужъ ея похоронилъ ее, и былъ можетъ быть радъ, что сбылъ ее съ рукъ. Но сіе мы оставляемъ, пока день суда нѣкогда откроетъ то.

Гайй. Женщина сія умерла весьма хорошо. И какъ теперь говоримъ мы о смерти Христіанъ, то долженъ я разсказать тебѣ одну исторію о такомъ человѣкѣ, которой за нѣсколько времени умеръ въ нашемъ городѣ, и которой былъ старецъ богочестивой и богобоязливой. Человѣкъ сей, живши долго и богочестиво, занемогъ, а наконецъ отъ сей болѣзни и умеръ. Когда онъ былъ при последнемъ издыханіи, то сказывала жена его, глаза которой были устремлены тогда на него, что ею слышима была мусикія, и притомъ толь усладительная, что подобной она во всю свою жизнь не слышала; что продолжалось до того

времени, пока онъ изпустилъ свой духъ. Когда же душа разлучилась съ тѣломъ, то казалось ей, что мусикія часъ отъ часу удалялась отъ ея дому, и наконецъ она ничего уже не могла слышать.

Стефанъ. Что, по мнѣнію твоему, сіе было?

Гайй. Я подумалъ бы, что это были поющіе голоса Ангеловъ, которые тогда низпосланы были Богомъ для того, чтобы взять его на небо.

Стефанъ. На сіе не могу я ничего инаго сказать, какъ то, что Богъ иногда въ дѣйствіяхъ своихъ, относящихся къ намъ бѣднымъ, смертнымъ человѣкамъ, отступаетъ отъ обыкновеннаго образа Своихъ дѣйствій. Сего я не могу сказать о женѣ *Кватовой*, но въ *сердцѣ* ея была лучшая мусикія, нежели слышанная ушами оной женщины.

Гайй. Я также это думаю; но пожалуй скажи мнѣ, были ли еще нѣкоторыя изъ дѣтей ея такія, которыя повиновались словамъ ея и исправили души свои?

Стефанъ. Одинъ только мальчикъ, которой и прежде подавалъ о себѣ надежду; о прочихъ же не могу я ничего сказать.

Гайй.

Гаій. КаковЪ сталЪ *КватЪ* послѣ смерти жены своей?

СтефанЪ. ОнЪ былЪ таковЪ же, какЪ и прежде. ОнЪ едва четырнатцать дней носилЪ печьльное платье, да и то еще, думаю я, болѣе по благопристойности, нежели по сердцу.

Гаій. Но не говорилЪ ли онЪ когда нибудь о женѣ своей послѣ ея смерти?

СтефанЪ. ГоворилЪ, когда что нибудь подавало ему кЪ тому поводЪ, и весьма хвалилЪ ее, говоря, что она была благочестивая, богобоязливая и добродѣтельная жена. Но сему не весьма должно удивляться; ибо обыкновенно злочестивые ненавидятЪ рабовЪ БожіихЪ во время жизни ихЪ, а хвалятЪ ихЪ тогда, когда они умрутЪ. ТакЪ Фарисеи поступали сЪ Пророками. Гл. 23. ст. 29. 30. 31. Они прославляли умершихЪ ПророковЪ, а живущихЪ еще презирали и осуждали.

Гаій. Но не скоро ли *КватЪ* опять женился?

СтефанЪ. НѣтЪ, онЪ женился по прошествіи многаго времени. И когда спрашивали у него, для чего онЪ не женится, то презрительно отвѣтствовалЪ онЪ, что кто захочетЪ держать корову, когда за полушку можно купить много моло-

молока? Мнѣніе его было таково: кто захочетъ взять на себя такую тягость, чтобъ жениться, естьли можетъ онъ пользоваться благосклонными красавицами, когда только захочетъ? Нечестивымъ и мерзостнымъ пребывалъ онъ и послѣ смерти жены своей Наконецъ нашлась такая женщина, которая для него была весьма проворна и весьма хитра; ибо когда она заманила его на нѣкоторое время къ себѣ и напоила его пьянымъ: то была столь хитра, что получила отъ него обѣщаніе брака; въ чемъ она такъ твердо стояла, что принудила его на себѣ жениться, бывши, подобно ему, искусною во всѣхъ злочестіяхъ и коварствахъ. У ней такое же было общество, какъ и у него, съ которымъ она въ питейныхъ домахъ и трактирахъ веселилась болѣе, нежели ему то извѣстно было. Ясно сказать, она была блудница, и столько имѣла любовниковъ, приходившихъ къ ней въ назначенное время и мѣсто, сколько только подобныя ей имѣть могутъ. Хотя и онъ сіе примѣтилъ, однако онъ не зналъ, что ему дѣлать было должно. Ибо когда начиналъ онъ о томъ говорить, то она тотчасъ представляла ему множество блудницъ, съ ко-

которыми, какъ то ей извѣстно было, онъ былъ въ дружбѣ, и обильно осыпала его злыми желаніями и проклятіями, произносивши *клятву* за *клятву*, и *проклятіе* за *проклятіе*, желая, чтобы онъ опился и пр.

Гай. Сіи дѣла суть дѣла такія, отъ коихъ Богъ отвращаетъ лице Свое.

Стефанъ. Это конечно такъ, однако Богъ и не всегда оставляетъ ихъ въ сей жизни безъ наказанія; я уже прежде нѣчто говорилъ о томъ, и долженъ еще теперь привесть тому два доказательства.

Въ 1551 году, говоритъ Г. Кларкъ, жилъ въ одномъ городѣ въ Савоіи нѣкоторой человѣкъ, которой былъ ужасной любитель клятвы и божбы; и хотя онъ часто получалъ за то наказанія и увѣщанія, однако никакъ не хотѣлъ исправиться. Напослѣдокъ начала въ ономъ городѣ свирѣпствовать великая язва, и онъ, оставя городъ, уѣхалъ въ деревню. Тамъ паки былъ онъ увѣщаемъ ко оставленію своего злочестія, но сердце его тѣмъ болѣе ожесточилось, такъ что онъ началъ болѣе произносить заклинаній и хулить Бога, и самъ себя отдалъ діаволу. Что же послѣдовало? Послѣ то-

то вдругъ овладѣлъ имъ духъ погибели и низвергнулъ его въ бездну вѣчнаго злополучія, такъ что ударъ жена и дѣти его ясно видѣть могли. Погибель сего нещастнаго привлекла вниманіе и тамошняго начальства, равно какъ и многихъ тутошнихъ жителей.

Гаій. Хотя Богъ поступаетъ такъ не съ каждымъ посрамляющимъ и злоупотребляющимъ имя Его, и хотя такихъ людей не вдругъ на мѣстѣ постигаетъ судъ Божій: однако Онъ другими средствами дѣлаетъ имъ жизнь ихъ горькою и тягостною.

Стефанъ. Конечно такъ; а дабы доказать сіе, то посмотримъ только на *Квата* и жену его, которыхъ заклинанія и проклятія кончились не словами, но они дрались и нападали другъ на друга такъ, какъ злобныя Фуріи. Въ семъ должно замѣтить наказывавшую его руку Божію. Прежде у него была жена благочестивая; но какъ она ему не нравилась, то Богъ ее у него и отнялъ; а далъ ему такую, которая въ злобѣ ему самому не уступала. Такимъ образомъ послѣдняя его жена мѣрила ему тою же мѣрою, которою онъ мѣрилъ первой

вой женѣ своей. Симъ наказанiемъ Богъ часто посѣщаетъ злочестивыхъ. Такъ говоритъ Амосъ Амасiи. Ам. гл. 7. ст. 17: *Сего ради глаголетъ Господь, жена твоя во градѣ соблудитъ.* Съ сею послѣднею женою жилъ *Кватъ* довольно времени; но, какъ я и прежде упомянулъ, жилъ онъ съ нею весьма мучительно. Тогда-то началъ онъ печалиться о смерти первой жены своей, не по любви къ ея богочестiю, ибо онъ не могъ терпѣть сего; но потому, что она всегда бывала дома, а сiя напротивъ того никогда. Первая его жена была благочестива и вѣрна, а послѣдняя была блудница; первая жена любила о всемъ совѣтоваться, а сiя послѣдняя, подобно ему, не терпѣла того; первая молчала, когда онъ ее бранилъ, и могла съ терпѣнiемъ и кротостiю сносить худые его съ нею поступки, но сiя платила словомъ за слово, ударомъ за ударъ, и клятвою за клятву, такъ что *Кватовы* обстоятельства совсѣмъ перемѣнились, и Богъ восхотѣлъ показать ему злочестiе собственныхъ дѣлъ его въ злочестiи жены его. Но все сiе не принесло никакой пользы; онъ былъ *Кватомъ*, и остался *Кватомъ.* Сей судъ ничѣмъ не исправилъ

 его,

его, ни въ разсужденіи Бога, ни въ разсужденіи ближняго.

Гаій. *Квату* безъ сомнѣнія хотѣлось, чтобъ сія жена его умерла поскорѣе.

Стефанъ. Что онъ думалъ, того я сказать не могу; но ему было не много на то надежды. Онъ зналъ, что жена его держала его въ сѣтяхъ, и онъ охотно бы хотѣлъ изъ нихъ выпутаться, естьли бы могъ. Онъ зналъ прежде, что она была блудница, и слѣдственно никакъ не могъ онъ увѣрить себя въ щастливой съ нею жизни; ибо кто не вѣренъ собственной душѣ своей, тотъ не будетъ вѣрнымъ и супружеству. Ему же извѣстно было, что она собственной душѣ своей не была вѣрною, слѣдственно и не могъ онъ надѣяться, чтобы она была вѣрною и ему. Она не хотѣла его освободить прежде, пока не далъ онъ обѣщанія на бракъ съ нею; а получивши отъ него сіе, принудила она его на себѣ жениться. О жизни же ихъ послѣ ихъ брака я уже тебѣ разсказывалъ.

Гаій. Но имѣли ли сосѣди вниманіе къ сей перемѣнѣ, постигшей *Квата*?

Стефанъ. Безъ сомнѣнія; не только многіе изъ сосѣдей благочестивыхъ, но и многіе изъ тѣхъ, которые были только

люди

люди плотскіе, говорили: правосудіе Божіе наказываетъ его за худыя его слова и поступки съ первою женою. Ибо всѣ они увѣрены были, что первая его жена была добродѣтельна, и что онъ былъ виною ея смерти; я не хочу сказать того, чтобъ вина сія состояла въ иномъ чемъ, кромѣ недостатка въ его любви къ ней.

Гай. Какъ же долго жили они вмѣстѣ?

Стефанъ. Около четырнатцати, или шестнатцати лѣтъ до того, пока они все (ибо она также нѣсколько принесла съ собою имѣнія) промотали и сдѣлались нищими. Да какъ же этому было и не случиться? Онъ хотѣлъ *стремиться своимъ путемъ*, а она *своимъ*; онъ хотѣлъ быть въ своемъ обществѣ, а она въ своемъ; онъ хотѣлъ веселиться съ своими сладострастными пріятелями, а она съ своими. —— Такимъ образомъ все съ ними погибло.

Гай. Ахъ, другъ мой! какою же болѣзнію умеръ *Кватъ*? ибо я примѣчаю, что мы дошли до его смерти.

Стефанъ. Я собственно не могу сказать того, чтобы онъ умеръ какою нибудь болѣзнію; ибо многія мученія совокупились для того, чтобы ускорить конецъ его. Онъ получилъ *водяную болѣзнь*,

а сладострастіе его доставило ему и *подагру*. Нѣкоторые же говорятъ, что онъ довольно захватилъ и дурной болѣзни. Но главнѣйшая изъ всѣхъ сихъ провозвѣстницъ смерти, нападшихъ на него, дабы лишить его жизни, была сухотка, или чахотка; ибо сія-то болѣзнь и во гробъ его вогнала.

Гаій. Хотя я о семъ и ничего особливаго сказать не хочу, ибо и самые благочестивѣйшіе люди могутъ умереть отъ чахотки, водяной болѣзни и подагры, да и всѣ сіи болѣзни могутъ соединиться для прекращенія жизни человѣческой: однако скажу опять и то, что сіи болѣзни обыкновенно произходятъ отъ неумѣреннаго употребленія вещей; пьянство производитъ водяную болѣзнь, чахотку, подагру и многія другія болѣзни. Я сомнѣваюсь, чтобы смерть *Кватова* пришла не прежде времени; ибо онъ самъ слишкомъ много предавался позволенному и непозволенному употребленію вещей. Заключеніе сіе основываю я на твоемъ повѣствованіи о его жизни.

Стефанъ. Я увѣренъ, что не нужно тебѣ отказываться отъ своего мнѣнія. Многіе думаютъ, что онъ погубилъ себя виномъ и блудодѣйствіемъ. Онъ былъ не старъ, когда умеръ; по естеству своему не

былъ

былъ онъ также и слабъ, но былъ твердъ и сложенія здороваго, хотя онъ и сдѣлался худымъ и въ могилу пошелъ изсохшимъ. Послѣ же смерти его сдѣлало его отвратительнымъ [я разумѣю его имя и всякое о немъ воспоминаніе] единственно то, что онъ умеръ съ нездравою душею; умеръ такъ, какъ умираетъ такой человѣкъ, котораго жизнь была исполнена грѣховъ, и котораго смерть была отдалена отъ обращенія.

Гай. Это были такіе знаки срама, которые были достаточны къ произведенію къ нему отвращенія.

Стефанъ. Сіе истинно, да сіе такъ и сдѣлалось; ибо никто не могъ говорить о немъ, когда онъ умеръ. Имя его содѣлалося смердящимъ на землѣ, и трупъ его изсохъ подъ землею такъ, какъ гласитъ ученіе Соломоново, Пр. гл. 10. ст. 7: *Память праведныхъ съ похвалами, имя же нечестивыхъ угасаетъ.* Сей текстъ исполнился въ обѣихъ частяхъ, какъ на *Квитѣ*, такъ и на первой женѣ его, которой имя цвѣтетъ еще и до сего дня, хотя уже послѣ смерти ея прошло и семнатцать лѣтъ. Напротивъ же того его имя начинаетъ тлѣть и быть

 смрад-

смраднымъ, хотя еще послѣ его смерти не прошло и семнатцати дней.

Гай. Естьли умираетъ такой человѣкъ, котораго жизнь была исполнена грѣховъ, и котораго сердце чуждо было раскаянія, хотя умираетъ онъ и хорошею болѣзнію [естьли только есть какая нибудь болѣзнь, которую такъ назвать можно]: то я увѣряю тебя, что имя такого человѣка будетъ смраднымъ какъ на небѣ, такъ и на землѣ.

Стефанъ. Это правда; и по сему-то смрадно имя Каина, Фараона, Саула, Іуды и Фарисеевъ; хотя послѣ кончины ихъ и прошло болѣе тысячи лѣтъ, однако міръ такъ еще свѣже обоняетъ имя ихъ, какъ будто бы они только теперь умерли.

Гай. Въ семъ я совершенно съ тобою согласенъ; но какъ ты, государь мой, говоришь, что онъ умеръ безъ покаянія, то пожалуй докажи мнѣ сіе; не для того, чтобы я совершенно въ семъ сомнѣвался и не вѣрилъ утвержденію твоему, но для того, что я люблю слушать вѣрныя доказательства въ такихъ важныхъ дѣлахъ.

Стефанъ. Сказавши, что онъ умеръ безъ обращенія, сказалъ я такъ, какъ

могли заключить о семъ знавшіе его, сравнивая жизнь и смерть его съ словомъ Божіимъ.

Гай. Это хорошо; ибо они выбрали лучшую дорогу къ узнанію, обратился ли и раскаялся ли онъ, т. е. судя по внѣшности. Но скажи мнѣ, чѣмъ они доказываютъ, что онъ не покаялся?

Стефанъ. Первымъ доказательствомъ сего можетъ быть то, что во все время болѣзни своей не разсматривалъ онъ грѣхи свои и ихъ не ощущалъ; но былъ такъ безпеченъ и покоенъ, какъ будто бы онъ во всю жизнь свою не сдѣлалъ никакого грѣха.

Гай. Я долженъ признаться, что сіе было знакомъ его нераскаянія; ибо какъ можно кому нибудь раскаяваться въ томъ, чего онъ никогда не видѣлъ и не ощущалъ? Но чудно, что онъ не ощущалъ и не видѣлъ грѣховъ своихъ, видѣвши и ощущавши уже злобу свою прежде, а имянно въ прежней болѣзни своей.

Стефанъ. Тогда, какъ сказалъ я, былъ онъ такъ безпеченъ, какъ будто бы былъ безъ грѣха, какъ будто бы былъ Ангеломъ, не взирая на то, что каждому извѣстно было, что онъ былъ грѣшникомъ; ибо грѣхи свои носилъ онъ на

челѣ своемъ. Безпутная и злая жизнь его была каждому извѣстна и явна, но доброе его имя никому не свѣдомо было; ибо оно ему не принадлежало. А причиною тому, что онъ не видѣлъ и не ощущалъ грѣховъ своихъ, было то, что онъ тогда не тронутъ былъ тѣмъ ощущеніемъ, которое его въ прежнюю его болѣзнь, казалось, трогало. Онъ не имѣлъ охоты сохранить то познаніе, которое онъ тогда имѣлъ о Богѣ, и которое открывало ему грѣхи его; почему Богъ и предалъ его развращенному его разуму, къ ожесточенію и оглушенію духа. Такимъ образомъ исполнилось на немъ Пророчество, Ис. гл. 6. ст. 10: *Очи своя смѣжиша, да не когда узрятъ очима.* И въ посланіи къ Римлянамъ въ гл. 11. ст. 10. сказано также: *Да помрачатся очи ихъ, еже не видѣти.* Ахъ! естьли человѣкъ живетъ во грѣхахъ своихъ, и оставляя міръ, не оказываетъ о томъ никакого раскаянія: то сіе есть самое ужаснѣйшее наказаніе, какое только можетъ встрѣтиться человѣку.

Гайй. Но хотя, государь мой, мы оба согласны въ томъ, что безъ познанія и ощущенія не можетъ быть истиннаго покаянія, однако это только однѣ

слова;

слова; лучше постараемся доказать то изъ Писанія.

Стефанъ. Это весьма легко. Три тысячи обращенныхъ, о которыхъ говорится въ Апостольскихъ Дѣяніяхъ, покаялись истинно, почувствовавши и узрѣвши прежде грѣхи свои. Павелъ не покаялся прежде, пока не увидѣлъ и не ощутилъ грѣхи свои. Дѣян. гл. 9. Такъ случилось и съ темничнымъ надзирателемъ. Дѣян. гл. 16. Да и какъ иначе быть тому? ибо въ чемъ долженъ человѣкъ раскаяваться, или оказывать раскаяніе? Отвѣтствуется: онъ долженъ раскаяваться въ своихъ грѣхахъ. Но что такое раскаяваться въ грѣхѣ? Должно отвѣтствовать: смущаться и отвращаться отъ онаго. Пс. 37. ст. 18. Но какъ человѣкъ можетъ притти въ смущеніе отъ того, чего онъ никогда не видѣлъ и не ощущалъ? Давидъ не только согрѣшилъ, но и пребывалъ не раскаявшимся во грѣхѣ своемъ до того времени, какъ Пророкъ Наѳанъ былъ посланъ къ нему отъ Бога, дабы привесть его къ познанію и ощущенію грѣха своего. Іовъ воззвалъ къ Богу, въ разсужденіи своего раскаянія, такъ: *Не учи мя нечествовати: и почто мя сице судилъ еси?* гл. 10. ст. 2. И паки:

паки: *Безъ мене узрю, Ты покажи ми, аще неправду содѣлахъ, не имамъ приложити.* гл. 34. ст. 32. Т. е. я не хочу уже болѣе того дѣлать, чего неправда мнѣ извѣстна, ибо въ семъ бы сталъ я раскаяваться; также и того не буду дѣлать, чего я еще не знаю, естьли Ты мнѣ то покажешь. Таково было и раскаяніе Ефраимово, когда онъ позналъ и ощутилъ грѣхи свои, и когда наказанъ былъ за находившееся въ немъ зло. Іер. гл. 31. ст. 18. 19. 20.

Гайй. Сіи свидѣтельства достаточны къ утвержденію *сей истинны*; и по сему видно, что *Кватъ* (естьли точно дѣлалъ онъ тѣ злодѣянія, которыми его обвиняютъ) не раскаялся, но жилъ и умеръ во грѣхахъ. Ибо кто умираетъ безъ раскаянія, тотъ умираетъ во грѣхахъ; каждой грѣхъ пойдетъ съ нимъ въ могилу. Іов. гл. 20. ст. 11. Грѣхи воскреснутъ купно съ нимъ въ день суда, и будутъ висѣть на шеѣ у него подобно *цѣпямъ* и *связямъ*, Пр. гл. 5. ст. 22. въ которыхъ онъ будетъ стоять передъ судомъ Божіимъ, и которые не разлучны съ нимъ будутъ и тогда, когда онъ отъ судилища Божія отосланъ будетъ съ приговоромъ: *Идите проклятіи во огнь*

вѣч.

вѣчный, уготованный діаволу и аггеломъ его. Матѳ. Тогда будетъ совѣсть ихъ мучить и грызть подобно *червю, который никогда не умираетъ. Ис. гл.* 66. *ст.* 24. Марк. гл. 9. ст. 44.

Стефанъ. Истинно; но я къ сказанному тобою прибавлю еще нѣсколько словъ. Подобно какъ раскаяніе не раждается безъ познанія и ощущенія грѣховъ, такъ и не каждое познаніе и ощущеніе грѣховъ можетъ произвести его, ниже споспѣшествовать произхожденію онаго. Я думаю, что всякое познаніе и ощущеніе грѣховъ не можетъ споспѣшествовать раскаянію, стремящемуся къ блаженству. Ибо весьма еще живо помнимъ мы, что *Кватъ* въ прежней болѣзни своей и познавалъ и ощущалъ грѣхи, но познаніе и ощущеніе сіе изчезло, не произведши никакихъ плодовъ богочестія; изъ чего ясно также видно и то, что онъ былъ подобенъ псу, скоро опять пожирающему изблеванное имъ. Многіе люди думаютъ, что обращеніе состоитъ единственно въ признаніи грѣховъ, но они весьма обманываются; ибо, какъ уже и сказалъ я, раскаяніе есть разсужденіе о грѣхѣ и обращеніе отъ преступленій къ Богу посредствомъ Іисуса Христа. Но какъ то правда,

да, что не всякое познаніе и ощущеніе грѣха производитъ раскаяніе: такъ и раскаяніе не можетъ быть тамъ, гдѣ нѣтъ познанія и ощущенія грѣховъ. А что не каждое познаніе и ощущеніе грѣховъ споспѣшествуетъ раскаянію, а имянно такому раскаянію, которое стремится къ Богу, о которомъ теперь и говоримъ мы: то сіе весьма ясно видѣть можно на *Каинѣ*, *Фараонѣ*, *Саулѣ* и *Іудѣ*, которые ощущали, да и весьма ощущали грѣхи свои, но никакъ истинно не раскаялись, и жизнь свою не исправили. Изъ чего и заключаю я, что *Кватъ* умеръ безъ раскаянія, и слѣдственно смерть его была смерть злощастная.

Гаій. Но прежде окончанія разговора нашего о *Кватѣ*, пожалуй, любезный другъ, докажи мнѣ еще иначе, что онъ умеръ во грѣхахъ.

Стефанъ. Доказательствомъ тому можетъ быть еще и то, что онъ никакъ не желалъ истинно познать и ощутить грѣхи свои, и въ оныхъ истинно раскаяться. Но для чего говорю я, что онъ не желалъ познать и ощутить грѣхи свои? Я лучше сказать долженъ то, что онъ весьма желалъ пребыть въ покоѣ и безопасности; что и докажу я слѣдую-

слѣдующимъ образомъ: онъ не могъ терпѣть того, чтобы ему кто нибудь и что нибудь говорилъ о его грѣховной жизни; сіе же было истиннымъ средствомъ къ возбужденію въ душѣ его познанія и ощущенія, а слѣдственно и раскаянія. Но, какъ сказано, хотѣвшіе ему что нибудь говорить о злой жизни его, во время сей послѣдней болѣзни его, были ему столь же пріятны, какъ Илія Ахаву, которой сему шелъ во срѣтеніе, когда онъ хотѣлъ занять виноградъ *Навуѳеевъ*, и которому *Ахаавъ* сказалъ: *Обрѣлъ ли еси мя враже мой?* 3 Цар. гл. 21. ст. 17. Такимъ образомъ въ сердцѣ своемъ вопрошалъ онъ приходившихъ къ нему, хотя точно приходили они къ нему по любви, желая показать ему злую жизнь его, дабы онъ раскаялся и былъ умилосердованъ.

Гайй. Посѣщали ли его благочестивые люди во время послѣдней его болѣзни?

Стефанъ. Посѣщали тѣ, которые были въ дружбѣ съ первою его женою, желавши говорить съ нимъ, дабы онъ хотя при концѣ одумался и сталъ бы у Бога испрашивать милости.

Гайй. Они хорошо дѣлали, что посѣщали его хотя передъ его концемъ, же-

желавши еще избавить душу его отъ ада. Но почему же говоришь ты, другъ мой, что посѣщенія такія были ему непріятны?

Стефанъ. Потому, что онъ съ ними совсѣмъ поступалъ иначе, нежели какъ съ прежними своим товарищами, когда они его посѣщали, въ присутствіи которыхъ онъ ободрялъ себя по всей своей возможности какъ словами, такъ и тѣлодвиженіями. Онъ заводилъ съ ними веселой разговоръ и дружелюбно взиралъ на нихъ, хотя разговоры ихъ были не иные, какъ разговоры тѣхъ плотски мысливших людей, которые приходили посѣщать Давида въ болѣзни его. Пс. 40. ст. 7: *И вхождаше видѣти, всуе глаголаше сердце его, собра беззаконіе себѣ, изхождаше вонъ, и глаголаше вкупѣ.* Но такого рода разговоры были *Квату* пріятнѣе разговора людей благочестивыхъ.

Но я скажу тебѣ еще нѣчто особливое, относительно къ поступкамъ его съ сими благочестивыми людьми, и къ тому, какъ принималъ онъ разговоры ихъ, когда они его посѣщали. Онъ притворялся, какъ будто бы былъ въ обморокѣ, или уже и совсѣмъ изходитъ, когда усматривалъ ихъ. Онъ не удостоивалъ

валъ отвѣтомъ вопросы ихъ, которые иногда предлагали они ему для того, чтобы узнать мысли его о *грѣхѣ*, *смерти*, *адѣ и страшномъ судѣ*; но онъ либо совсѣмъ молчалъ, либо старался отвѣтомъ своимъ разговоръ обратить на что нибудь другое, или и совсѣмъ прервать; иногда же говорилъ, что слабость его не позволяетъ ему говорить. Онъ никогда не показывалъ удовольствія въ слушаніи ихъ, или въ разговорахъ съ ними; но радъ былъ, когда они уста свои затворяли. Онъ никогда не предлагалъ имъ вопросовъ о своемъ состояніи и свойствѣ будущаго міра, или о средствахъ, чрезъ которыя можно бы было ему избѣжать заслуженнаго имъ осужденія. Напослѣдокъ былъ онъ такъ безстыденъ, что велѣлъ женѣ своей и служителямъ своимъ сказывать онымъ благочестивымъ людямъ, когда они придутъ къ нему, что ему хочется немного заснуть; что безсонница привела его въ слабость; что онъ не можетъ терпѣть никакого шума; — что и продолжалось до того времени, какъ они напослѣдокъ уже скучились и перестали посѣщать его. Онъ такъ ожесточенъ былъ въ сей болѣзни своей, что, когда приходили къ нему товарищи его, могъ по-

поноситъ оныхъ благочестивыхъ людей, посѣщавшихъ его изъ любви къ нему и старавшихся обратить его. Когда благочестивые люди отъ него уходили, то онъ никогда не просилъ ихъ, чтобы они опять когда нибудь его посѣтили; что бесѣда ихъ ему пріятна, и что онъ любитъ слушать ихъ наставленія; нѣтъ! едва могъ онъ предлагать имъ какого нибудь питія для утоленія жажды, когда они отъ него итти хотѣли, или благодарить ихъ за ихъ бесѣду и наставленіе. Разговоръ его съ его товарищами относился всегда къ мірскому, какъ-то къ доходамъ, домамъ, дачамъ, знатчымъ людямъ, титуламъ, высокимъ степенямъ, внѣшнему щастію и благосостоянію, и прочимъ плотскимъ вещамъ. Изъ всего сего заключаю я, что онъ не желалъ познанія и ощущенія грѣховъ своихъ, дабы обратиться и быть блаженнымъ.

Тайй. Необходимо должно быть это такъ, какъ ты говоришь, естьли все сказываемое тобою правда; чему я легко повѣрить могу, никакъ не думая того, чтобы ты отважился о мертвомъ говорить ложь.

Сте-

Стефанъ. Я былъ однимъ изъ тѣхъ, которые его посѣщать ходили. Самъ я видѣлъ его тѣлодвиженія и поступки, и сказанное теперь мною есть истинное повѣствованіе.

Гай. Я оному весьма вѣрю; но пожалуй скажи мнѣ, естьли можешь, что говорится о такихъ людяхъ въ Словѣ Божіемъ?

Стефанъ. О человѣкѣ, которой противится обращенію и не хочетъ оставить грѣхи свои, дабы быть обращеннымъ и блаженнымъ; о такомъ человѣкѣ, говорю, сказано, что онъ къ Богу взываетъ такъ, Іов. гл. 22. ст. 17: *Что сотворитъ намъ Господь, или что нанесетъ на ны Вседержитель?* Такой человѣкъ въ сердцѣ своемъ и своими дѣлами говоритъ: *Возмужаюся, яко возлюби чуждихъ (грѣховъ), и въ слѣдъ ихъ хождаше.* Іер. гл. 2. ст. 25. Такой человѣкъ затворяетъ глаза свои, и затыкаетъ свои уши; духомъ своимъ противится Богу, и отвращается отъ Него. Зах. гл. 7. ст. 11. 12. Такой человѣкъ питаетъ вражду къ Богу, и отметаетъ Его душею своею.

Гай. Чѣмъ ты еще можешь доказать, что *Кватъ* умеръ безъ покаянія?

Стефанъ. Онъ во все время болѣзни своея никогда отъ искренняго сердца не взывалъ къ Богу, дабы получить отъ Него благодать, хотя иногда, когда болѣзнь его мучила и обнималъ страхъ и восклицалъ онъ купно съ другими плотскими людьми такъ: *Господи! помоги мнѣ. Господи! укрѣпи меня. Господи! искупи меня*; и подобно тому. Но чтобы взывать къ Богу о низпосланіи благодати, сіе было ему не извѣстно; онъ былъ въ такомъ расположеніи (что уже я сказалъ и прежде), какъ будто бы никогда не согрѣшалъ.

Гайй. Это еще другой злой знакъ; ибо взываніе къ Богу о низпосланіи благодати, есть одинъ изъ первыхъ признаковъ обращенія. Когда Павелъ раскаявался во грѣхахъ своихъ, тогда сказалъ о немъ Духъ Святый: *Себо молитву дѣетъ.* Дѣян. гл. 9 ст. 11. Но въ комъ нѣтъ и перваго знака обращенія, то въ томъ конечно нѣтъ и другихъ, и слѣдственно онъ совсѣмъ чуждъ онаго. Я не хочу сказать того, что совсѣмъ не можно взывать къ Богу, естьли никакихъ знаковъ раскаянія не находится. Давидъ говоритъ: *Воззваша, и не бѣ спасаяй: ко Господу, и не услыша ихъ.* Пс 17.

17. ст. 42. Весьма бы было хорошо, чтобы Богъ услышалъ ихъ, естьли бы взываніе ихъ было плодомъ ихъ обращенія! Почему и говорю я, что взывающіе къ Богу, но притомъ нераскаявшіеся, суть точно еще необратившіеся. Въ книгѣ Іова сказано, гл. 36, ст. 13: *Не возопіютъ, яко связа ихъ.*

Стефанъ. Я увѣренъ, что кающемуся столь же трудно не взывать къ Богу, какъ болящему не стенать. Кто читалъ Псалтирь (гдѣ раскаяніе изображено живѣйшимъ образомъ съ истинными и собственными онаго дѣйствіями), тотъ находитъ, что взываніе, взываніе сильное, сердечное, великое и безпрестанное, было плодомъ раскаянія; но у Квата сего не было, по чему онъ во грѣхахъ и умеръ.

Что взываніе, или молитва, есть вѣрной плодъ раскаянія, сіе видно изъ слѣдующихъ мѣстъ: Пс. 50. ст 1: *Помилуй мя Боже по велицѣй милости твоей, и по множеству щедротъ твоихъ очисти беззаконіе мое.* Пс. 6, ст. 1, 2, 3, 4, 5: *Господи! да не яростію твоею обличиши мене, ниже гнѣвомъ твоимъ накажеши мене. Помилуй мя Господи, яко немощенъ есмь: исцѣли мя Господи, яко смя-*

смятошася кости моя, и душа моя смятеся зѣло: и Ты Господи, доколѣ: Обратися Господи, избави душу мою, спаси мя ради милости твоея. Пс. 37, ст. 1. 10: *Господи! да не яростію твоею обличиши мене, ниже гнѣвомъ твоимъ накажеши мене: яко стрѣлы твоя унзоша во мнѣ, и утвердилъ еси на мнѣ руку твою: нѣсть исцѣленія въ плоти моей отъ лица гнѣва твоего: нѣсть мира въ костѣхъ моихъ отъ лица грѣхъ моихъ. Яко беззаконія моя превзыдоша главу мою, язо бремя тяжкое отяготѣша на мнѣ, возсмердѣша и согниша раны моя отъ лица безумія моего. Пострадахъ и слякохся до конца, весь день, сѣтуя, хождахъ: яко лядвія моя наполнишася поруганій, и нѣсть исцѣленія въ плоти моей. Озлобленъ быхъ и смирихся до зѣла: рыкахъ отъ воздыханія сердца моего.* Я могъ бы здѣсь представить еще большее число такихъ изреченій святыхъ мужей, чрезъ кои показывали они, каковы они были, что они ощущали, и взывали ли они ко Господу, когда раскаяніе въ нихъ дѣйствовало. Ахъ! совсѣмъ не возможно, чтобы человѣкъ не молился тогда, когда онъ ощущаетъ вину свою; подобно какъ женщина не можетъ не стенать въ то время,

мя, когда она въ родахъ бываетъ. Да хотя бы и цѣлой міръ увѣрялъ меня, что кающемуся можно и не молиться, однако бы я ему не повѣрилъ.

Гаій. Да и я также не знаю причины, для чего бы истинно кающемуся не молиться; ибо что иное можетъ показать раскаяніе его? Но пожалуй, государь мой, скажи мнѣ, не знаешь ли ты еще какого либо признака, по чему бы доказать было можно, что *Кватъ* умеръ во грѣхахъ, и слѣдственно въ состояніи проклятомъ?

Стефанъ. Сіе могу я доказать еще тѣмъ, что сотоварищи его, съ которыми онъ обходился, будучи еще здоровымъ, были люди грѣшные, коихъ бесѣда и плотскіе разговоры ему наиболѣе нравились. Мимоходомъ сказалъ я уже все сіе, но теперь намѣренъ я симъ доказать то, что онъ не имѣлъ благодати; ибо естьли у кого истинно благодать въ сердцѣ находится, то она не только производитъ перемѣну въ *сердцѣ*, *мысляхъ* и *желаніяхъ*, но и въ обхожденіи съ другими. Когда Павелъ получилъ благодать въ душу свою, тогда старался онъ присоединиться къ ученикамъ Іисусовымъ, не могши уже продолжать обхожденіе съ старыми

и грѣховными своими товарищами; онъ сдѣлался ученикомъ, и присоединился къ ученикамъ, и съ ними вошелъ и вышелъ изъ Іерусалима. Дѣян. гл. 9. ст. 26 и 27.

Гаій. Теперь только было думалъ я, что сіе было точно знакомъ того, что у него не было благодати въ сердцѣ. Однородныя птицы любятъ слетаться вмѣстѣ; и такъ думалъ я, естьли бы человѣкъ сей былъ однимъ изъ чадъ Божіихъ, то бы онъ и придержался чадъ Божіихъ и увеселялся бы обхожденіемъ съ ними.

Стефанъ. Ты говоришь правду; ибо какое обхожденіе можетъ имѣть вѣрной съ невѣрнымъ? Правда, что не всѣ тѣ, которые находятся въ обхожденіи съ богочестивыми, суть богобоязливые люди; однако правда и то, что тѣ, которые внутренно предпочитаютъ общество злочестивыхъ и явно грѣшныхъ обществу богочестивыхъ, какъ-то *Кватъ* дѣлалъ, не суть богочестивые, но только суетные мірочеловѣки.

Онъ бывалъ тогда, какъ сказалъ я, внѣ своей стихіи, когда благочестивые люди его посѣщали; но когда окружали его суетные его сотоварищи, тогда бы-

валъ

валъ онъ въ желаемомъ состояніи. Ахъ! благодать, какъ упомянулъ я, перемѣняетъ все: сердце, жизнь, товарищей и прочее. Когда сердце ново, тогда новъ и человѣкъ; также и увеселеніе долженъ находить такой человѣкъ въ томъ, что ново и что ему подобно. Древнее все изчезнетъ, и изчезнетъ для того, что все новымъ сдѣлается. 2 Кор. гл. 6. ст. 6. 7.

А какъ все сдѣлается новымъ: сердце, разумъ, мысли, желанія и увеселенія: то само собою послѣдуетъ, что общество, съ которымъ будешь обходиться, должно быть таково же. Почему и сказано, Дѣян. гл. 4. ст. 32: *Народу же вѣровавшему бѣ сердце и душа едина.* Также и слѣдующее изображено тамъ, гл. 2. ст. 44: *Вси же вѣровавшіи бяху вкупѣ, и имяху вся обща.* Естьли же кто либо возразить захочетъ, что *Кватъ* по болѣзни своей не могъ обходиться съ богобоязливыми, то сіе опровергнуть можно тѣмъ, что у него былъ еще языкъ, и слѣдственно онъ могъ, естьли бы только хотѣлъ, позвать богочестивыхъ людей къ себѣ. Да, сіе сдѣлать было ему должно, и всѣ другія общества, особливо старые ево товарищи во грѣхахъ должны были, когда бы онъ

только увидѣлъ ихъ, быть ему тягостными и скучными. Естьли бы сердце его и его склонности твердо пригвождены были къ добру, то благочестивая бесѣда болѣе бы всего ему нравилась. Но обхожденіе имѣлъ онъ съ старыми своими сотоварищами, и всю забаву составляли для него они; почему сердце его и его душа были еще злочестивы.

Гаій. Но въ какомъ былъ онъ состояніи, приближившись къ концу своему? ибо я примѣчаю, что все, о немъ тобою мнѣ говоренное, относится по большей части къ поступкамъ его при началѣ его болѣзни: ибо тогда могъ онъ еще обходиться съ товарищами своими и говорить много. Можетъ быть тогда надѣялся онъ выздоровѣть, а не умереть; чему совсѣмъ противное увидѣлъ онъ, когда мучительная болѣзнь совершенно почти его измождила и привела ко вратамъ гроба. И такъ каковъ былъ онъ тогда, когда находился близъ смерти, и когда, такъ сказать, нога его уже во гробѣ ступила; когда онъ видѣлъ и зналъ (чего не знать ему совсѣмъ было не возможно), что онъ скоро умретъ и долженъ предстать предъ судъ Божій?

Стефанъ. Въ немъ никакой не примѣтно было перемѣны, кромѣ той, которую болѣзнь производила въ наружности его. Болѣзнь, какъ тебѣ извѣстно, дѣлаетъ перемѣну въ тѣлѣ, и мученіе заставляетъ человѣка стонать и воздыхать. Но что касается до его духа, то въ немъ не примѣтно было никакой перемѣны: духъ его былъ тотъ же, и сердце его таково же, какъ прежде. Онъ былъ все старымъ *Кватомъ*, не только по имени, но и по дѣламъ. Сіе же продолжалось до дня смерти его, и даже (сколько примѣтить можно было) до самой той минуты, въ которую онъ изпустилъ духъ свой.

Гаій. Въ какомъ же былъ онъ состояніи при кончинѣ своей? Жестокою ли умеръ онъ смертію, или кроткою и тихою?

Стефанъ. При кончинѣ его ничего не видно было (сколько окружающіе его примѣтили), кромѣ сильнаго противоборствія натуры. Что же касалось до его духа, то по видимому былъ онъ спокоенъ. Но пожалуй скажи мнѣ, для чего ты меня о семъ спрашиваешь?

Гаій. Не для себя, но для другихъ. Ибо простолюдимы думаютъ, что кто

умретъ

умретъ спокойно и безъ скорби внутренней, которую иные въ смерти своей ощущаютъ: тотъ, по мнѣнію ихъ, безъ всякаго сомнѣнія пошелъ на небо и избавился отъ будущаго гнѣва.

Стефанъ. По тихой смерти не льзя разсуждать о вѣчномъ состояніи умершаго. Положимъ, что одинъ умираетъ покойно и тихо, напротивъ того другой весьма скоропостижно, а третій съ великою скорбію и смятеніемъ духа; однако по сему роду смерти никто не можетъ вѣрно опредѣлить судьбу будущаго ихъ состоянія. *Умирающій тихо, или скоропостижно и въ полномъ безпокойствіи духа, равно на небѣ быть можетъ, и равно можетъ итти въ адъ.* По роду смерти, никто не можетъ сказать, гдѣ такой человѣкъ будетъ. Заключеніе, которое по тому дѣлаемъ мы о вѣчномъ состояніи человѣка, должно быть сдѣлано по другому разсмотренію. А имянно: естьли человѣкъ умираетъ во грѣхахъ, въ невѣріи и прежде своего возрожденія, то идетъ онъ въ адъ и къ діаволу, сколько бы покойно ни умиралъ. А естьли умершій былъ человѣкъ благочестивой, вѣровалъ и соблюдалъ святость; естьли любилъ онъ Бога и прилѣжно взывалъ къ

Нему, слѣдовавши руководству Слова Божія: то онъ пошелъ къ Богу на небо, сколько бы скоропостижно ни умеръ онъ, и какъ бы духъ его при смерти ни былъ безпокоенъ. Но *Кватъ* исполненъ былъ недобродѣтели, жизнь его была зла, пути его развратны, и развратны до самой его кончины; почему и отправился онъ въ адъ и къ діаволу, сколь ни тихо умеръ.

Иногда совсѣмъ не можно разсуждать о вѣчномъ состояніи человѣка по роду и образу его смерти, или по тому, какъ онъ умеръ. Правда, человѣкъ, умертвивши самъ себя, или жившій злочестиво, и послѣ въ крайнемъ отчаяніи умершій, безъ всякаго сомнѣнія идетъ въ адъ. При семъ случаѣ долженъ я упомянуть о двухъ братьяхъ *Кватовыхъ* (ибо я сказалъ тебѣ, что у него были братья) и о родѣ ихъ смерти.

Одинъ изъ нихъ самъ себя лишилъ жизни; а другой, ведши также злочестивую жизнь, умеръ въ крайнемъ отчаяніи. Почему о нихъ я смѣло сказать могу, что они отъ смерти своей въ адъ пошли.

Гай. Пожалуй скажи мнѣ, какимъ образомъ первой лишилъ себя жизни?

Сте-

Стефанъ. Онъ самъ себѣ ножемъ перерѣзалъ горло, и въ тотъ же часъ испустилъ духъ свой. Кто же можетъ о судьбѣ сего человѣка заключить иное, какъ не то, что онъ пошелъ въ пагубу? Ибо Писаніе говоритъ, что ни одинъ смертоубійца не будетъ наслѣдовать жизнь вѣчную. Онъ былъ убійцею, самоубійцею; а тотъ есть злѣйшій изъ убійцъ, которой убиваетъ собственное свое тѣло и душу. Мы не находимъ ни въ Св. Писаніи, ниже гдѣ либо въ другихъ хорошихъ книгахъ, чтобъ людей, самихъ *себя* умертвившихъ, именовали не проклятыми. Естьли Богъ дѣлаетъ такихъ людей за грѣхи ихъ собственными своими палачами, или орудіями къ изліянію на самихъ себя Его осужденія и гнѣва, то сіе есть страшной судъ Его. При семъ случаѣ могу я для грѣшниковъ произнести такое увѣщаніе: *Старайтесь, друзья мои, отстать отъ грѣховъ своихъ, дабы Богъ не поступилъ съ вами такъ, какъ съ Кватовыми братьями, т. е, чтобы Онъ не сдѣлалъ васъ самоубійцами.*

Но увѣдомь меня нѣсколько и о другомъ, о которомъ ты говорилъ.

Стефанъ. О какомъ другомъ?

Гай. О злочестивомъ, умершемъ въ отчаяніи.

Стефанъ. Сей другой *Кватовъ* братъ былъ человѣкъ препорочной какъ въ сердцѣ, такъ и въ жизни своей. Ничто въ мірѣ не могло его отвести отъ того, ни добрыя люди, ни хорошія книги, ни хорошій примѣръ, ниже суды Божіи. Живши нѣсколько такимъ образомъ, былъ онъ отъ Бога пораженъ болѣзнію, отъ которой и умеръ. Въ сей болѣзни совѣсть его воспрянула, и такъ начала укорять его за злую его жизнь, что всему городу сіе извѣстнымъ стало. Когда слухъ о семъ распространился, то сосѣди пришли посѣтить его, и нѣсколько времени, какъ нѣкоторые говорили, у него побыть. Но все говоренное ими не могло уменьшить ужаса его: онъ лежалъ, скрежеталъ зубами, складывалъ руки, и былъ твердо увѣренъ, что душа его осуждена будетъ. И такимъ образомъ въ семъ ужасѣ и отчаяніи онъ умеръ не въ молитвѣ къ Богу, но въ негодованіи на Его милосердіе и съ хуленіемъ имени Его.

Гай. Сіе воспоминаетъ мнѣ объ одномъ человѣкѣ, о которомъ прежде разсказывалъ мнѣ другъ мой. Онъ былъ злочестивъ

честивъ въ жизни своей, при смерти же своей впалъ въ глубокое отчаяніе; и вообразивши твердо, что отъ Бога не можно уже ему ожидать никакой милости, обратился къ діаволу.

Стефанъ. Подобно сему поступилъ *Саулъ*, которой, будучи оставленъ Богомъ, обратился къ волшебницѣ *Ендорской*, слѣдственно и къ діаволу, желавши чрезъ него получить себѣ помощь. Но, ахъ! сколько бы могъ я собрать такихъ ужасныхъ исторій, естьли бы захотѣлъ всѣ оныя прочитывать! Но я заключу тѣмъ, чѣмъ началъ, *а имянно*: самоубійцы, или въ отчаяніи умиравшіе, ведшіе прежде жизнь злочестивую, безъ сомнѣнія въ адъ идутъ.

Въ семъ хотѣлъ я представить поученіе и увѣщаніе для каждаго, умирающаго въ смятеніи духа, т. е. въ великой робости и страхѣ. Но благочестивые умираютъ не въ отчаяніи, хотя и они опасаться смерти могутъ до конца своего, какъ то сказано въ Пс. 73. ст. 4. Въ небо же и во славу войти имъ можно; ибо, какъ я и предъ симъ сказалъ, благочестивой человѣкъ, имѣющій вѣру и святость, любящій Бога и взывающій къ Нему чрезъ Христа, весьма можетъ, по

Слову

Слову Божію, умереть въ безпокойствіи духа; поелику діаволъ безъ сомнѣнія не престанетъ нападать на благочестивыхъ и на смертномъ одрѣ ихъ. Но они сохранены будутъ словомъ и силою Божіею, и получатъ отъ оныхъ себѣ помощь и умрутъ въ вѣрѣ и молитвѣ, чего совсѣмъ не можетъ сдѣлать тотъ, которой умираетъ въ отчаяніи. Но обратимся опять къ *Квату*, и будемъ продолжать разговоръ нашъ о образѣ его смерти.

Гайй. Я думаю, что мы теперь одно думали; ибо я точно намѣренъ былъ сказать тебѣ, чтобы обратиться къ смерти *Кватовой*. И такъ, какъ уже ты самъ обратился къ тому, поговоримъ еще нѣсколько о его тихой и кроткой кончинѣ.

Стефанъ. Весьма охотно. — Мы говорили, какъ тебѣ извѣстно, о родѣ смерти *Кватовой*; говорили о томъ, какъ онъ тихо и спокойно умеръ. Ты слышалъ, что простой народъ заключаетъ, что естьли кто нибудь умретъ спокойно, то такой безъ сомнѣнія идетъ въ небо. Но къ сожалѣнію, спокойная смерть злочестиваго человѣка (человѣка, ежедневно въ явныхъ грѣхахъ погружавшагося), кроткая его смерть, говорю, совсѣмъ не

есть знакъ его блаженства, но скорѣе будетъ еще неопровержимымъ доказательствомъ осужденія. Таковъ-то былъ *Кватъ*. Онъ злочестиво жилъ до самаго конца своего, безъ раскаянія отшелъ отъ міра сего; почему и надобно думать, что онъ пошелъ въ адъ.

Гай. Ты говоришь весьма утвердительно, что человѣкъ, до самаго конца своего жившій злочестиво и безъ раскаянія умирающій, идетъ въ пагубу; и такъ покажи мнѣ, какими доказательствами хочешь ты утвердить мнѣніе свое?

Стефанъ. Первое свое доказательство извлекаю я изъ необходимости обращенія. Никто не можетъ быть блаженнымъ, естьли не обратится; и никто не можетъ обратиться, естьли не увидитъ и не узнаетъ, что онъ грѣшникъ. Кто же знаетъ, что онъ грѣшникъ, тотъ (увѣряю тебя) познаніемъ грѣховъ будетъ и тронутъ и угнѣтенъ. Сіе утверждаетъ все Св. Писаніе, равно какъ и опытъ Христіанъ. Кто въ самомъ себѣ познаетъ грѣшника, тотъ бываетъ смятеннымъ и смущеннымъ, особливо тогда, когда познаніе сіе пріобрѣтаетъ онъ только на одрѣ смертномъ; такой, говорю я, весьма бываетъ печаленъ прежде,

нежели спокойно умереть можетъ. Онъ смущается, унываетъ и крушится; онъ побуждаемъ бываетъ взывать къ Богу, алкать и жаждать благодати чрезъ Христа. Естьли же и въ самомъ дѣлѣ умираетъ онъ нѣкоторымъ образомъ спокойно, то сіе спокойствіе бываетъ отъ надежды и вѣры въ Божіе милосердіе, отъ чего *Кватъ* и братья его весьма удалены были.

Я охотно признаюсь въ томъ, что не весьма уважаю обращеніе въ болѣзни: ибо думаю, что оно рѣдко благіе плоды имѣетъ; но говорю, что тотъ, которой все время жизни своей провелъ во грѣхахъ и оскверненіи себя, подобно нашему *Квату*, и которой умираетъ спокойно, не обратившись между жизнію своею и своею смертію вѣрно погибаетъ и идетъ въ адъ.

Гайй. Доказательство сіе безъ сомнѣнія истинно; ибо должно обратиться и раскаяться, или будемъ мы повержены въ огнь ада. Естьли же кто нибудь и спокойно отлучается отъ міра сего, но естьли велъ онъ злую жизнь, и пребывалъ злымъ до дня смерти своей: то сіе есть знакъ его необращенія при смерти,

слѣдственно и знакъ того, что онъ осужденъ.

Стефанъ. Что касается до меня, то я совершенно въ истиннѣ сказаннаго мною увѣренъ. Обращеніе и раскаяніе необходимы по тому, что Богъ оныхъ требуетъ, и что безъ оныхъ не хочетъ Онъ простить ни одного грѣха: *Аще не покаетеся. вси такожде погибнете.* Лук. гл. 13. ст. 3. Сіе сказалъ Богъ. А кто еще захочетъ думать безъ того достигнуть неба, тотъ покажетъ безуміе свое. *Покайтеся, уже бо и сѣкира при корени древа лежитъ: всяко убо древо, еже не творитъ плода добра* (тамъ же добраго плода быть не можетъ, гдѣ нѣтъ обращенія), *посѣкаемо бываетъ, и во огнь вметаемо.* Матѳ. гл. 3. ст. 10. Таково было состояніе *Кватово.* Онъ велъ грѣховную жизнь до самаго конца своего; умеръ, но безъ покаянія и раскаянія, почему и пошелъ въ адъ и въ осужденіе.

Другое доказательство мое взято изъ Св. Слова Христова, Лук. гл. 11. ст. 21: *Егда крѣпкій вооруживея, хранитъ свой дворъ, во смиреніи суть имѣнія его: егда же крѣплѣй его нашедъ, побѣдитъ его, все оружіе его возметъ* и проч. Сей крѣпко вооруженный защищалъ *Кватовъ*

домъ,

домъ, т. е. его *сердце, душу и тѣло.* Крѣпко вооруженной есть діаволъ, а миръ его спокойствіе. Никогда діаволъ не страшится потери, пока онъ можетъ еще грѣшника держать въ тишинѣ и спокойствіи. Естьли можетъ онъ человѣка при грѣховной жизни содержать въ спокойствіи; естьли и въ смерти можетъ онъ его сдѣлать покойнымъ: то человѣкъ сей есть собственность его. Почему Спаситель говоритъ, что тогда все пребываетъ въ спокойствіи, т. е. внѣ опасности. Діаволъ не страшится тогда потерять такую душу, какъ-то лучше всѣхъ извѣстно было Христу, сказавшему, что тогда все пребываетъ въ мирѣ, спокойствіи и безопасности.

Почему естьли Богъ однимъ словомъ хочетъ выразить великость гнѣва своего на грѣхи и на грѣшниковъ, то говоритъ Онъ, Ос. гл. 4. ст. 17: *Причастникъ кумиромъ Ефремъ положи себѣ соблазны.* Пусть его живетъ такъ, пусть его стремится, и вы ему не противитеся. Пусть діаволъ въ мирѣ соблюдаетъ его, пусть онъ не обратится и спокойно разлучится съ міромъ. —— Сіе есть одинъ изъ плачевнѣйшихъ судовъ Божіихъ, показывающій пламенной Божій гнѣвъ на грѣхъ.

Посмотри, что написано и въ 14 стихѣ сей главы: *Не присѣщу на дщери ваша, егда соблудятъ, и на невѣсты ваша, егда возлюбодѣютъ.* Я ихъ оставлю, вѣщаетъ Господь, и онѣ умрутъ во грѣхахъ своихъ.

Но вотъ еще и третіе доказательство, взятое изъ Слова Христова, Іоан. гл. 12. ст. 40: *Ослѣпи очи ихъ, и окаменилъ есть сердца ихъ, да не видятъ очима, ни разумѣютъ сердцемъ и обратятся, и исцѣлю ихъ.* Три вещи буду я въ словахъ сихъ нѣсколько точнѣе разсматривать: первое, тамъ не можетъ быть обращеніе, гдѣ глаза ослѣплены и сердце ожесточено. Глаза должны сперва прозрѣть, а сердце умягчиться и отъ грѣховъ сокрушиться и смириться, или обращенія не будетъ. Онъ ослѣпилъ глаза ихъ и ожесточилъ ихъ сердце, дабы они не видѣли и не обратились. Сіе же весьма примѣтно съ *Кватомъ* исполнилось. Онъ велъ жизнь злочестивую, и былъ слѣпъ; сердце же у него было ожесточенное, ибо грѣховная его жизнь была соединена съ спокойною смертію. Сіе же все цѣлію имѣло то, чтобы онъ не обратился, но вкусилъ бы плодъ грѣховной своей жизни въ огнѣ адскомъ. Другое,

тое, примѣчаемое мною въ словахъ сихъ, есть то, что таковое состоянiе человѣка показываетъ и открываетъ Божiй на него гнѣвъ за его грѣхи. Когда Богъ противъ человѣковъ раздраженъ бываетъ (т. е. раздраженъ такимъ образомъ), то въ числѣ многихъ судовъ, которымъ тогда предаетъ Онъ ихъ, находится также и сей судъ, т. е. ослѣпленiе разума ихъ и ожесточенiе ихъ сердца, которыя по попущенiю Его продолжаются до дверей смерти ихъ. Тогда-то, и тамъ-то только отверзутся глаза ихъ! Ради того сказано о умершемъ богатомъ человѣкѣ, что онъ только въ адѣ открылъ глаза свои. Лук. гл. 16. ст. 22. Сiе же показываетъ, что онъ прежде ихъ не открывалъ; никогда не видѣлъ онъ дѣлъ и путей своихъ, доколѣ не достигъ мѣста исполненiя суда, въ самой адъ. Въ часъ смерти его душа его спала, и онъ умеръ въ безумiи и безсмыслiи; почему и умеръ онъ спокойно, подобно *Квату*, что было знакомъ гнѣва Божiя. Онъ хотѣлъ осудить его за его грѣхъ, не хотѣвши открыть ему то, ниже побудить его къ раскаянiю, дабы онъ не обратился и не уничтожилъ падшаго на него осужденiя; дабы, какъ говоритъ Господь, они не

обратились, и Я не помогъ бы имъ. Третіе, что я въ сихъ словахъ замѣтить намѣренъ, есть сказаніе, что грѣховная жизнь, соединенная съ спокойною и тихою смертію, есть большая, явная и обыкновенная дорога въ адъ. Нѣтъ никакого вѣрнѣйшаго знака, что человѣкъ осужденъ, какъ то, что онъ послѣ грѣховной и нераскаянной жизни спокойно умираетъ. Но не можно здѣсь сказать того, чтобы уже всѣ злочестивые, на смертномъ одрѣ своемъ ощутившіе свои грѣхи и страхъ ада, шли на небо (ибо хотя у нѣкоторыхъ глаза бываютъ открыты, *и хотя они бываютъ* преданы отчаянію: однако зрѣніе ихъ не дѣлаетъ ихъ обращенными, дабы они изъ міра сего съ ревомъ пошли въ назначенное имъ мѣсто); но я говорю, что нѣтъ никакого вѣрнѣйшаго знака осужденія какого нибудь человѣка, какъ то, чтобъ послѣ грѣховной и нераскаянной жизни умереть спокойно; чтобъ грѣшить и умирать съ такимъ сердцемъ, которое не удобно къ обращенію Богъ ослѣпилъ глаза ихъ и ожесточилъ ихъ сердца, дабы они не видѣли глазами, ниже ощущали сердцемъ во все время жизни ихъ въ мірѣ семъ; дабы они не обратились, и дабы Онъ не

помогъ

помогъ имъ. Римл. гл. 21. ст. 2. 3. 4. 5. Дѣян. гл. 28. ст. 26. Господь умѣетъ сохранить неправедныхъ къ мукѣ дня суднаго. 2 Петр. гл. 2. ст. 9. Сіе же есть одно изъ тѣхъ средствъ, которыя Онъ къ тому употребляетъ, что произошло и съ *Кватомъ*.

Вчетвертыхъ, сказано въ Псалмѣ 72. ст. 4: *Яко нѣсть восклоненія въ смерти ихъ, и утвержденія въ ранѣ ихъ.* Подъ опасностію, или восклоненіемъ разумѣетъ Давидъ трудности, милостивое усмиреніе, такое наказаніе, которое пребываетъ знакомъ и частію народа Божія и которое часто угнѣтаетъ ихъ во время ихъ смерти; злочестивые же отъ онаго освобождены. Почему Давидъ относительно къ нимъ примолвилъ: *Въ трудѣхъ человѣческихъ не суть, и съ человѣки не пріимутъ ранъ.* Они столь спокойно разлучаются съ міромъ симъ, какъ будто бы они никогда противъ Бога не согрѣшили, ниже душу свою когда либо подвергли опасности осужденія. Они не опасаются смерти, или смерть не налагаетъ на нихъ оковъ. Они, по видимому, отъ міра отходятъ такъ, какъ освобожденные, развязанные и вольность получившіе, хотя они и все время жизни сво-

ей провели въ злочестіи. Съ злодѣя, долженствующаго умереть на висѣлицѣ, должно снять прежде оковы; по видимому идетъ онъ весьма свободно, но въ самомъ дѣлѣ ведутъ его къ тому мѣсту, гдѣ получитъ онъ наказаніе за злодѣянія свои. Такимъ образомъ и злочестивые не опасаются ничего при смерти своей, ниже какія либо цѣпи тогда ими на себѣ бываютъ ощущаемы: они кажутся свободными въ то самое время, когда грѣховная ихъ жизнь должна прерваться и открыть ихъ мѣсто наказанія.

Грѣхи ихъ и злая ихъ жизнь не приходятъ имъ въ мысль, дабы усмириться и покаяться; но воображаемая надежда, что они еще не находятся въ опасности смерти (что есть не что иное, какъ мечта діавольская), обитаетъ въ душѣ ихъ къ собственной и вѣчной ихъ пагубѣ. Іов. гл. 8. ст. 3. 4. Почему сказано, что надежда злочестивыхъ умираетъ съ ними, не прежде ихъ, но съ ними, испуская духъ вмѣстѣ. —— Такъ случилось и съ *Кватомъ*. Грѣхи его и его надежда провождали его до дверей гроба, но тутъ надежда сія его оставила, ибо сама тогда духъ изпустила;

а грѣхи съ нимъ пошли, дабы быть червемъ и вѣчно грызть совѣсть его.

Почему воображенїе простаго народа, касательно до рода и образа смерти, есть совсѣмъ ничтожно и суетно; ибо *Кватъ* умеръ такъ, какъ скотъ, какъ волъ при заколенїи, спокойно и безъ страха. Не по тому умеръ онъ такъ тихо, чтобы естество не боролось со смертїю, но по тому, что совѣсть его не страшилась осужденїя, или суда Божїя. Я знаю, что естество всегда со смертїю борется; я видѣлъ, что и песъ, что и овца умираетъ жестокимъ образомъ: слѣдственнно и злочестивому послѣдняя минута также можетъ быть горькою, въ разсужденїи великой антипатїи и сраженїя естества со смертїю. Сверьхъ того, когда смерть и естество спорятъ о первенствѣ, душа и совѣсть злочестивыхъ можетъ быть спящею, нечувствительною и незнающею бѣднаго своего состоянїя, подобно неподвижной кровати, на которой больной лежитъ. —— Такимъ образомъ хотя и кажутся они умирающими по видимому спокойно, но въ самомъ дѣлѣ изпускаютъ они духъ свой такъ, какъ преданные приговоромъ Божїимъ вѣчному осужденїю; самой же сей при-

приговорѣ препятствуетѣ видѣть и то, что суть они, и куда идутѣ, до самаго того времени, какѣ будутѣ повержены во огнь адскій.

И какѣ такой страшной судѣ Божій постигаетѣ злочестивыхѣ, низпосылая имѣ такую смерть, которая отнимаетѣ всякую возможность кѣ обращенію и достиженію блаженства: такѣ купно касается онѣ и до ихѣ товарищей, ихѣ переживающихѣ. Ибо когда сіи видятѣ, что оные умираютѣ тихо и спокойно, подобно кроткимѣ скотамѣ, то сердца ихѣ *ожесточаются*, и *они ободряются* кѣ *продолженію шествія своего*. Сравнивая жизнь ихѣ сѣ ихѣ смертію (т. е. жизнь грѣховную и проклятую сѣ смертію толь тихою, каковою бываетѣ смерть скотовѣ кроткихѣ), думаютѣ они, что они находятся вѣ совершенно добромѣ состояніи, и что никакое осужденіе уже ихѣ не угнѣтаетѣ. Хотя жили они какѣ воплощенный діаволѣ, однако умерли столь спокойно, какѣ бы и самымѣ благочестивѣйшимѣ умереть должно, и какѣ бы имѣли великую вѣру и надежду на блаженство. Такимѣ образомѣ товарищи ихѣ, еще вѣ жизни оставшіеся, о блаженствѣ будутѣ говорить такѣ, какѣ

удто

будто бы они въ обладаніи онымъ совершенно увѣрены были. Но какова была надежда оныхъ умершихъ въ жизни ихъ, такова была надежда ихъ и при ихъ смерти. Надежда ихъ была безъ искушенія, ибо она была надежда не Божія; почему и смерть ихъ была безъ сокрушенія, ибо была она для нихъ наказаніемъ Божіимъ.

Но я говорю, что образъ ихъ смерти возбуждаетъ оставшихся слѣдовать ихъ стезямъ, и ожесточиться въ такой жизни, которая преступаетъ законъ Божій. Сіе дѣлаетъ ихъ дерзскими и нахальными въ ихъ злобѣ; ибо въ Псалмѣ сказано: *Нѣсть всклоненія въ смерти ихъ, и утвержденія въ ранѣ ихъ и проч. Сего ради удержа я гордыня ихъ до конца: одѣяшася неправдою и нечестіемъ своимъ, изыдетъ яко изъ тука неправда ихъ.* Почему ободряются они къ дѣланію зла, и возносятъ самихъ себя въ неправдѣ своей. Но что тому причиною? То, что товарищи ихъ жили весьма долгое время въ величайшемъ злочестіи и въ величайшихъ грѣхахъ, но умерли такъ спокойно и тихо, какъ скоты, не признающіе ни въ чемъ своей винности.

По-

По сему съ дерзостію заключатъ они, что Богъ не имѣетъ и не будетъ имѣть вниманія ко грѣхамъ ихъ; они говорятъ о томъ худо, и рѣчи ихъ высокомѣрны. Пс. 72, ст. 8, 9, 10, 11. Дерзско и злочестиво говорятъ они о грѣхахъ; они говорятъ, что они поступаютъ хорошо, не слѣдуя Слову, повелѣвающему не быть таковыми, каковы они суть. Они буйно говорятъ о обманахъ, хваля и почитая оные за искусство. Они говорятъ высокомѣрно, и гордо, направляютъ языкъ свой противъ неба, и говорятъ: какая нужда Богу до грѣховъ, и для чего Ему примѣчать ихъ? —— Все же сіе по замѣчанію моему произходитъ въ сердцахъ ихъ отъ того, что они видятъ иныхъ товарищей своихъ кроткою и тихою смертію умирающихъ. *Се сіи грѣшницы и гобзующіи въ вѣкъ удержаша богатство.* Пс. 72. ст. 12.

И такъ спокойная смерть грѣшниковъ есть не только великое наказаніе Божіе для нихъ, но великое наказаніе и для сотоварищей ихъ, которые видятъ такую смерть ихъ. Человѣкъ грѣшитъ, умираетъ во грѣхахъ, но умираетъ иногда спокойно. Что же скажутъ сотоварищи его? Что же заключаютъ они о

томъ,

шомъ, какъ Богъ нѣкогда съ ними поступитъ, видя кроткую и тихую смерть знакомца своего? Будь увѣренъ, что они, увидя то, не скажутъ: горе намъ! ибо мы подвергнемся подъ осужденіе Божіе. По тихой смерти *Кватовой* не видятъ они того, сколь ужасенъ и горекъ грѣхъ; но скорѣе еще, естьли будутъ судить по видимому и по пагубнымъ рѣчамъ умиравшаго *Квата*, вмѣстѣ съ древними грѣшниками скажутъ: *Всякъ творяй зло, добръ предъ Господемъ, и вопросятъ· и гдѣ есть Господь правды?* Мал. гл. 2. ст. 17.

Сіе можетъ и самаго мудраго человѣка привести въ смятеніе. Давидъ изумился, увидѣвши спокойную смерть злочестивыхъ. Онъ сказалъ: *Еда всуе оправдихъ сердце мое, и умыхъ въ неповинныхъ руцѣ мои.* Пс. 72. ст. 13. По видимому грѣшникамъ въ мірѣ семъ жить лучше моего: во всемъ у нихъ изобиліе, и желанія сердца ихъ исполняются; но я *бýхъ язвенъ весь день, и обличеніе мое на утренниxъ.* Сіе во удивленіи сказалъ Давидъ, равно какъ Іовъ и Іеремія. Но Давидъ идетъ во святилище, и тамъ уже взираетъ на конецъ ихъ; прежде же не могъ онъ понять того, т. е. пока

еще

еще не вошелъ во святилище, какъ-то говоритъ онъ. Что такое было мѣсто сіе? Мѣсто сіе было то, гдѣ онъ у Бога могъ спрашивать совѣта. Тамъ, сказалъ онъ, смотрѣлъ я на послѣдняя ихъ, и видѣлъ, что *за льщенія ихъ положилъ еси имъ злая, низложилъ еси я, внегда разгордѣшася*, т. е. весьма скоро и нечаянно. *Како быша въ запустѣніе, внезапу изчезоша, погибоша за беззаконіе свое.* Ужасъ сей не нападалъ на нихъ на одрѣ ихъ, ибо смерть не была для нихъ опасною; но онъ нападаетъ на нихъ тамъ, гдѣ вѣчно будетъ онъ съ ними неотступно. Сіе узналъ Давидъ не безъ великаго труда, скорби и болѣзни. Столь-то непроницаемо и темно, столь-то трудно было ему въ семъ случаѣ добраться до истинны!

Да и дѣйствительно сей судъ Божій, которой низпосылаетъ Онъ на злочестивыхъ грѣшниковъ, весьма непроницаемъ, и цѣлой міръ можетъ привесть въ изумленіе; но у богочестивыхъ есть святилище, въ которое они входятъ, и гдѣ Божественное изреченіе и слово Божіе, чрезъ которое суды Его и причины оныхъ узнаются, бываютъ ими уразумѣваемы.

Гайѣ

Гаій. Случай сей дѣйствительно чудесенъ и исполненъ премудрости и гнѣва Божія. Также думаю я, какъ и ты сказалъ, что для міра судъ сей весьма важенъ. Кто изъ тѣхъ, которые *Квата* знали и видѣли его умирающаго, не вообразилъ бы себѣ, что онъ былъ человѣкъ святаго житія? Какъ не заключить того по его тихой и спокойной смерти? Какъ не заключить по тому, что онъ былъ человѣкъ праведной? Какъ знавшему его въ жизни его, и видѣвшему его покойную смерть не заключить, что онъ съ Богомъ примирился? Но естьли еще нѣкоторые знали и то, что онъ умеръ во грѣхахъ, а смерть его видѣли покойную: то развѣ по тому не должны они были заключить, что Богу грѣхи его не извѣстны, или что не достаетъ Ему силы, премудрости, или воли къ его наказанію?

Стефанъ. Никакъ не можно противорѣчить тому, чтобы такой судъ Божій, злочестивыхъ постигающій, не былъ судъ великой. Одинъ идетъ въ адъ съ миромъ, а другой съ трудомъ и безпокойствіемъ; одинъ идетъ туда по собственной винѣ своей, а другаго отправляютъ туда сотоварищи его; одинъ

идетъ туда съ закрытыми, адругой съ открытыми глазами; одинъ идетъ туда съ терзаніемъ, а другой весь путь свой совершаетъ съ хвалою и благополучіемъ; одинъ идетъ туда такъ, какъ *Кватъ* нашъ, а другой такъ, какъ его сотоварищи и вѣрные братья. Но сверьхъ сего была смерть *Кватова*, что касается до ся рода и образа, исполнена сѣтей и силковъ; почему тѣ, которые умираютъ подобно ему, бываютъ наивеличайшими соблазнами для міра: они идутъ безпрестанно, идутъ спокойно отъ своего юношества до своей *старости*, *отъ старости* до могилы и до ада, безъ всякаго вопля. Они идутъ такъ, какъ *волъ на заколеніе ведется, и яко песъ на узы.* Пр. гл. 7. ст. 22. т. е. они идутъ безъ всякаго ума и разума и въ совершенной безопасности. Но, ахъ! когда придутъ они ко вратамъ ада, и увидятъ предъ собою отворившіяся врата сіи; ахъ! когда увидятъ они, что сіе мѣсто будетъ жилищемъ ихъ, и что они туда войти должны: тогда на вѣки отбѣжитъ отъ нихъ миръ и спокойствіе, тогда будутъ они ревѣть какъ львы, скрежетать какъ драконы, выть какъ псы, и отъ осужденія трепетать какъ діаволы.

Ахъ!

Ахъ! когда они увидятъ нѣкогда, что они должны войти во глубину и челюсти ада; когда они увидятъ, что адъ все мщеніе свое на нихъ устремитъ; когда они отворятъ глаза, и найдутъ себя во чревѣ и во внутренности адской: тогда будутъ стенать и выть, терзать на себѣ волосы и скрежетать зубами отъ мученія. Но сіе не должно начаться прежде (или естьли сіе и бываетъ, то весьма рѣдко), пока они совсѣмъ не сокроются отъ смертныхъ человѣковъ, остающихся послѣ нихъ въ мірѣ.

Гайй. И такъ, любезной мой сосѣдъ *Стефанъ*, примѣчаю я, что солнце гораздо уже низко, и что ты окончалъ уже повѣствованіе о *Кватовой* жизни и смерти, почему и намѣренъ я съ тобою проститься. Но притомъ должно мнѣ сказать тебѣ еще то, что я очень радъ твоей со мною встрѣчѣ, и что мнѣ разговоръ нашъ о *Кватѣ* весьма пріятенъ; также благодарю тебя и за то, что ты такъ охотно отвѣтствовалъ на всѣ мои вопросы. Впрочемъ дружески попросилъ бы я тебя, молить за меня Бога, да живу и да умру я не такъ, какъ *Кватъ*.

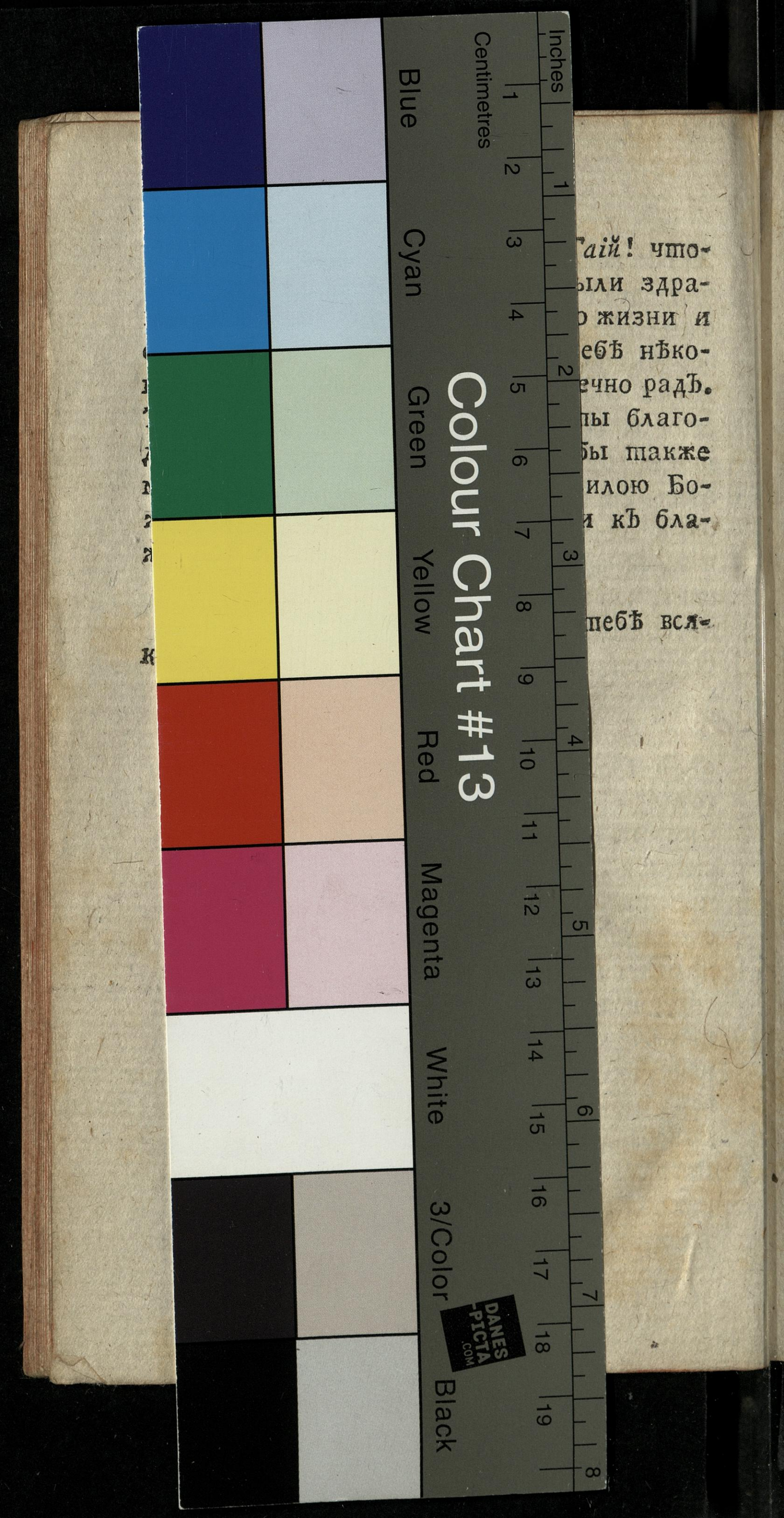
Сте-

Стефанъ. Желаю, любезной *Гаiй*! чтобы тѣло твое и твоя душа были здравы; и естьли говоренное мною о жизни и смерти *Кватовой* принесетъ тебѣ нѣкоторую пользу, то я буду сердечно радъ. Только прошу тебя, чтобы ты благодарилъ за то Бога, и искренно бы также молилъ Его, чтобы я и ты силою Божiею чрезъ вѣру сохранены были къ блаженству.

Гаiй. Аминь. — Прости.

Стефанъ. Сердечно желаю тебѣ всякаго благополучiя.

Конецъ III Части.



Гаій! что-
ыли здра-
о жизни и
ебѣ нѣко-
ечно радъ.
пы благо-
бы также
илою Бо-
и къ бла-

тебѣ вся-